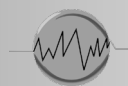

ISSN 2500–3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 7 2018 (ИЮЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

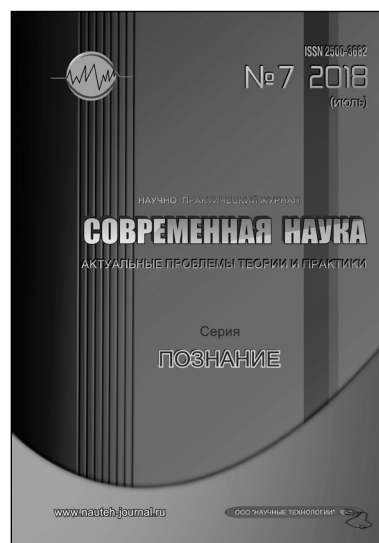
Подписано в печать 12.07.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 7 июль 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Вислова Аминат Даняловна — доктор псих. наук, в.н.с. Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиухова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Каландаришвили З. Н., Сидаш К. С. — Соционормативные и антропотворческие функции правовой культуры
Kalandarishvili Z., Sidash K. — Social-normative and anthropological functions of legal culture 4

Каменец А. В., Орлова Н. Г. — Влияние информационных глобальных процессов на сохранение национально-культурной идентичности российского общества
Kamenez A., Orlova N. — The influence of global informational processes on preserving the national-cultural identity of Russian society 10

Краснова Р. Ю. — Ивановский текстиль на художественно-промышленных выставках: оценка достижений
Krasnova R. — Ivanovsky textile at the art and industrial fairs: evaluation of achievements 16

Лобанкова И. П. — Предметно-энергичные аспекты пассионарности (духовные, традиционно-инновационные)
Lobankova I. — Subject and energiyun aspects of passionarity (spiritual, traditional and innovative) 22

Чжао Мэн — Традиционная китайская музыкальная драма: содержательно-стилевое своеобразие
Zhao Meng — Traditional Chinese musical drama: content-style originality 28

Шан Бофэй — Проблема сохранения национальной культуры в современном Китае
Shang Bofei — The problem of preservation of national culture in modern China 31

Психология

Адамова Т. В. — Психологические особенности созависимых родственников наркологических больных
Adamova T. — Psychological characteristics of codependent relatives of narcological patients 37

Никитина А. Н. — Методологические проблемы исследования личностных детерминант выбора стратегии жизни
Nikitina A. — Methodological problems of investigation of personal determinants of selection of life strategy 43

Ражина Н. Ю., Стороженко В. Ю., Турмий В. А. — Психолого-педагогические аспекты востребованности дополнительных мероприятий по гигиеническому воспитанию населения
Razhina N., Storozhenko V., Turmij V. — The psychology and pedagogical aspects of demand of additional actions for hygienic education of a population 48

Товуу Н. О. — Психология как учебный предмет в школе 21 века
Tovuu N. — Psychology as a school subject in the school of the 21st century 55

Филиппова О. В. — Труд как провоцирующий фактор в педагогических конфликтах
Philippova O. — Labour as a triggering factor in pedagogical conflicts 59

Философия

Александрова О. С. — А. С. Позов о природе человеческого «Я» и ее изменении
Alexandrova O. — S. A. Pozov about the nature of the human «Я» and change 65

Семенов Д. В. — Понятие «Спорт»: социально-философский аспект
Semenov D. — The concept of «Sports»: socio- philosophical aspect 69

Фусу Л. И. — Феноменологическое осмысление лиминального и псевдолиминального в контексте формирования полиидентичного пространства российского общества
Fusu L. — Phenomenological interpretation of the liminal and pseudo- liminal in the context of the formation of the polyidentical space of Russian society 74

Шаров К. С. — Загадочная судьба архивов Ньютона
Sharov K. — Mysterious destiny of Newton's archives 80

Информация

Наши авторы. Our Authors 83

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 84

СОЦИОНОРМАТИВНЫЕ И АНТРОПОТВОРЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

SOCIAL-NORMATIVE AND ANTHROPOLOGICAL FUNCTIONS OF LEGAL CULTURE

Z. Kalandarishvili
K. Sidash

Summary. This article is about an exploration of functional role of legal culture like an independent phenomenon which doesn't have enough scientific attention, in particular, defined only approaches to exploration of that question. At the same time, complex exploration of legal culture's functions allows us to open essential features of legal culture, it's place and role in the society. Besides, this executable function of legal culture essentially affects to operation of all state's mechanisms, it's units, social activities, it's collectives and organisations.

Keywords: legal culture, functions of legal culture, social-normative functions, anthropological functions.

Каландаришвили Зураб Нодарович

К.ю.н., к.п.н., доцент, Санкт-Петербургский
Гуманитарный Университет Профсоюзов
zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Сидаш Кирилл Сергеевич

Аспирант, Санкт-Петербургский Гуманитарный
Университет Профсоюзов
2sk_1993@mail.ru/alkhadissaddam@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию функциональной роли (т.е. выполнению функций) правовой культуры как самостоятельному явлению, которая до сих пор мало изучена в научной мысли, в частности сегодня определены только лишь подходы к изучению данного вопроса. Вместе с тем, комплексное исследование функций правовой культуры позволяет раскрыть сущностные черты правовой культуры, ее место и роль в структуре общества. Кроме того, выполняемая функциональная роль правовой культуры существенно влияет и на работу всего механизма государства, его звеньев, деятельности граждан, их коллективов и организаций.

Ключевые слова: правовая культура, функции правовой культуры, соционормативные функции, антропотворческие функции.

По мнению авторов статьи, под функциями правовой культуры следует считать направления воздействия правовой культуры на сознание и правовое поведение граждан и их организаций, в которых проявляется ее сущность, социальная, специально-юридическая роль и назначение в механизме правового регулирования общественных отношений.

Функционирование правовой культуры, в конечном счете, направлено на правовое обеспечение интересов и целей человека, его свободы, безопасных условий существования и социальной справедливости в социуме. Без анализа функциональной роли правовой культуры невозможно понять ее сущность, содержание и закономерности дальнейшего развития.

Чтобы уяснить функциональную роль, которую выполняет в обществе правовая культура, необходимо подвергнуть исследованию сами ее функции.

По нашему мнению, в широком понимании существует две большие группы функций правовой культуры: группа соционормативных функций, которая включает в себя функции: экономическую, политическую, социальную, идеологическую, экологическую и демографическую функции и группа антропотворческих функций правовой культуры, которая включает в себя функции: аксиологическую, правосоциализаторскую, правообра-

зующую, регулятивную, функцию охраны прав и свобод граждан, коммуникативную и функцию трансляции социально-правового опыта.

Переходя к анализу группы соционормативных функций, необходимо отметить, что в любом социуме существует регулирование поведения его индивидов. Это необходимо для сохранения самого общества и выживания индивидов в нем. Каждый человек должен сознательно и ответственно совершать свои поступки опираясь на нормы и требования к поведению людей. Нормы правового поведения людей именуется нормами права. Они бывают как разрешительные, так и запретительные и представляют собой указания на допустимые пределы и границы, в которых человек должен действовать. В каждой правовой культуре приняты свои нормы поведения. Есть правовые культуры с сильной нормативной стороной (например, Китай) и правовые культуры в которых нормативность выражена слабее (европейские культуры). Именно посредством норм права правовая культура регулирует, координирует действия отдельных людей, вырабатывает оптимальные пути решения конфликтных ситуаций и дает рекомендации при решении жизненно важных вопросов. Каждая правовая культура формирует соответствующей ей в правовом плане тип индивида. Соционормативные функции правовой культуры имеют отношение к социальным нормам, регулируют поведение человека в обществе и проявляются

в виде системы норм и требований ко всем своим членам во всех областях их жизни и деятельности (труде, быте, семейных, межличностных отношениях и т.д.). Проведем анализ соционормативных функций правовой культуры.

Юридическим основанием экономической функции правовой культуры являются соответствующие статьи Конституции РФ, закрепившие единое экономическое пространство, свободное перемещение товаров и услуг, свободу экономической деятельности, которые должны найти свое отражение в концептуальных правовых программах и нормативных правовых актах. Цель данной функции правовой культуры — убедить граждан в ценности рыночных отношений и принципов, важности и необходимости экономической активности, и соблюдении экономического законодательства [1].

Современная реальность такова, что былые общечеловеческие ценности в значительной степени утрачены, а новые продолжают еще формироваться. Правовая культура должна содействовать новой экономико-правовой культуре, формированию нового понимания происходящих в обществе процессов, внедрению новых экономических и правовых ценностей, соответствующих объективным интересам всего российского общества, которое стремится быстрыми темпами интегрироваться в Европейское экономическое сообщество [7].

Важной задачей экономической функции правовой культуры является установление разумного сочетания публичных и частных интересов в правовом регулировании экономики. Содержание указанной функции правовой культуры должно включать деятельность субъектов, основанную на понимании юридической ответственности перед обществом, осознании неразрывной связи предоставленных экономических прав с обязанностями, умении быть надежным партнером в договорных отношениях, четким и последовательным в исполнении взаимных обязательств.

Роль политической функции правовой культуры заключается в создании для индивида возможности осознания себя в качестве полноправного участника политических процессов, распространении в обществе законопослушного политически активного поведения. Политическая функция правовой культуры реализуется по различным направлениям:

Во-первых, посредством права конституционно закрепляется общественно-политический строй общества, определяется правовой статус всех структурных элементов всей политической системы.

Во-вторых, политическая функция правовой культуры реализуется в процессе политической и правовой

социализации, то есть путем повышения политической и правовой активности граждан, вовлечения их в деятельность политических организаций, стимулирования их активного участия в избирательных компаниях.

В-третьих, путем преодоления негативного отношения к политической жизни общества, выраженного в правовом и политическом популизме и абсентеизме.

Политический популизм негативно сказывается на осуществлении этой функции правовой культуры, поскольку ведет к разрыву юридического и фактического содержания и формы, осуществляет эксплуатацию нерелевантных правовых средств. Политический абсентеизм означает равнодушное отношение к политической жизни, уклонение от участия в ней и проявляется в игнорировании проводимых выборов.

Целью социальной функции правовой культуры является социальная безопасность индивидов, т.е. обеспечение всех социальных прав и свобод, которые защищают человека от негативных последствий влияния стихийного рынка. Конституционное закрепление социального характера Российского государства повышает роль и значение этой функции среди остальных.

По мнению авторов статьи, в основе реализации рассматриваемой функции правовой культуры должна лежать концепция, согласно которой государство берет на себя заботу об основных социальных нуждах индивида, а человек должен сам заботиться о себе и своей семье. Данная идея отвергает иждивенчество, требует повышения социальной активности трудоспособного индивида, воспитывает у него чувство ответственности не только за себя, но и за семью, детей, родителей и близких людей. Ее осуществление в современной России крайне непростое дело: отдельные индивиды и социальные группы имеют завышенные притязания на социальные блага, которые при этом не соответствуют их реальному вкладу в развитие общества.

Мы поддерживаем предложение о необходимости дальнейшей кодификации социального законодательства, поскольку это позволяет не только свести воедино различные социальные льготы, выработать общие критерии их представления, но и упорядочить понятийно-категориальный аппарат, выработать единые критерии отнесения граждан к той или иной категории получателей льгот или пособий.

Назначение идеологической функции правовой культуры заключается в создании идейных основ общества, выработке и поддержании политических, юридических, нравственных и прочих принципов и ориентиров. Исходя из понимания идеологии как культурной моде-

ли, и правовой культуры как элемента культуры социума, следует признать, что элементы правовой культуры принимают участие в качестве строительных элементов в формировании идеологии общества в целом и правовой идеологии в частности. Придавая семиотическое значение элементам социального опыта и их символическим структурам, правовая культура позволяет создать необходимый вокабуляр для реализации как экспликативной, так и для конструктивной функции идеологии. При этом в социальном смысле на практическом уровне функцией правовой культуры становится именно формирование правовой идеологии и ее распространение в обществе.

Экологическая функция правовой культуры достаточно широка по своим полномочиям и направлена на обеспечение, сохранение и восстановление естественной среды обитания человека. Она отражает осознание людьми потребности в устранении и предотвращении вредных последствий, связанных с антропогенной деятельностью человека, его вмешательством в окружающую среду, интенсивным использованием природных ресурсов. Гармоничные отношения общества и природы в современных условиях не могут сложиться без воздействия всей совокупности правовых, экономических, педагогических и иных механизмов, побуждающих каждого индивида рационально и бережно относиться к ее ресурсам. Правовая культура выступает особо эффективным механизмом воспитания у граждан высокого уровня экологического правового сознания и понуждает всех природопользователей поддерживать предписанный законом уровень экологического правопорядка.

Низкая экологическая культура в сфере государственного и муниципального управления проявляется в бездумных перестройках системы природоохранительных органов нашей страны, в слабом экологическом контроле над охраной природы и использованием природных богатств и нарушении служебного долга. Это резко снижает эффективность капитальных вложений, препятствует проведению единой политики в осуществлении природоохранительных мероприятий, порождает безответственность за экологические последствия принимаемых решений, ведет к мнимой экономии, которая, в конечном счете, оборачивается большими потерями; показателем низкого уровня правовой культуры, вполне можно считать и участившиеся в последние годы случаи халатного отношения работников природоохранительных органов к своим обязанностям, нарушение ими служебного долга [4].

Недостаточное развитие данной функции правовой культуры ведет к тому, что не только граждан, но и работников правоохранительных органов отличает невысокий уровень экологического правового сознания.

Важнейшим средством в деле решения данной проблемы является должное экологическое восприятие и образование граждан [2].

Демографическая функция правовой культуры способствует развитию демографических процессов в соответствии с социально-экономическими потребностями государства и общества. Особенно это актуально в настоящее время, когда правовое регулирование демографических процессов в каждом государстве должно быть согласовано с целями и перспективами оптимального демографического развития человеческой популяции, так как для успешного развития человечества недостаточно, чтобы данная правовая система успешно функционировала. Требуется еще, чтобы сама структура общества была прогрессивной и способствовала развитию всего человечества.

Воздействие правовой культуры на демографические процессы тем более сложно, что вступление в брак, разводы, рождаемость и миграционная подвижность населения — это сфера сознательной и свободной воли миллионов людей. Следовательно, необходимо установить механизм, посредством которого факторы (экономические, социальные, юридические и т.д.), потенциально детерминирующие демографические процессы, должны реально воплощаться в демографическое поведение конкретного населения.

Нам видится три основных способа воздействия правовой культуры на демографическое поведение: а) правовое выражение социально-экономических и иных факторов, влияющих на супругов при выборе определенного демографического поведения (в особенности желаемого числа детей); б) устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании демографических отношений и процессов; в) эффективная реализация (исполнение, соблюдение и т.п.) «демографического» законодательства.

Переходя к исследованию группы антропотворческих функций правовой культуры, необходимо отметить, что антропотворческие функции правовой культуры являются базовыми и направлены на формирование у индивида правовой идеологии и правового миропонимания, на интеллектуальное и ценностное восприятие права посредством правовых знаний и ценностей, правового воспитания и правовой социализации личности, на конструирование ее духовного мира.

Аксиологическая функция правовой культуры проявляется в том, что существующие правовые ценности выступают в качестве критериев оценки реально существующих юридических явлений, процессов и состояний. Правовая культура включает в себя разнообразные

ценности, оценки, нормы, оценочные критерии и социальные институты [3].

В правовых ценностях, выраженных в праве, правом сознании юридической практике заложен огромный регулятивный потенциал. Здесь мы видим тесное органическое взаимодействие аксиологической и регулятивной функций правовой культуры. Ценностный характер приобретают и охваченные правом позитивные человеческие поступки, правомерное поведение людей. Правотворчество, правоприменение, использование и соблюдение права представляют собой области человеческой деятельности, основанные на определенной системе ценностей. В этой связи важнейшая задача аксиологической функции — это систематизация всех присущих правовой системе ценностей и создание их иерархии. Вне ценностей правовая культура существовать не может. Ценность не просто атрибут культуры — это то, что заложено в ее основе.

Именно через правовую культуру происходит усвоение индивидом определенных ценностных ориентаций, когда институционализированные образцы правового поведения, мышления и ценностного выбора становятся основой устойчивой позиции человека в жизни, специфическим «встроенным» стимулом к правовому поведению. В этом смысле правовая культура как внутренний механизм социальной регуляции выступает инструментом осуществления социального контроля [11].

Правосоциализаторская функция правовой культуры выражается в усвоении индивидом на протяжении его жизни правовых знаний и ценностей того общества, к которому он принадлежит. Она предполагает включение личности в ценностно-нормативную систему, охраняемую правом, и связана с формированием и модификацией системы средств и качеств, а также механизмов саморегуляции поведения личности, необходимых для ее адаптации к специфике поведения и взаимоотношений в сфере действия права и для обеспечения ее социально активного правового поведения.

Целью данной функции правовой культуры является усвоение индивидом: социальных ценностей, одобряемых и охраняемых правом; системы действующих правовых норм как правил поведения и критериев социально-правовой оценки фактов и явлений; знаний; навыков и привычек, необходимых для ориентации в правовой сфере и взаимодействия в рамках существующих правовых отношений; ролей и статусов, присущих человеку в связи с местом, занимаемым им в системе урегулированных правом общественных отношений.

Указанная функция реализуется через группу различных субъектов (агентов-носителей правовой культуры),

набор которых существенно различается на различных этапах жизни индивида. На первых этапах важнейшую роль играют родители, затем их заменяет школа, сверстники, территориальная община, СМИ, трудовой коллектив, институты государства и т.д.

Правообразующая функция правовой культуры направлена на формирование правового государства, совершенствование содержания и форм выражения права, повышение качества всех видов юридической практик, создание развитой правовой системы общества. Указанная функция связана с теоретической и организаторской деятельностью по формированию и становлению в нашей стране правового государства и гражданского общества, по согласованию общественных, групповых и личностных интересов. Ее задача — поставить человека в центр общественного развития, создать ему достойные условия жизни, обеспечить социальную справедливость в обществе и возможности всестороннего развития личности.

Правообразующая функция вместе с тем заключается в активизации правотворческого процесса, повышении качества принимаемых законов. Кроме того, специфика данной функции кроется в том, что она прежде проявляется через функционирование органов государственной власти. Поэтому актуальной задачей является повышение позитивного уровня правовой культуры представителей органов государственной власти путем: а) усвоения ими правовых знаний, развития правового мышления и профессиональной подготовки; б) расширения политического и экономического кругозора; в) проявления профессионально-этических и юридических качеств (профессиональная безупречность, служебная дисциплинированность, добросовестность, честность и т.д.).

Регулятивная функция правовой культуры включает, с одной стороны, процесс создания соответствующих юридических идеалов, правовых принципов и норм, стандартов, эталонов поведения разнообразных субъектов права, а с другой — привнесение этих явлений в общественную жизнь с целью упорядочения общественных отношений, удовлетворения личных и общественных потребностей и интересов.

Значение этой функции правовой культуры заключается в том, что созданные наиболее юридически грамотными членами общества идеи, отражающие прогресс в развитии общественных отношений, овладевают сознанием большинства населения и воплощаются в реальных поступках. Ее задача — превращение правовых предписаний в привычку, во внутреннее убеждение личности. Особенностью этой функции является то, что правовые нормы не единственное ее основание. В каче-

стве регуляторов поведения выступают также принципы права и другие социальные нормы. В повседневной реальной жизни индивид чаще избирает вариант поведения, основанный не на знании конкретных норм права, а на общих представлениях о должном и правильном [6].

В этой связи важнейшей задачей регулятивной функции правовой культуры на современном этапе является повышение нравственно-правовых начал в качестве регулятора и ограничителя поведения личности, формирование у индивида позитивных правовых чувств (уважение закона, чувство ответственности перед обществом за свое поведение и т.д.).

Важное значение имеет и функция правовой культуры охраны прав и свобод, т.к. центральное место в осуществлении этой функции занимает решение центрального социального вопроса о взаимоотношении личности и государства. Важным в современных условиях является принудительное изменение положения человека в системе государственных, политических и правовых отношений. Здесь нам кажется, необходимо усиление антропоцентристской позиции личности и персонцентристского подхода к правопониманию. Все функции государства, права и правовой культуры должны быть направлены на достойное и свободное осуществление человека в системе общественных отношений [13].

Сегодня необходим приоритет прав и свобод человека перед правами коллективными, будь то наука, государство, международное сообщество [9].

По нашему мнению, современные взаимоотношения личности и государства должны строиться на идее партнерства, равных прав и обязанностей. Подобный тип отношений позволяет избежать гиперболизации роли государства, с одной стороны, и крайнего проявления индивидуализма — с другой, максимально эффективно защитить права и свободы личности, усилить гуманистическую направленность всей правовой системы общества. Подобный подход уже намечен, например, в российском трудовом законодательстве, где многие вопросы локального регулирования разрешаются в рамках социально-партнерских отношений. В данном случае социального партнерства является достижение, в том числе и с помощью правовых средств, компромисса между интересами работников и работодателя [12].

Коммуникативная функция правовой культуры опосредует процесс общения людей в правовой сфере, реализует передачу правовой информации по различным коммуникационным каналам от одних субъектов к другим.

В настоящее время правовая коммуникация и коммуникативная функция правовой культуры характеризуются

жесткой односторонностью направления информации и асимметричностью, передающей и принимающей сторон. В подавляющем большинстве случаев в качестве коммуникатора выступает законодатель или иной государственный орган, который обладает определенными властными полномочиями в отношении граждан. По этому каналу идет односторонняя передача правовой информации: «государство — индивид». В этой связи правовая культура должна выступать средством двусторонней связи, по которой гражданин мог бы проявить правовую активность, подать юридически значимый информационный сигнал о своих предпочтениях [3].

Функция правовой культуры трансляции правового опыта призвана обеспечить преемственную связь между историческими и политическими этапами правового развития, дать возможность сохранить и передать социально-позитивный опыт последующим поколениям, ибо любое человеческое общество нуждается не только в совершенном правовом регулировании, но и в том, чтобы характер упорядоченности общественных отношений соответствовал особенностям культуры и быта конкретного человеческого общества. Только при соблюдении этих условий урегулированные правом общественные отношения приобретают позитивный характер. Роль данной функции заключается в отборе из сложившегося в мире правового опыта тех правовых ценностей, внедрение которых максимально бы соответствовало уровню политического, социального, духовного и правового развития общества.

В узком смысле функциональная роль соционормативных и антропотворческих функции правовой культуры, проявляется, по нашему мнению, в четырех базовых аспектах: аксиологосоциализирующем, стабилизирующем, интегративном и детерминирующем.

Особая смысловая нагрузка функциональной роли правовой культуры заключается в том, что в аксиологосоциализирующем процессе индивид усваивает свою позитивную социально-правовую роль как субъекта общественных и правовых отношений, а правовая культура при этом способствует формированию мотивационного комплекса, обеспечивающего не просто правомерное поведение человека в обществе, но и его наивысший тип — социально-правовую активность личности [8].

Правовая культура выступает и одним из существенных факторов стабилизации общественного и правового развития.

Охватывая жизнедеятельность всех социальных групп, правовая культура не только влияет на нравственно-духовную сторону жизни людей, но и способствует укреплению экономических основ общества, его

правовому развитию, совершенствованию форм государственности. Посредством создания правовых технологий, в рамках которых правовая культура выступает в качестве инструментальной системы, формирующей когнитивные, ценностные и правомерные правоповеденческие ориентиры в социуме. В такой ситуации у общества появляется возможность регулировать управление социально-экономическими процессами, опираясь на систему общественных интересов и культуру социума в целом. Именно в этом, проявляется стабилизирующий аспект функциональной роли правовой культуры, обеспечивающий развитие всех правовых процессов в обществе.

Интегративный аспект функциональной роли правовой культуры также является важным аспектом, так как дает возможность рассматривать правовую культуру в синтезе с другими социально-правовыми явлениями в их единстве и органической взаимосвязи, обеспечивая при этом развитие и функционирование правовых процессов.

Наконец, детерминирующий аспект функциональной роли правовой культуры проявляется в том, что существование определенной концепции правовой культуры в государстве, складывающейся на различных уровнях — индивидуальном, групповом и общественном — это есть показатель (детерминанта) цивилизованного развития данного общества [10].

Кроме этого, следует заметить, что правовая культура во всем многообразии своего проявления детерминирует общественную и правовую практику, представляя при этом конгломерат мыслительной, духовной и прикладной деятельности человека, органично включающийся в процессы социально-правового развития. В реальной действительности правовая активность конкретного человека требует различной степени самоотдачи, а, следовательно, внешне схожие стереотипы правового поведения в разной степени изменяют внутренний целостно-мировоззренческий строй личности, также, как и различные формы и способы, в которых осуществляется политико-правовая активность и деятельность личности [5].

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что соционормативные и антропотворческие функции, которые выполняет правовая культура, весьма обширны и значимы в обществе. Они определяют и формируют правовую социализацию индивида, типизируют социально-правовой опыт и образцы нормотипности, работу государственного аппарата, его звеньев, деятельность граждан, коллективов и организаций, конструируют правотворческую и правоприменительную деятельность, способствуют формированию правомерного поведения личности, а в социуме в целом и установлению режима законности и правопорядка, т.е. выполняют важнейшие культурно-социальные задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баумова М. Г. Коммуникативная функция правовой культуры // Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире. — Тамбов, 2005. — 552 с.
2. Баумова М. Г. Экологическая функция правовой культуры. // Философия и право. — СПб., 2006. — 369 с.
3. Баумова М. Г. Функции правовой культуры. Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Нижний Новгород. — 2005. — 41 с.
4. Казанник А. И. Проблемы формирования экологической культуры государственных служащих // Материалы межрегиональной научно-практической конференции по экологическому образованию. — Омск, 2000. — 215 с.
5. Каландаришвили З. Н., Евдокимов А. С. Правовая социализация и правовая культура. — СПб., 2006. — 231 с.
6. Каландаришвили З. Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления. — СПб., 2005. — 262 с.
7. Каландаришвили З. Н. Роль правовой культуры в эпоху глобализации мира // Диалог культур и партнерство цивилизаций // IX Международные Лихачевские научные чтения. — СПб., 2009. — 498 с.
8. Муслумова Т. В. Правовая культура детей: социально-философский анализ. — Уфа, 2003. — 286 с.
9. Рыбаков О. Ю. Личность. Права и свободы. Правовая политика. — М., 2004. — 412 с.
10. Сафронов А. А. Правовая культура личности в механизме устойчивого развития российского государства (теоретико-методологический анализ). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Ростов-на-Дону, 2005. — 201 с.
11. Смоленский М. Б. Правовая культура: опыт социокультурного анализа. — Ростов-на-Дону, 2002. — 339 с.
12. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 — № 197-ФЗ (ред. от 31.03.2015 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. (ч. 1)
13. Шафиров В. М. Естественное-позитивное право: Введение в теорию. — Красноярск, 2004. — 328 с.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

THE INFLUENCE OF GLOBAL INFORMATIONAL PROCESSES ON PRESERVING THE NATIONAL-CULTURAL IDENTITY OF RUSSIAN SOCIETY

**A. Kamenez
N. Orlova**

Summary. The article is devoted to the problem of counteraction of Russian culture to the intentions of the globalists to destroy national-cultural identity of Russian society, pursuing geopolitical interests. It considers the antonymy of characteristics of Russian people's spiritual mentality. It analyses the antonymous traits of Russian national character in terms of finding out potential opportunities for forming positive identity of Russian society. There is a comparison of both positive and negative traits of Russian national character. The results of this comparison allow outlining the further prospects of studying the influence of global informational processes on forming the positive identity of Russian society. The article examines peculiar traits of Russian culture, which do not fit the traditional assessment and stereotypes regarding Russian civilization, but determine the unique position of Russia in world cultural space. The article may be interesting for the study of globalization processes, opportunities for intercultural dialogue, forming the common strategy of cultural development of Russian society and preserving the national cultural heritage.

Keywords: culture, globalization, information, identity, mentality, civilization.

Каменец Александр Владленович,

*Д. культурологии, профессор, Российский
государственный социальный университет (Москва)*
Kamenez.a@rambler.ru

Орлова Наталья Георгиевна,

*Аспирант, Российский государственный социальный
университет (Москва)*
Nata-Lia-Nata@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме противостояния отечественной культуры стремлению глобалистов уничтожить национально-культурную идентичность российского общества, руководствуясь геополитическими интересами. Рассматривается антиномичность характеристик духовного менталитета русского народа. Осуществляется анализ противоположных черт русского национального характера в аспекте выявления потенциальных возможностей формирования позитивной идентичности российского общества. Проводится сопоставление как положительных и отрицательных характеристик национально характера русского народа. Результаты этого сопоставления позволяют наметить дальнейшие перспективы изучения влияния информационных глобальных процессов на формирование позитивной идентичности российского общества. В статье рассматриваются характерные черты русской культуры, не вписывающиеся в традиционные оценки и стереотипы по отношению к русской цивилизации, но определяющие уникальное положение России в общемировом культурном пространстве. Статья может представлять интерес для изучения процессов глобализации, возможностей межкультурного диалога, выстраивания общей стратегии культурного развития российского общества и сохранения отечественного культурного наследия.

Ключевые слова: культура, глобализация, информация, идентичность, менталитет, цивилизация.

Введение

Проблема формирования национально-культурной идентичности российского общества существенно обострилась в ситуации ведущейся информационной войны Запада с Россией, пытающегося сохранить свое глобальное лидерство за счет лишения нашей страны и многих других государств самостоятельной субъектности в межгосударственных взаимоотношениях. Это стремление выражается в соответствующем информационном манипулировании мировым общественным мнением, направленным на распространение стереотипа об отсутствии позитивной национально-культурной идентичности народов России. Последняя означает наличие устойчивых духовных традиций, осознание российским обществом достижений в его

историческом прошлом, культурного наследия и своего места в мировой цивилизации в качестве страны с самобытной культурой и собственным творческим потенциалом.

Вместо этого во влиянии информационных глобальных процессов на сохранение национально-культурной идентичности российского общества наметилась тенденция везде, где это возможно навязывание стереотипа о негативной идентичности российского социума, которая заключается в отсутствии у нашей страны собственных культурно-исторических достижений, своей самобытности; страны, способной лишь следовать в фарватере «передовых» стран Запада, реализуя т.н. «принцип догоняющего развития» [3].

Вместе с тем, сохраняется и противоположная тенденция — надежды на то, что именно русская культура и цивилизация с ее уникальным историческим прошлым, где огромную роль играет отражение различных нашествий, представляющих угрозу для всего человечества, способна противостоять гегемонии какой-либо сверхдержавы, агрессивным устремлениям «коллективного Запада» подчинить своим интересам остальные народы и государства [12,17]. Рассмотрим эти тенденции более подробно.

Методика

В качестве исходного методического положения при рассмотрении этих тенденций можно выделить зафиксированную исследователями русской культуры противоречивость менталитета русского народа, описанную, прежде всего, в философской и художественной литературе.

Так, по мнению выдающегося русского философа Н. Бердяева русская душа традиционно вмещала в себя такие противоположные начала как языческое и дионисийское отношение к миру и тяготение к аскетизму и даже монашескому смирению; принятие деспотизма, гипертрофированность значения государства и склонность к анархии, вольнолюбивость; проявление жестокости, стремления к насилию и наличие доброты, человечности, душевности; распространенность обрядоверия и поиск правды; индивидуалистические установки, персонализм и обезличивающий человека коллективизм; националистические проявления и склонность к универсализму; глубокая внутренняя религиозность, носящая эсхатологически-мессианский характер и проявление внешней благочестивости; поиск Бога и воинствующий атеизм; готовность к смирению и проявление наглости; рабство и бунтарские настроения [2].

Эти выявленные противоположности послужили основанием для актуализации проблематики «загадки русской души», особой «русской идеи», которая остается востребованной и в настоящее время. Выясняется, что привычные западно-европейские шаблоны в оценке национально-культурной идентичности русского народа остаются непродуктивными и мало перспективными. Очевидно, что необходимо какое-то объяснение сочетания вышеназванных противоположностей, которые являются проявлениями целостной духовной сущности русского национального типа, которая не вписывается в традиционные европейские представления о менталитете того или иного народа, этноса.

В этой связи представляет интерес чрезвычайно глубокое заключение Н. Бердяева о том, что русский народ

в большей мере является «душевым», чем «духовным», что дало основание выделить некоторую «женственность» в русском национальном характере. Более конкретно, речь идет в данном случае об особой «всемирной отзывчивости» русского человека, о которой писал и говорил еще Ф.М. Достоевский [5]. Эта отзывчивость оказалась способной вмещать в себя не только положительные, но и многие отрицательные свойства, позволяющие русскому народу обрести такое качество как «протеидность» — способность принимать самые различные формы социального существования под давлением жизненных обстоятельств [19]. Благодаря этому русский народ, даже в условиях нашествий, вынужденной подчиненности тому или иному насилию (например, монгольское иго, авторитарные деспотические политические режимы и т.д.) приобрел огромную жизнеспособность и сохранил ту человечность, которая традиционно отличала русский национальный характер от характера многих других народов и цивилизаций [6,8].

Соотнесение таких оценок с изучением соответствующих современных процессов влияния глобализации на национально-культурную идентичность российского общества позволило получить соответствующие исследовательские результаты, которые рассматриваются ниже.

Результаты

Выше отмечалось существование такой негативной тенденции в глобальных информационных процессах как навязывание стереотипа о негативной идентичности российского социума. Эта тенденция основывается на выделении отрицательных черт, присутствующих в рассмотренных противоречиях русского национального характера. Рассмотрим эти характеристики.

«Языческое обожествление природы», элементы которого сохранились в традиционном русском фольклоре и даже, пусть в трансформированном виде, в православной обрядности. Особая близость русского человека к природе, оценивается глобалистами как «нецивилизованность», «дикость» русского народа далеко от подлинной культуры и просвещенности.

«Принятие деспотизма, гипертрофированность значения государства» в жизни русского народа, отмеченные Н. Бердяевым, трактуются как рабская психология, преклонение перед бюрократией, чиновничеством, неприятие подлинной демократии и свободы.

«Проявление жестокости, стремления к насилию» связываются глобалистами с отдельными историческими периодами (например, с правлением Ивана Грозного, Сталина, с Октябрьской революцией 1917 г.

и т.д.) с последующим заключением о природной свирепости и жестокости русского народа, противостоящего просвещенному гуманизму Западной Европы.

«Распространенность обрядоверия» фиксируется сторонниками глобализма как возрождение в России церковной жизни, препятствующей подлинной модернизации и полноценному социально-культурному развитию нашего общества, приверженного старомодной архаике и пассивному ожиданию благ без собственных усилий и стремлений.

«Наличие индивидуалистических установок» в российском обществе оценивается весьма своеобразно. Если традиционный западноевропейский и американский индивидуализм трактуется как проявление самостоятельности, активности, трудолюбия, целеустремленности, то в России, по мнению глобалистов, проявление этих качеств исторически можно рассматривать в качестве зависти, постоянных покушений на частную собственность, коррупции, воровстве как проявлений собственных эгоистических интересов.

«Националистические проявления» русского народа рассматриваются с позиций глобализма как проявление шовинизма, попытки навязать свое присутствие в других странах, как стремление завоевать народы в угоду своим геополитическим интересам.

«Готовность к смирению, рабство» приписываются российскому обществу как устойчивая генетическая черта и на этом основании строятся самые различные русофобские теории и доктрины, начиная от исходной «неполноценности» русского народа, кончая его неспособностью осваивать демократические ценности.

В анализе стереотипов по отношению к российскому обществу, внушаемых с помощью глобальных информационных технологий, присутствуют также трактовки другого (в известной мере положительного) полюса в противоречиях русского характера, рассмотренных выше. Остановимся на этих трактовках.

«Тяготение к аскетизму и даже монашескому смирению» в русской духовной традиции оценивается в качестве провинциализма и примитивности религиозной жизни, которая, по мнению глобалистов, неизбежно должна быть секуляризованной и подверженной различным модернизациям и трансформациям начиная от обрядности, кончая содержанием религиозных догматов в соответствии с логикой общецивилизационного развития.

«Склонность к анархии, вольнолюбивость русского народа» трактуется как традиционное неприятие

«русским медведем» норм права, отсутствие необходимого уровня законопослушности, трудовой дисциплины, нежелание подчиняться устоявшимся социальным нормам, включая общественные приличия.

«Наличие доброты, человечности, душевности» интерпретируется в качестве навязывания своей помощи окружающим, недостаточное чувство меры в проявлении заботы о людях, покушение на право частной жизни индивидов и неспособность к жесткой требовательности по отношению к тем, чье поведение в каком-либо отношении не соответствует общепринятым социальным, правовым и моральным нормам.

«Поиск правды», традиционно отличающий огромное количество русских людей, с позиций глобализма расценивается как покушение на устоявшийся миропорядок, стремление к деструктивной социальной активности, разрушающей общественные устои, нормы права, сложившиеся традиции «цивилизированного» западного мира, отождествляющего себя с передовым человечеством.

«Обезличивающий человека коллективизм» характеризуется современными глобалистами как привычка к снятию с себя персональной ответственности, инициативности, к нежеланию отстаивать свои интересы ради сохранения чувства коллективизма, нивелирующего человеческую индивидуальность. Особенно в этой связи достается советскому периоду и соответственно «пережиткам» советского общества, распространенным в современном российском обществе.

«Склонность к универсализму», присутствующая в русском национальном характере и выражающаяся как неуклонный поиск общечеловеческих ценностей и истин, способных объединить человечество трактуется в качестве стремления к мировой гегемонии российского общества, пытающегося навязать остальному миру свои представления о должном и истинных гуманистических ценностях.

«Проявление внешней благочестивости» оценивается как неумеренное стремление многих членов российского общества заменить реальную активную социальную и гражданскую жизнь усердным посещением церкви, что свидетельствует, по мнению глобалистов о культурной отсталости и социальной пассивности, распространенных среди населения нашей страны.

Таким образом, в информационно-пропагандистских глобалистских проектах и технологиях создается образ демонизированной отсталой России, который подкрепляется произвольным толкованием многих традиционных черт русского национального характера в соответствии

геополитическими интересами основных сценаристов и режиссеров соответствующих информационных процессов [9,10,11]. Перейдем теперь к обсуждению рассмотренных результатов анализа этих процессов.

Обсуждение

Имеет смысл рассмотреть имеющееся реальное позитивное культурное содержание выявленных противоречий в традиционной ментальности русского народа и дать его интерпретацию применительно к современному российскому обществу.

«Язычество, дионисизм — аскетизм, монашеское смирение». Это противоречие снимается благодаря устойчивому жизнелюбию русского народа, никогда не забывавшему о важности реального природного мира, его красоте и значимости для повседневного существования человека. Об этом свидетельствуют многие достижения фольклора, русской литературы и искусства, воспевающих красоту родной природы, любовь к «малой родине», где находится место памятным природным уголкам и христианской вере. Более того, можно утверждать, что сформировалось уникальное экологическое самосознание русского народа, в котором любовное отношение к природе и монашество соединились в благоговении перед природной средой как «творением божьим», в любви ко всему живому на Земле [14].

«Гипертрофированное значение даже деспотического государства и в то же время склонность к анархии, вольнолюбивость». Государство в традиционной российской ментальности воспринималось в соответствии с известным православным убеждением, что «всякая власть от Бога». Причем это убеждение не следует понимать упрощенно, как признак раболепия и бездумной покорности. Суть заключается в православном понимании свободы как внутреннего состояния человека, при котором отсутствует внутренняя зависимость от тех или иных пороков, греха, разрушающих человеческую душу зависимость. Если государство, по мнению многих русских людей, способствовало разрушению такой свободы, то оно оценивалось как несправедливое, античеловеческое. И тогда русский человек уходил во «внутреннюю эмиграцию» или начинал бунтовать, устраивать революции и пр. Таким образом, большинство социальных протестов в российском обществе имели преимущественно духовно-нравственную природу.

«Сочетание жестокости, стремления к насилию и наличие доброты, человечности, душевности» в русском национальном характере есть, как показывает специальный анализ, проявление духовно-нравственного максимализма, в котором существуют свои издержки. Но именно этот максимализм помог российскому

суперэтносу сохранить свою идентичность и сопротивляемость внешним социальным и культурным влияниям, разрушающим эту идентичность.

«Распространенность обрядоверия и поиск правды». Поиск правды в традиционном российском обществе осуществлялся на путях религиозной веры, но не путем логических и научных изысканий, о чем писал еще Н. Бердяев в своей известной работе «Истоки и смысл русского коммунизма» [1]. Следование же тем или иным обрядам помогало русскому человеку находить желанную правду на основе интуиции, эмоций, подтверждаемых соответствующим опытом социальной практики. Даже в советское время многие светские обряды таким образом сакрализировались «изнутри», способствуя формированию убеждений и духовно значимых ценностей. Следует признать, что религиозность в широком смысле слова свойственна большинству членов российского общества и в настоящее время.

«Индивидуализм и коллективизм». Принцип коллективизма в российском обществе преимущественно носил духовно-нравственный характер и трансформировался сначала в форме соборности, а затем в советский период в форме социалистических коллективов, способствующих формированию социалистической морали, стремлению служить, прежде всего, общественным целям. При всех издержках такого коллективизма присутствовало стремление максимально реализовать свой творческий потенциал, свои знания, умения и навыки на благо общества каждого члена коллектива. Тем самым осуществлялся своеобразный синтез индивидуальных и общественных интересов [7].

«Национализм и универсализм». Особенность русского духовного самосознания заключалась в принятии русским народом особой миссии освободителя «униженных и угнетенных» от той или иной эксплуатации, истребления, порабощения. Это свойство проявлялось как в международных отношениях, так и во взаимоотношениях с другими народами и национальностями внутри российского государства. Тем самым русский народ стремился на практике реализовать универсалистские ценности гуманизма, милосердия и сострадания по отношению к различным странам и народам [15,18].

«Глубокая внутренняя религиозность, носящая эсхатологически-мессианский характер и проявление внешней благочестивости». В русской духовной традиции вопросы веры носили жизненно важный характер. Искренняя вера в неизбежность возмездия или награды в потустороннем мире породила особый вид богобоязненности русского человека, которая обусловила наличие не только «страха божьего», но и совесть, в соответствии с которой появлялась возможность ду-

ховного самосовершенствования, искреннего покаяния и желания искупить свою вину за совершенные грехи. Вот как оценивал эту черту русского человека Ф.М. Достоевский: «Я как-то слепо убежден, что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает, в принцип свою мерзость возводит, утверждает, что в ней-то и заключается порядок и свет цивилизации, и несчастный кончает тем, что верит тому искренно, слепо и даже честно. Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если при этом и так много грязи, то русский человек и тоскует от нее всего более сам, и верит, что все это — лишь наносное и временное, наваждение диавольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет» [4, с. 199–200].

Рассмотренные выше противоречия самосознания русского народа можно оценивать как мнимые, поскольку между, на первый взгляд, противоположными чертами русского национального характера наблюдается внутреннее единство этих противоположностей, которое не может быть обнаружено с глобалистских позиций (читай европоцентристских и американоцентристских).

Непонимание сущностных черт российской духовности и ментальности возникает благодаря преимущественному вниманию к поведенческим характеристикам русского социума. В этом случае те или иные проявления национально-культурной идентичности чаще всего не вписываются в привычное правовое поле буржуазных демократий, на основании чего эти проявления объявляются как признак вековой отсталости, варварства и дикости русского народа [13,16,20].

Вместе с тем, даже с учетом этого искреннего или демонстрируемого непризнания за российским обществом полноценной международной субъектности можно выделить те черты менталитета русского народа, которые соответствуют как международному праву, так и общечеловеческим ценностям.

Первая из этих черт заключается в особой милосердности и сострадательности русского человека, ставшей, по сути дела, культурной универсалией русского суперэтноса. Причем эти качества не являются избирательными, не предполагают деление народов на «своих» и «чужих», «достойных милосердия» и «недостойных». Российское общество в целом склонно к реализации главного принципа экологической этики, созданной

в свое время великим гуманистом и мыслителем А. Швейцером, которое звучит как «благоговение перед жизнью при сохранении воли к жизни». Но именно этой свойство русского человека не принимается во внимание глобалистами, заинтересованными в постоянном формировании образа России как «врага всего человечества».

Вторая черта заключается в устойчивом стремлении русского человека к социальной справедливости. Причем последняя понимается не так, как это принято на «просвещенном» Западе. Распространенная вульгарная трактовка социальной справедливости по отношению к самосознанию российского общества как «отнять и поделить», трактуемая в глобальном информационном пространстве, затемняет главный пафос этого стремления — достижение справедливости как помощь «униженным и оскорбленным». Там, где такая помощь отсутствует и порождает все новых людей, лишенных жизненно важных благ, эта справедливость отсутствует.

Заключение

Проведенный анализ влияния информационных глобальных процессов на сохранение национально-культурной идентичности российского общества позволяет сделать ряд выводов.

Первый из этих выводов заключается в сознательной дискредитации российской культуры и цивилизации глобалистских сил заинтересованных в освоении природных богатств России, отводя последней роль «сырьевого придатка» развитых стран Запада. В условиях ведущейся против нашей страны информационной войны значимым является не только разоблачение попыток демонизации и искажения образа России, но и поиск возможностей формирования ее позитивной идентичности в глазах собственных граждан и мирового сообщества.

Второй вывод заключается в необходимости установления межкультурного диалога с теми странами и народами, которые по-прежнему высоко оценивают позитивную роль русской культуры и уникальное место России в современном мире. Если для тех, кто не заинтересован в том, чтобы России не было как самостоятельного государства, ее позитивная идентичность не представляет какой-либо ценности, то для истинных партнеров и дружественных стран знания о такой идентичности являются насущной необходимостью.

Третий вывод состоит в необходимости дальнейших исследований возможностей выстраивания общецивилизационного культурного пространства, в котором должно быть найдено почетное место для России, адекватно воспринявшей высшие идеалы и культурные ценности стран Запада, имеющих общечеловеческое значение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — 223 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. — СПб.: Азбука, Азбука, Аттикус, 2012. — 320 с.
3. Гудков Л. Негативная идентичность. — М.: Новое литературное обозрение. «ВЦИОМ — А», 2004. — 816 с.
4. Достоевский Ф. М. Избранное. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. — 400 с.
5. Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк) / Достоевский Ф. М. Избранное. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. — С. 90–116.
6. Дробижина Л. М. Идентичность и этические установки русских в своей и иноэтничной среде // Социс, 2010, № 12. — С. 53–58.
7. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. — 608 с.
8. Каменец А. В., Орлова Н. Г. Роль государственной культурной политики в формировании духовной культуры российского общества // Художественное пространство культуры третьего тысячелетия: проблемы науки и образования: Сб. науч. тр. Высшей школы музыки им. А. Шнитке (институт) РГСУ. Вып. 3. — М.: ООО «Буки-веди», 2017. — С. 59–67.
9. Когатько Д. Г., Тхакахов В. Х. Российская идентичность. — СПб.: Алетейя, 2010.
10. Кожин В. В. О русском национальном характере. — М.: Алгоритм, 2002. — 384 с.
11. Культурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — М.: Феникс, 1995. — 576 с.
12. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. — М.: Междунар. отношения, 2005. — 536 с.
13. Селезнева Е. Н. Культурное наследие в контексте макроисторической динамики: теоретико-методологические проблемы. — М.: Перспектива, 2012. — 100 с.
14. Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения. — М.: Современник, 1991. — 525 с.
15. Струве Б. П. Великая Россия / Философия серебряного века. — СПб.: Паритет, 2009. — С. 212–214.
16. Трофимов В. К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение Русского менталитета. — Ижевск: ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2010. — 408 с.
17. Уткин И. В. Россия между Востоком и Западом: модусы человеческого бытия // Рождение культурологии в России / Сборник научных трудов. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011 — С. 302–308.
18. Франк С. Л. Смысл жизни / Философия серебряного века. — СПб.: Паритет, 2009. — С. 261–278.
19. Хренов Н. А. Русский протей. — СПб.: Алетейя, 2007. — 400 с.
20. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. — СПб.: Авалонъ, Азбука — Аттикус, 2011. — 224 с.

© Каменец Александр Владленович (Kamenez.a@rambler.ru), Орлова Наталья Георгиевна (Nata-Lia-Nata@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный социальный университет

ИВАНОВСКИЙ ТЕКСТИЛЬ НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ВЫСТАВКАХ: ОЦЕНКА ДОСТИЖЕНИЙ

IVANOVSKY TEXTILE AT THE ART AND INDUSTRIAL FAIRS: EVALUATION OF ACHIEVEMENTS

R. Krasnova

Summary. By the end of the first quarter of the XIX century cotton-printing production reaches a high level in Ivanovo region, finishing technology is improved, the need to find and expand markets is increased. The revival of the economic situation in Russia, the industrial revolution in Western European countries have made it urgent to exchange production achievements. To a greater extent this was facilitated by the all-Russian and then the world exhibitions, which began to be held regularly from the second quarter of the XIX century. The exhibitions had several objectives. The first is to demonstrate industrial achievements in different countries and to assess the overall level of industrial development. Secondly, the exhibition served the commercial purpose of advertising, customer engagement and transactions. Thirdly, the exhibitions were held as a Grand show, festive events, where the artistic element served as a means of presenting production and technical elements. Sometimes the artistic display of goods dominated over the advantages of the goods themselves. However, in general exhibitions stimulated international competition and new achievements in the field of product quality. The development of exhibition activities and the involvement of an increasing number of exhibitors representing a variety of products, required the development of a set of criteria for the evaluation of the demonstrated products. Participation in all-Russian exhibitions and recognition of achievements was a significant incentive for the development of business and an important factor of prestige. The purpose of the article is to determine the main indicators of quality assessment of the exhibited goods, for which the Ivanovo chintz could compete with the products of other exhibitors and, accordingly, receive recognition for their achievements.

Keywords: international exhibition, manufacture, cotton.

Краснова Регина Юрьевна

Аспирант, МГХПА им. С.Г. Строганова, Россия, Москва
regi.crasnova@yandex.ru

Аннотация. К концу первой четверти XIX века ситцепечатное производство в Ивановском крае достигает высокого уровня, совершенствуются отделочные технологии, возрастает потребность в поиске и расширении рынков сбыта. Оживление экономической ситуации в России, промышленная революция в западноевропейских странах сделали актуальными необходимость обмена производственными достижениями. В большей мере этому способствовали всероссийские, а затем и всемирные выставки, которые начали регулярно проводиться со второй четверти XIX века. Выставки преследовали несколько целей: во-первых, демонстрация промышленных достижений в различных странах и возможность дать оценку общему уровню развития промышленности. Во-вторых, выставки служили коммерческим целям рекламы, привлечения клиентов и заключения сделок. В-третьих, выставки проводились как грандиозное шоу, праздничные мероприятия, где художественный элемент служил средством представления производственно-технических элементов. Порой художественный показ товара доминировал над достоинствами самих товаров. Однако в целом выставки стимулировали международную конкуренцию и новые достижения в области качества продукции. Развитие выставочной деятельности и вовлечение в нее все большего числа экспонентов, представлявших разнообразие товаров, требовало выработки комплекса критериев оценки демонстрируемой продукции. Участие во всероссийских выставках и признание достижений было значимым стимулом развития предпринимательской деятельности и важным фактором престижа. Цель статьи заключается в определении основных показателей оценки качества экспонируемых товаров, по которым ивановские ситцы могли конкурировать с продукцией других экспонентов и, соответственно, получать признания за свои достижения.

Ключевые слова: всемирная выставка, мануфактуры, текстиль, достижения.

Введение

Первая попытка урегулировать вопрос оценки экспонатов на законодательном уровне была принята накануне проведения мануфактурной выставки в Санкт-Петербурге (1829 г.). По инициативе министра финансов Е.Ф. Канкрин были разработаны «Правила устройства выставки российских мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге», утвержденные 2 октября 1828 г. Одной из важнейших задач экспозиции стало проведение экспертизы изделий и поощрение

экспонентов наградами, повышавшими их социальный статус. В каталоге первой общенациональной выставки указывались следующие виды наград за товары высокого качества: «1) похвальные медали, нарочно для того выбитые, золотые и серебряные; 2) публичная похвала и одобрение в описании выставки; 3) денежная премия за отличные изделия домашних заведений или ремесленниками по усмотрению Совета».[1] Однако еще не были четко сформулированы критерии, по которым должна была производиться оценка качества продукции.

Экспонировавшиеся на I Всероссийской выставке мануфактурной промышленности «ситцы разных цветов и узоров», произведенные на фабрике купцов I гильдии братьев Посылиных (Шуя), несмотря на высокую конкуренцию (на выставке были представлены образцы хлопчатобумажной ткани разного назначения ведущих в этой отрасли производителей из Москвы и Санкт-Петербурга), получили высокую оценку и были отмечены большой золотой медалью «за качество и доступную стоимость товаров». [2] Само по себе понятие качества оставалось неопределенным. Очевидно, что оно не могло быть установлено законодательно, т.к. для этого требовался экспертный опыт, накопленный в ходе проведения выставочной деятельности и развития конкретной отрасли мануфактурного производства. Однако в обосновании поощрения указан значимый критерий, выражаясь современным языком, «оптимальное соотношение цены и качества», соответствие которому неоднократно приносило продукции ивановских ситценабивных фабрик награды и поощрения.

Впоследствии на ряде выставок (например, Санкт-Петербург, 1833, 1839 гг.) были организованы различные отделы, именовавшиеся «Хлопчатобумажные изделия низкого сорта и Азиатского торго» и «Хлопчатобумажные изделия высоких сортов» для того, чтобы более четко разграничить требования, предъявляемые к качеству выставленных изделий. Товары ивановских производителей (шуйские купцы Д. В. Корнилов, Е. Иванова, А. В. Бабурин, братья П. и Н. Гарелины, П. А. Зубков, фабриканты братья Посылины, Д. И. Спиридонов, купец из Плеса В. А. Рыскин) были собраны в первой группе, т.е. принадлежали к так называемым «крестьянским» ситцам и, как следовало из названия отдела, предназначались также на вывоз в Среднюю Азию.

Наиболее широким и разнообразным ассортиментом отличались изделия фабрик Бабурина, Спиридонова, братьев Гарелиных и Посылиных. В описи образцов, представленных на Московской выставке, упоминаются разнообразные виды хлопчатобумажных тканей: 1) по назначению (плательные, рубашечные, мебельные, мебельные кубовые по кашемиру), 2) по особенностям отделки (одноколорные с ручной отделкой, разнокалиберные машинные с ручной отделкой); 3) по колеру (пунцовые, кубовые, коричневые, разноцветные); 4) по орнаменту (саксонский, французский ситец). [3]

На мануфактурной выставке 1843 года (Москва) Комитетом устройства выставки экспертам предписывалось формировать свое мнение относительно экспонируемых товаров, руководствуясь тремя критериями: качеством, значительностью производства и ценностью (ценой) сравнительно с качеством, не касаясь никаких других вопросов. [4] Однако, как показали итоги выстав-

ки, критическая масса награжденных была явно превышена (более 50% участников).

При подготовке к общенациональной выставке 1861 года были приняты меры для установления более строгих и объективных правил оценки экспонатов. Их разработкой занималась специальная комиссия при московском отделении Мануфактурного совета. Критерии разрабатывались отдельно для каждой категории экспонатов с учетом их наиболее существенных достоинств. «На этот раз, — писал по данному поводу М. Я. Киттары, — мы говорим о попытке устранить ошибки, неопределенность, произвол, сильно чувствовавшиеся на выставках предшествовавших». [5]

К XII Всероссийской мануфактурной выставке 1870 (Санкт-Петербург) были утверждены «Правила для Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года», а также дополнительно разработано «Положение об экспертах и наградах по Всероссийской мануфактурной выставке 1870 года». Согласно Положению, устанавливались следующие награды: а) почетные отзывы, б) денежная премия; в) похвальные медали, г) право употребления на вывесках и изделиях изображения государственного герба. При этом число почетных отзывов не ограничивалось, количество же медалей разного достоинства регламентировалось и определялись критерии поощрения: 1) качество выставленных произведений; 2) происхождение и степень предварительной подготовки первообразных материалов; 3) фабрично-заводская и продажная цены, причем внимание должно быть в особенности обращено на удешевление, достигнутое введением улучшенных способов производства и ряд других [6]. Ситцепечатная продукция ивановских производителей на этой выставке была удостоена медалей двух достоинств — серебряных (Зубков Н., Меньшиков В., Ясюнинские В., Е., А.; фирма «Никона Гарелина сыновья») и бронзовых (Гарелин И.). Как следует из пояснений к наградам, серебряные медали вручались «за хорошее исполнение» при невысокой цене, «за верную окраску, «весьма значительное производство»; бронзовая — за ситцы и плюсы умеренных цен при обширном производстве [7].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По мере развития общероссийского выставочного движения выкристаллизовывался перечень критериев оценки экспонируемой ситцепечатной продукции. В дореформенный период упор делался, прежде всего, на такие показатели, как соотношение цены и качества (соответственно, экспонаты подразделялись на недорогие среднего качества и дорогие и высококачественные), а также количество произведенного товара. Поощрялась ориентация внутреннего производителя ситцепечатной продукции на обеспечение массового покупателя.

П.А. Вяземский подметил, что зарубежные профессионалы, посетившие Московскую выставку 1831 года, особое внимание обращали на предметы выставки, в том числе и текстильные изделия, отличающиеся не роскошью, а практичностью и хорошим качеством при невысокой цене. Автор ссылается на следующее весьма показательное высказывание английского министра, посетившего промышленную выставку в Париже 1802 года. «Укажите мне, — говорил он, — на изделия, коими промышленность ваша содействует благосостоянию простого народа, на хорошие и дешевые хозяйственные орудия, одеяния, потребности домашние». [8]

Во второй половине XIX века отмечается заметное повышение качества ситцепечатной продукции в Ивановском регионе. Во многом это было связано с развитием полного производственного цикла от прядения до отделки. Отечественный машинный миткаль, по мнению экспертов, ни в чем не уступал, а даже превосходил прочностью, плотностью и ровностью миткаль английский и германский. «Особенно хороши по выработке были так называемые тяжелые миткали Зиминых, Малютина и Кокушкиных, назначаемые под плюса и французские ситцы (андрианопольского цвета) при цене... Впрочем, цене миткаля нельзя придавать большого значения ввиду определения достоинства его, потому что эта цена находится в прямой зависимости от цены пряжи или от более или менее удачной закупки первообразного материала — хлопка, стоимость которого, как известно, устанавливается ливерпульским рынком». [9] Совершенствование способов отделки, печатания и окраски на ивановских и шуйских фабриках делало их продукцию конкурентоспособной со столичными товарами.

Среди наиболее показательных характеристик качества отечественной хлопчатобумажной продукции эксперты выделяли ее прочность, яркость и чистоту окрашивания. Особенно безукоризненными считались ситцы андрианопольского цвета братьев Барановых. Так, например, известный немецкий специалист в сфере хлопчатобумажного производства Кун отмечал, что российские товары могут выдерживать конкуренцию даже с английской продукцией, но только при изготовлении невысоких сортов текстиля [10].

Включение России в выставочную деятельность всемирного масштаба неизбежно повышало требования к ситцепечатной продукции, дополняя критерии оценивания новыми требованиями. Всемирная выставка в Лондоне (1851) задавала новое направление в подходе к оценке качества экспонатов. Приближалась эпоха дизайна, «единства искусств и ремесел», провозглашенного У. Моррисом в противовес бездушному, обезличенному машинному производству периода промышленной

революции. Эта тенденция нашла прямое отражение как в эстетической программе выставки, так в определении номинаций, по которым присуждались награды участникам экспозиции.

В статье «Выставка как урок вкуса», опубликованной в каталоге, подготовленном к этой экспозиции, ее автор Р. Уорнам обосновывал мысль о том, что красота отделки вещей в современном обществе уже не является роскошью, как не является ею теплая одежда, поскольку для нашего тела, как и для души необходимо все, что приносит наслаждение. Красота, будучи неотъемлемой потребностью нашей души, является, следовательно, важной составляющей коммерческого успеха. Подводя итог своим рассуждениям, автор делает следующий вывод: «На ранних стадиях развития производства целью конкуренции была техническая пригодность: по мере развития общества возникала необходимость сочетания элегантности и пригодности; те же, кто не понимает этого, должны сбывать свои товары на более простых рынках и отказаться от значимых торговых площадок в пользу обладателей тонкого вкуса, заслуживающих высоких наград» [11].

Учрежденные организационным комитетом выставки награды включали три вида поощрения: первая медаль присуждалась только за новое изобретение или новый дизайн изделия; вторая — за изделия, которые отличались хорошим качеством, похвальным отзывом отмечались экспонаты, обратившие на себя особое внимание. Отметим, что свою первую зарубежную медаль получила в Лондоне Прохоровская (Трехгорная) мануфактура. Успеху предприятия способствовала, главным образом, оригинальность рисунков, исполненных фабричным художником Тарасом Марыгиным. Этот «гений рисунка», проработавший около 50 лет, на многие десятилетия обеспечил рисунками ткани предприятия. Именно Тарас Марыгин создал целое направление узорчатых гравюр в восточном стиле, из которых позднее получились знаменитые «французские огурцы».

Ивановские ситцевые фабриканты тоже уделяли большое внимание не только поиску талантливых рисовальщиков и колористов, но и воспитанию собственных мастеров. Известно, например, что на фабрике Д. Г. Бурылина работал известный в свое время химик и колорист Э. Лаубер и французский мастер Де-ла-Круа. Стараниями текстильных магнатов и городских властей в 1898 г. была открыта Иваново-Вознесенская рисовальная школа — филиал Санкт-Петербургского училища технического рисования барона Штиглица. В начале XX в. при рисовальной школе открывались вечерне-воскресные классы, на которых занимались практически все фабричные рисовальщики. Ее выпускники Андрей Голубев, Алексей и Сергей Логиновы, Григорий Бабашев, Иван Митяев,

Степан Шилов, Иван Хохлычев внесли заметный вклад в разработку дизайна ивановских ситцев.

В Ивановском регионе совершенством дизайна особенно славились мебельные ткани Зубковых. На Петербургской выставке 1861 года по красоте орнамента, краскам и чистоте работы они были признаны даже выше соответствующих московских изделий [12]. За отмеченные достижения они удостоивались медалей и на выставках 1865 и 1870 гг. О качестве производимой продукции можно судить и по тому спросу, которым ткани некоторых иваново-вознесенских производителей пользовались у среднего класса. Так, в 50–60-е годы XIX века весьма популярны были рубашечные ситцы от Зубковых. В описании фабрики указывалось, что лучшие сорта производимых там тканей покупали даже помещики, «служащее сословие», купцы; «мебельные ситцы этой фабрики можно встретить в очень порядочно убранных домах» [13].

К концу XIX века были выработаны критерии оценки экспонируемых на выставках изделий. К основным из них относились: качество выставленных изделий и степень художественного выполнения; исходные материалы изделий, стоимость, размеры производства (имелись и другие основания для оценки, но они были связаны не столько с экспертизой самого продукта, сколько — социальной ситуации на том или ином предприятии).

Особенно большое внимание на всероссийских выставках последней четверти XIX века уделялось детализации художественных аспектов оценки. В отчете о всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года отмечалось, что для определения достоинства печатных или набивных красками ткацких изделий принимались во внимание «чистота и яркость красок, отчетливость и чистота печатания или набивания различных красок или колеров на одном куске, изящество и разнообразие рисунков или манеров, число красок или колеров, воспроизводимых на одном куске и их прочность, наконец, отделка товара» [14].

По совокупности этих качеств комиссия установилась несколько степеней поощрения: признав изделиями *наивысшего достоинства* ситцы Товарищества мануфактуры Барановых; изделиями *очень высокого достоинства* — мануфактур «Куваевой наследниц» («за отличного качества и невысокой цены двухцветные ситцы и за весьма хорошего качества ситцы других сортов, за тщательность их отделки при значительном производстве»), «Каретниковой с сыном» («за весьма хорошую отделку, окраску, печатание и отделку разнообразных тканей и за довольно хорошего качества ситцы, особенно двухцветные расцвеченные при разнообразии рисун-

ков»), Шуйской мануфактуры (за хорошее выполнение напечатанных тканей при разнообразии рисунков ситцев и значительном производстве); изделиями *весьма хорошими* — фабрику Н.М. Полушина (за приготовление хорошего качества ситцев по миткалю, бриллиантину, весьма разнообразных рисунков при отчетливом печатании и чистоте красок), А.А. Посылина (за производство хорошо набитых саксонских платков с прочными красками, таковых же покрывал и кубовых темно-синих платков), изделиями *хорошими* — фабрику Н. Зубкова (за очень хорошего качества двухцветные ситцы, за производство хорошего качества ситцев обыкновенных, как то двурозового, двуфиолетового, плюсованных ситцев) и братьев Разореновых (за хорошую отделку, окраску и печатание миткаля, бриллиантина, бязи, киргизина, бахты при дешевой ткани таковых); изделиями *удовлетворительными* — мануфактур «Гарелина Н. сыновей» (за удовлетворительное качество некоторых дешевых сортов ситца при совмещении всех операций по переработке хлопка в готовые ткани); изделиями *посредственного качества* — мануфактуры братьев Дербеневых и фабрики Д.Г. Бурлыгина за выработку мебельной бумажной ткани удовлетворительного качества) [15].

Был еще один вид наград, высоко ценившихся предпринимателями, — право изображать государственный герб на своих изделиях. Черный двуглавый орел свидетельствовал о том, что государство гарантирует качество того или иного товара. В частности, на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде (1896) такого права удостоилась Куваевская мануфактура и фабрика Н.Ф. Зубкова. [16]

Высокая конкуренция за покупателя повышала значимость и такого критерия, как оригинальность товаров, способность обратить на себя внимание экспертов и потенциальных покупателей. В официальном каталоге Всемирной Колумбовой выставки в Филадельфии (1876 год) оригинальность указывается в качестве первого критерия, дополняясь традиционными показателями практичности, качество, соответствие назначению, соответствие общественным запросам, экономичность, цена [17].

Хотя для отечественной системы оценки достижений экспонатов на выставках этот критерий не был ключевым, его значимость безусловно осознавалась самими предпринимателями, которые стремились, во-первых, постоянно обновлять не только артикулы тканей (орнаменты и расцветку), но и их виды, а, во-вторых, снабжали ткани популярных артикулов устойчивыми и красивыми именами. Вместе с тем отметим, что текстильные фирмы Иваново-Вознесенского промышленного района так и не обзавелись узнаваемыми торговыми марками,

которые отличали бы их от многочисленных «игроков» на рынке». Единственное исключение составляло Товарищество мануфактур П. Н. Дербенева, получившее исключительное право пользоваться знаком «Слон».

Говоря об оригинальности товара как одном из критериев оценки достижений производителей, следует отметить многозначность этого аспекта оценивания в зависимости от того, идет ли речь о броскости изделия, его способности привлечь внимание или о его самобытности, принадлежности к определенной школе, черты которой узнаваемы и отличимы от других школ.

Что касается первого свойства, то следует признать, что к концу XIX века многие крупные ивановские текстильные мануфактуристы достигли достаточно высокого качества ситцепечатной продукции. Вслед за упоминавшимися уже знаменитыми мебельными ситцами Н. А. Зубкова, сошлемся также на то, какое впечатление произвела «азиатская» коллекция тканей А. М. Гандурина на посетителей и экспертов всемирной Колумбовой выставки (Чикаго, 1893 год). По словам торгового представителя фирмы А. Н. Бочарова, именно экспонаты по ситцам А. М. Гандурина «заслуживают наибольшего внимания публики... Подобного Вашему нет ничего... Публика проходит мимо изящно задрапированных французских витрин с шелками и шерстяными материалами. Ожидали ли Вы, что ваши прелестные сами по себе рисунки, изготовленные для среднеазиатских дикарей, могли понравиться здесь и произвести впечатление» [18].

Достоинства ситцепечатной продукции фабрики Гандуриных были отмечены и организаторами экспозиции. «Американские Соединенные Штаты постановлением своего конгресса уполномочили Всемирную комиссию при Международной выставке, состоявшейся в городе Чикаго, штата Иллинойс в 1893 году, присудить медаль особого достоинства... А. Гандурину с братьями — в России, в Иваново-Вознесенске, выставившему набивной ситец. Награда за набивную бумажную ткань яркой окра-

ски, преимущественно для вывоза в Азию. Ситец хорошего качества, набивка чистая, краски вполне крепкие. Рисунки и узоры большей частью персидские, специально приновленные для Дальнего Востока. Ситцы эти с успехом выдерживают сравнение с другими фабричными произведениями подобного же товара» [19].

Относительно оригинальности как самобытности следует иметь в виду, что ситцепечатное производство в Ивановском крае развивалось под сильным влиянием западных технологий и тенденций в сфере художественного оформления тканей, не исключались и заимствования у столичных школ, прежде всего, московской. В данном случае оригинальность «почерка» могла проявляться в виртуозности и неповторимости линий рисунка, переплетение линий которого невозможно было расшифровать и повторить, сочетании различных орнаментальных элементов, игре цвета и линии. Как отмечает В. Л. Соловьев, «трудно выделить четкие признаки, присущие типичным ивановским ситцам. Могут уйти из поля зрения интересные в художественном отношении рисунки только на том основании, что они нетипичны для Иванова» [20].

ВЫВОД

Таким образом, в ходе развития выставочной деятельности происходил процесс выработки критериев оценивания экспонируемых товаров, который, с одной стороны, отражал новые художественно-эстетические тенденции, а с другой, запросы потребительской аудитории. Вовлечение ивановских ситцепечатных мануфактур в экспозиционную активность как всероссийского, так и международного масштаба безусловно способствовало совершенствованию отделочного производства, художественного оформления тканей, но в то же время определило и те основные показатели качества экспонируемых товаров, по которым ивановские ситцы могли конкурировать с продукцией других экспонентов и, соответственно, получать признание за свои достижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роспись вещам, выставленным на первую публичную выставку российских изделий в Санкт-Петербурге 1829 года. СПб., С. VIII–IX.
2. Роспись вещам, выставленным в первую публичную выставку Российских изделий в СПб 1829 г. СПб., 1829. С. 31.
3. Указатель произведений отечественной промышленности, находящихся на выставке в Санкт-Петербурге. СПб., 1833. С. 105
4. Указатель третьей в Москве выставки российских мануфактурных изделий 1843 года. М.: Типография С. Селивановского, 1843. С. 3–4.
5. Киттары М. Я. Обзорение Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 года. СПб.: Типография Лермантова и К., 1861. С. 3.
6. Положение об экспертах и наградах по Всероссийской мануфактурной выставке 1870 года в Санкт-Петербурге // Горный журнал. 1870. № 2. С. XII–XIII.
7. Иллюстрированное описание Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года. СПб.: Издание Германа Гоппе, 1870.
8. Вяземский П. А. Взгляд на Московскую выставку // Литературные критические и биографические очерки. Т. II. 1827–1831. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1879. С. 175–182. С. 180.
9. Отчет о Российской мануфактурной выставке 1870 года в Санкт-Петербурге. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1871. С. 26.

10. Всероссийская художественно-промышленная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. СПб.: Книжное издательство Германа Гоппе, 1896. С. 53–55.
11. Wornum R. N. The Exhibition as a Lesson in Taste //The Art Journal Illustrated Catalogue: The Industry of All Nations. London, 1851.
12. Ивановские ситцы. С. 23.
13. ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 263. Л. 74.
14. Отчет о всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве / под ред. В. П. Безобразова. Т. III. Работы экспертных комиссий. СПб., 1883. С. 40.
15. Отчет о всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве. С. 41–47.
16. Список экспонентов, удостоенных похвальных наград на Нижегородской промышленной выставке 1896 г. СПб., 1897. С. 382.
17. Official Catalogue of the International Exhibition of 1876. Part I. Fifth and Revised Edition. Philadelphia, 1876. P. 15.
18. ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 5.
19. ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 962. Л. 88.
20. Соловьев В.Л., Болдырева М. Д. Ивановские ситцы М.: Легпромбытиздат, 1987. С. 85.

© Краснова Регина Юрьевна (regi.crasnova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕДМЕТНО-ЭНЕРГИЙНЫЕ АСПЕКТЫ ПАССИОНАРНОСТИ (ДУХОВНЫЕ, ТРАДИЦИОННО-ИННОВАЦИОННЫЕ)

SUBJECT AND ENERGIYNY ASPECTS OF PASSIONARITY (SPIRITUAL, TRADITIONAL AND INNOVATIVE)

I. Lobankova

Summary. The essence of a passionarity in a culture is shown in subject-energy forms of life (an artifact, an action, a thought, a limit universality) and revealed in the main ways of comprehension of its cultural sense through cultural, traditional values on the example of the culture of the proto-town Arkaim. The spirituality in the passionarity is shown at the ontological intrinsic level of universality and at the gnoseological level of a communicative form of the language and thinking. The traditional character values are shown at the praxeological level of figurative and symbolical activity and materialized in archaeological artifacts. All these symbolical programs of thinking and activity of the passionarer are directed to formation of his a natural and cultural unity and universality in a complete picture of the world.

Keywords: passionarity, culture, prototown, spirituality, traditional, innovative, energy.

Лобанкова Инна Петровна,

К. культурологии, доцент, Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, izar77@mail.ru

Аннотация. Сущность пассионарности в культуре проявлена в предметно-энергийных формах бытия (артефакт, действие, мысль, предельная универсалия) и раскрыта в основных способах постижения ее культурного смысла через духовные и традиционно-инновационные ценности на примере культуры протогорода Аркаим. Духовность в пассионарности проявлена на онтологическом сущностном уровне универсалий и на гносеологическом уровне коммуникативной формы языка и мышления. Традиционно-инновационные ценности проявлены на праксеологическом уровне образно-символической деятельности и материализованы в археологических артефактах. Все эти символические программы мышления и деятельности пассионария направлены на становление его природно-культурного единства и универсальности в целостной картине мира.

Ключевые слова: пассионарность, культура, протогород, духовность, традиционность, инновационность, энергийность.

Понятие *пассионарность* (*passio* — страстность, энергия) ввел в науку Л. Н. Гумилев [1] как устремление к цели, ради которой рискуют жизнью, подсознательный импульс, что противоположен инстинкту самосохранения, природная причина этногенеза. К. Ясперс [7] сделал акцент на культурных предпосылках духовного прорыва в мировую историю (Осевая эпоха).

Предпринята попытка объединения позитивных интуиций двух известных мыслителей: Л. Н. Гумилева и К. Ясперса. Гумилев акцентировал природные истоки пассионарности, Ясперс — культурные начала, эпоху Осевого времени, созданную людьми, являющимися исходной точкой истории, через них история приобрела антропологический статус. Развитие концепций Л. Н. Гумилева и К. Ясперса в их синтезе рождает концептуально созидательно-позитивное видение становления пассионарности, которая позволяет соединить «первую природу» — энергийный (природный) уровень бытия и «вторую природу» — предметный (культурный) уровень бытия, где культура — это канал духовного рождения пассионария. Взаимодействие культуры и природы порождает пассионария — исток этногенеза. Культура — это возникновение искусственной среды за счет приостановки природного процесса. На отрицании

естественного возникает человеческая свобода, свободное культурное решение. По Гумилеву природа — естественное, источник энергийных всплесков. Ясперс — это табуирование на естественные проявления. Это табуирование Г. Гегель называет «задерживание вожделения». Вся история человечества — история табуирования. Вожделение — естественная реакция, естественный процесс. Культурный человек начинается с того, что он говорит себе «нет», и как только он научился себе запрещать, начинается культура. Но запрет налагает ограничение на естественные потенции, и они копятяся. Это отметил З. Фрейд, абсолютизовав и интерпретировав Платона с позиции физиологии, нащупав работу энергии эроса — либидо («Оно» — естественное стремление, «Суперэго» — отрицание естественного стремления). Надо добавить, что «Суперэго», как культурное образование накладывает ограничение на энергию эроса, и энергия эроса возрастает. Культура, как отрицание природы, создает в человеке избыточный энергийный потенциал.

Если попытаться соединить концепции К. Ясперса и Л. Н. Гумилева, то можно отметить, что Гумилев не учитывает мощной культурной приостановки и резкого нарастания взлета избыточной энергийности, которая может неконтролируемо проявиться где угодно. Энер-

гийность присоединяется к любому качеству человека, как бы высвечивая его, а любое качество и предметно, и энергийно. И то качество, к которому присоединилась энергийность, разрастается, заслоняя весь горизонт бытия человека — это объяснение пассионарности. Так, пассионарность можно объяснить по типу Гумилева, но лучше объяснить по типу Ясперса, поскольку культура — проявление человека, и нас интересует пассионарность в культуре, а не в природе, хотя и у животных она тоже случается. Но это связано с естественной приостановкой, а культура приостанавливает систематически, так как основана на отрицании природы, которое гуманизация жизни пытается смягчить.

В статье пассионарность рассмотрена на примере культуры протогорода эпохи бронзы Аркаим (XXI–XVIII вв. до н.э.). Аркаим найден археологами в Южно-Уральских степях (синташтинская археологическая культура). Синташтинскую культуру археологи связывают с ранними индоиранскими скотоводами. В основе планировки Аркаима — два кольца оборонительных сооружений из сырцовых блоков и дерева, два кольца трапезевидных жилищ, круговая улица, в центре площадь, вокруг протогорода — ров и река. Два десятка протогородов подобного типа в округе образуют, так называемую «Страну городов», признанную всеми специалистами центром культурогенеза степной и лесостепной Евразии [2].

Специалисты локализируют прародину индоиранцев в степях Евразии с их последующим переселением в Индию и Иран. Известный археолог Е. Е. Кузьмина доказала, что «наиболее вероятные предки ариев — создатели памятников Синташта-Аркаим на Урале XXI–XVIII в. до н.э.» [4, с. 4]. Культура Синташта-Аркаим — это «культурный взрыв», пассионарно нарушивший исторический процесс, прорыв на более высокий социально-культурный уровень развития общества Евразийской степи в эпоху бронзы, где оседлость стала условием жизни, в условиях степи-лесостепи возникли урбанизированные укрепленные протогородские центры, имеющие планировку в форме круга, овала, квадрата. Можно предположить, что взрывообразное возникновение культуры Аркаима свидетельствует о мощном пассионарном потенциале ее создателей, как условия возникновения новой культуры, позволяет проследить динамику культурного процесса, являясь основанием методологической реконструкции.

Предмет анализа: методологические возможности реконструкции культуры в диалектике предметно-энергийных аспектов пассионарности на примере протогорода Аркаим. Диалектический метод позволяет разрешить противоречия концепций К. Ясперса и Л. Н. Гумилева, результатом чего явилась авторская

предметно-энергийная концепция пассионарности, которая являет синтез взаимообусловленности философского понимания пассионарности К. Ясперсом, как природы необычных людей при предметной направляющей (ведущей) роли культуры, и природных энергийных (толкающих) предпосылок пассионарности Л. Н. Гумилевым при естественнонаучной предметности. Тезис (природа — Гумилев) — антитезис (культура — Ясперс) — синтез (восстановление роли энергийности — природы на базе культурных форм). Гипотеза: отрицательную по отношению к природе сущность культуры осознать в предельной предметной форме — это «ничто», «исчезающая предметность» по К. Ясперсу. Пределом исчезновения предметности является констатация в языке, мысли, идее.

В реконструкции культуры протогорода Аркаим использован предметно-энергийный подход А. Б. Невелева, позволяющий обосновать энергийность пассионарности, где выявлена закономерность «обратного отношения предметной и энергийной сторон бытия человека (чем меньше предметная определённость бытия, тем больше энергийная насыщенность)» [5, с. 33]. Культура — «разумная способность человека к освоению мира с помощью трех компонентов: знаний (номологический), технологий — способов деятельности (технологический), ценностей (аксиологический)» [6]; канал духовного рождения человека и систематически воспроизводимая предметная форма, которая бытийствует на четырех уровнях предметного бытия: вещь, деятельность, мысль, предельная универсалия. «Я» пассионария находится между двумя основаниями — природой и культурой. Представим становление пассионария по четырем уровням бытия. Через призму этой методологической установки рассмотрим культуру индоиранского протогорода Аркаим, как совокупность артефактов, дублированных в деятельности, мысли и на онтологическом уровне категории бытия. *Стадии становления и развития пассионарной культуры Аркаима на четырех уровнях бытия:* 1) опредмеченный уровень материальной культуры — обнаруженные, восстановленные артефакты — *археологическая реконструкция*; 2) праксеологический уровень образно-символической деятельности общества — *историческая и культурологическая реконструкция*; 3) гносеологический уровень внутренней, коммуникативной формы языка и мышления — словесно-знаковый уровень — идеальная художественно-эстетическая и мифологическо-этическая форма протогорода в сознании человека — *лингво-археологическая реконструкция*; 4) онтологический сущностный уровень универсалий — предельная пассионарная фаза универсально-бытийного уровня жизни протогорода — *философская реконструкция*. Все уровни бытия, символические программы мышления и деятельности выявляют сущностное творческое един-

ство, направленное на достижение единой целостной картины мира.

В философии объектно-субъектное бытие домысливаемо через предметные формы (обиходное (снизу — вверх) и ритуальное (сверху — вниз) — разные векторы по отношению к реальности. Мы акцентируем на бытовой стороне жизни, но есть обратное движение духа в предметный мир, что связано с энергичностью. Граница между предметной и энергичной сторонами бытия — артефакт. *Энергичность* бытия человека — идеализированная, абстрагированная субстанция деятельной способности. У Тейяра де Шардена в учении о точке Омега энергичность — универсальная любовь. Энергично Единое неоплатоников. *Предметность* — термин Ясперса, «исчезающая предметность» девизируется, но не исчезает, а универсализуется, дав обозначение всё большему числу отношений и деятельной способности человека. Энергично понята пассионарность позволяет увязать предметный и энергичный уровни бытия. Методологически ведущую роль играет движение предметной формы по четырем уровням бытия (вещь, деятельность, мысль, предельная универсалия). Предметные формы соответствуют уровням предметной идентичности «Я». Форма предметного мира переведена в форму «Я». «Я» пассионария находится на каждом из четырех уровней бытия и персональная идентичность в разных предметно-энергичных качествах дает постоянный внутренний диалог «Я» между этими уровнями в становлении пассионария.

Становление пассионария по предметным уровням бытия:

1) *Первый предметный уровень* — орудийное вещественное бытие человека — объект взят в отношении к средству, энергичность погруженная в чувственное бытие личности. Пассионарий идентифицирует себя с предметностью вещественного бытия. В культуре Аркаима о деятельностном качестве пассионария мы можем судить по археологическим артефактам (колеса со спицами от колесниц, погребальный и производственный инвентарь) — форма, опредмеченная в вещественном бытии, реальное применение относящихся сторон (способы передвижения, сохранения, производства) — восстановление раскопанных объектов посредством информации, содержащейся в них самих — артефакты, информирующие о производственной системе вещного мира, представленные в музее заповедника «Аркаим» — *археологическая реконструкция*;

2) *Второй предметный уровень* — образно-символическое бытие социума. Пассионарий Аркаима идентифицируется с деятельностно-образным бытием — реконструкция жизни и деятельности человека

в рамках артефактов (колесница, курган, металлургическая печь-колодец) — воспроизведение применения артефактов: а) деятельно распределенный уровень вещественной формы, раскодирование запечатленных в артефактах символических образов в Историческом парке заповедника «Аркаим» (Сарматский курган «Темир», реконструкции жилищ эпохи энеолита, аркаимского дома эпохи бронзы, музеефикация раскопа аркаимского жилища) — *историческая реконструкция*; б) трансмедийный образ Аркаима передан через формы искусства: кинофильмы, театральные постановки (спектакли, балет), литературные произведения (поэзия и проза), скульптура, живопись, посвященные Аркаиму — *культурологическая реконструкция*;

3) *Третий предметный уровень* — словесно-знаковый уровень в языке и мышлении — свернутая в мысли форма действия с вещью (идеализация, сознание, язык, слово, знак, идея). В культуре Аркаима — это индоиранский язык и связанные с ним косвенные индоиранские источники — ведические тексты, где мифологическое мышление их создателей видит в слове высшую творческую силу, способную создать космос, а мир, как результат мысли и слова бога. С мифологическим мышлением индоиранцев Аркаима может быть связана его конструкция, имеющая форму *вары-мандалы*, гора около каждого поселения «Страны городов» — символ Горы Мира. Открывший Аркаим археолог Г.Б. Зданович предполагает, что «воплощение структуры распластанного птичьего крыла в храмово-погребальном комплексе — Большом Синташтинском кургане может быть соотнесено с архетипическим образом птичьих крыльев в погребальном обряде в индоиранских и месопотамских древних текстах» [3, с. 78]. «Основанием для представления архитектурного комплекса Большого Синташтинского кургана как «храма — святилища» послужила грандиозность сооружения и участки провалов — возможные следы «священного огня» и остатки вертикальных столбов, вероятно, символизирующие «Древо жизни» [3, с. 68] — сравнительно-историческое языкознание в археологии — *лингво-археологическая реконструкция*;

4) *Четвертый предметный уровень бытия* — предельно знаковое бытие — энергичный уровень идеализаций — преодоление предметной определенности мысли, концентрация энергии в предельном знаке — категории бытия, играющей роль линзы. Идентичность пассионария предельной универсалии — бытию — выход на предельную концентрацию энергичности экстатического бытия духа (философский экстаз Парменида, выходящего на категорию бытия, мистический экстаз неоплатоников, суфиев); «Я есть» — потенциальная полнота всех форм деятельности — идентичность с энергией, мощный энергичный напор; дух пассионария собран

в слове, голосе, мантре, молитве, ритме и слит с Единым в трансценденции. Предельная мысль (универсалия) знаменует почти исчезновение предметности (К. Ясперс) и максимальный накал личностной энергичности, который выражен образами богов («Ригведа») и идентификацией «Атман = Брахман». Индивидуально личностное начало поднято до уровня энергично насыщенной созидательности Бога (энергично-пассионарная фаза предельного духовного рождения пассионария) — *философская реконструкция*.

В случае первой предметности энергичность обнаруживается в привязке к телесному, предметному бытию. В случае четвертой предметности энергичность выходит на предельный уровень, когда сброшена любая предметность, и фактически проявляется дух в его чистоте, с которым пассионарий себя отождествляет. Первый и второй предметные уровни бытия, связанные с культурой повседневности — регулярными практиками, регламентирующими жизнедеятельность, жизненным опытом, соотносятся с традиционными и этнокультурными ценностями, а по шкале пассионарности Гумилева повседневность соответствует фазе благоустроенного предметного бытия обывателя. Третий и четвертый предметные уровни связаны с духовной культурой этноса, духовность соответствует пассионарным фазам: идеалам знания и красоты; успеха; победы; и жертвенности (предельной энергичности / пассионарности уровня «исчезающей предметности» Ясперса).

Так, реконструкция повседневной бытовой предметной культуры (традиции-инновации) происходит на первом и втором уровнях предметности. Реконструкция духовной энергичной культуры в мифологической сфере происходит на третьем и четвертом уровнях предметности. Хотя мифологическая духовная и бытовая повседневная культура Аркаима тесно переплетены.

Традиция — ценностная социокультурная коммуникация между поколениями людей, задающая нормы и ценности и определяющая развитие культуры в социуме. Самоорганизация социальной системы общества — эволюционный процесс формирования спонтанного порядка и новой структуры в ходе исторического опыта, способствующий внедрению традиций, соответствующих изменившимся условиям жизни социума. Традиция закрепляет социальный и исторический опыт в основе культуры. Традиционная культура «Страны городов» имела предпосылки для инноваций. Протогорода Зауралья имели производственную направленность, что было связано с металлургией и обусловлено легкодоступной медной рудой, обнаруженной неподалеку. Протогорода располагались в степной / лесостепной зоне на берегах малых рек, что было удобно для торговли.

Инновации в области технологий эпохи бронзы:

1) Инновации в миграционных технологиях, связанных с преодолением больших расстояний, потребовали создания новых средств передвижения — легких колесниц, запряженных лошадьми; 2) Инновации в технологии обработки металлов связаны с получением бронзы (сплав меди с оловом) и связанное с ней производство (добыча, обогащение руд, их обжиг, плавка в печах, отливка форм и предметов из меди); 3) Инновации в урбанизации — отличительный, оригинальный признак синташтинско-аркаимской культуры, но для его работы необходим комплекс и других признаков (металлургическое производство, колесничий транспорт, новая форма производящего хозяйства). Возможно, что с элементами урбанизации (экономика) связана полиэтничность «Страны городов». По данным антропологии «в «Стране городов» не было единого антропологического типа населения, ее культура складывалась на многокомпонентной основе Евразийских степных / лесостепных культур энеолита и эпохи бронзы. Но основной пассионарный этнический субстрат населения «Страны городов» был индоиранским, прибывшим в Зауралье в связи с распадом Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху бронзы (начало II тыс. до н.э.). Однако, «цивилизация в «Стране городов» не состоялась» [2], поскольку, возможно, что основной цивилизационный признак — урбанизация — мог повлечь за собой деструкцию индоиранской традиции, в связи с большей открытостью социума для внедрения ценностей других культур. Но традиция индоиранского этноса, основанная на духовных ценностях, возможно, была сильнее экономических факторов и технологий, оказав влияние на социокультурные подвижки в Евразии. Так, наследование духовных ценностей и жизненных смыслов в традиционной культуре Аркаима преобладало над технологиями инноваций. Этот факт позволил сохранить индоиранскую культуру в первоначальном виде, переместив ее в дальнейшем в Индию и Иран, где она получила свое завершающее развитие в письменных источниках, но не дал конструктивных возможностей в условиях Зауралья для создания цивилизации.

Инновации в духовной культуре, пришедшие

из эпохи мезолита и ставшие в дальнейшем традицией: 1) Инновация «дара» — социальная коммуникативная технология обмена и достоинства, долга, чести и престижа («потлач»); 2) Инновация партиципации перенесла коммуникативные социальные отношения в область природы, способствуя её легитимному разделу. Мифологическая картина мира, упорядоченная в соответствии с реальными социальными группами, распределяла ландшафт, вещи, ресурсы.

Культурная динамика природных возможностей пассионария выражена нарастанием предметных степеней

ее свободы, продвижением от идентичности с предметностью вещи, к динамике предметной деятельности и затем, к идентичности с энергийностью, одухотворенностью мысли, что и делает личность пассионарной. Пассионарность возникает за счет уменьшения предметной определенности бытия. Мифы создали люди, самые на тот момент продвинутые пассионарии, которые сбросили с себя всю предметную определенность и, соединив в себе природные истоки и культурные возможности, вышли на уровень духа. И созданный ими объект — результат ритуальной деятельности пассионариев, их образного мышления и концентрации энергии на цели. Строя Аркаим по сюжету мифа, пассионарии в ритуале соорудили архетип космоса. В ритуале пассионарий слит с бытием — выход на предельную концентрацию энергийности экстатического бытия духа. Энергийная мощь ритма перенесена на словесно-знаковый уровень мышления, способного выразить ее в языке, слове, знаке, идее, где знак с помощью слова извлекает отношение из относящихся сторон, и оно существует как идеальное — объективная мыслительная форма в сознании. Идею (мысль) пассионарий воплощает в знак (слово), через символ ритуала (действие) в предметность (вещи), которая обретает имя / символ, содержащее эманацию личности и отражает заложенный мифический образ. Так замыкается герменевтический круг динамики культуры, связанный с трансформацией ее предметной формы от универсалии к мысли через деятельность к вещи (нисходящий апофатический — непознаваемое разумом мистическое Богооткровение), и обратное вертикальное движение от вещи через деятельность к мысли и к универсалии (предельной абстракции) — движение от предметности телесной к предметности, сопряженной с энергийностью (восходящий катафатический — Богопознание по иерархии аналогий тварного бытия Творцу). В индоиранской традиции жертвенный конь — символ формы Праджapati (Творящий принцип) единственен с Праджapati — партиципационное приобщение — не символ высшей реальности, а ее проявление. Культ коня и его сакрализация распространены в культуре Аркаима, где в мужских захоронениях обнаружено избыточное количество останков принесенных в жертву коней (*ашвалмедха*).

Богопознание в мифологическом сознании — это коллективный опыт в энергоинформационном обмене сообщества при восполнении сопричастности в мифе через ритуал на сенсорно-перцептивном уровне когнитивной системы. Это связь содержания и личностного смысла пассионария, идентичного с духом в онтической форме — момент реального переживания духовной вспышки, результатом которой является мысль — самая высокая созидательная энергия. Но основа мысли здесь — не предметная сторона знаний, которые субъективны по форме и объективны по содержанию,

а энергийная природа ценностей, которые объективны по форме и субъективны по содержанию. Объективная мыслительная форма создает предметные основания для концентрации жизненных сил и энергии. Объективная природа формы ценностей, которая присутствует в мифе, несет смысл созидательной энергии, в которой отражены достижения народа, ставшие мифом, легендой субъективного содержания. Духовное устремление коллектива запечатлевает образ истинного, объективного значения в символе, знаке, языке создателей мифа, описывающем подвиги пассионариев — культурных героев. Заложенные в сознании аркаимского пассионария архетипы, проявляясь через символы, выражают принцип Творения: городище в форме *вары-мандалы* и вмещающий геокультурный ландшафт, ритуальные вещи с индоиранской семантикой в захоронениях элиты: булава — символ духовной власти; каменные фигурки лошадиных голов, ритуальные топоры, керамические ритуальные сосуды, сопровождающие умершего — сакрализация, идентичность с высшим для этой культуры духовным состоянием, предельная пассионарная энергийность мифологического универсально-бытийного уровня.

Рассмотренные методологические возможности реконструкции предметно-энергийных аспектов пассионарности на примере протогородской культуры Аркаима позволили сделать вывод: бытовой уклад степного образа жизни (предметный уровень артефактов), деятельность (энергийность) и мысль (мифологическое сознание) определяют основу пассионарности древних скотоводов степной Евразии. Сущность пассионарности и ее предметно-энергийные аспекты раскрыты в основных способах постижения ее культурного смысла через духовные и традиционно-инновационные ценности на примере протогородской культуры Аркаима. Культурная эволюция связана с творческой активностью, природными и культурными возможностями пассионариев и потребностями общества во внедрении инноваций в меняющуюся жизнь. Показано, что пассионарий определяет стратегическую линию культурного становления и развития общества. Обосновано, что предельная энергийная форма и есть выходящая за рамки прежней предметности и конституирующая новую культуру пассионарность в ее предметно чистом выражении. Пассионарность аркаимцев фокусирована мифологической образностью (образы богов). Энергийность при этом «переходит» от внешней детерминанты (артефакты, предметные действия людей) на внутреннюю детерминанту (сверхприродные силы, боги, культурные герои мифа). Динамика культуры Аркаима представлена как взаимодействие ее предметной (культурной) и энергийно-пассионарной (природной) сторон через постижение ее духовности и диалектики традиций и инноваций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. — М: Айрис-пресс, 2011. — 560 с.
2. Зданович Г. Б. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина. — Челябинск: Крокус, 2007. — 260 с.
3. Зданович Г. Б. Большой Синташтинский курган — древнейшее храмово-погребальное сооружение степной Евразии / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина // Горизонт цивилизации: Восьмые аркаимские чтения Челябинск 2017 с. 68–81.
4. Кузьмина Е. Е. Арии — путь на юг / Е. Е. Кузьмина. — М.: Летний сад, 2008. — 558 с.
5. Невелев А. Б. Бытие человека: диалектика предметности и энергичности / А. Б. Невелев // Вестник ЧелГУ. — 2012. № 15. — С. 30–34.
6. Халин С. М. Наука и культура: метапознавательный подход / С. М. Халин [Электронный ресурс] Тюмень 2015: <https://lektii.org/8-98084.html>
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории К. Ясперс. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.

Уфимский государственный нефтяной технический университет

ТРАДИЦИОННАЯ КИТАЙСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ДРАМА: СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

TRADITIONAL CHINESE MUSICAL DRAMA: CONTENT-STYLE ORIGINALITY

Zhao Meng

Summary. The article gives a description of the style peculiarities of the traditional Chinese musical drama, on its basis the reason for the long isolation of the ways of development of the Chinese and European musical theater is revealed. The process of genre formation from ancient times to the 19th century, the time when European opera penetrated into China, is covered. Characterized features of acting, vocal, scenography of the Chinese national musical drama, its multiple genre varieties formed by centuries.

Keywords: China, traditional musical drama, Opera, traditional and European vocals, artistic symbols, stage roles.

Чжао Мэн

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Институт музыки, театра и хореографии г. Санкт-Петербург, Россия
zhaomeng0819@mail.ru

Аннотация. В статье дается характеристика стилового своеобразия традиционной китайской музыкальной драмы, на ее основе раскрывается причина длительной изоляции путей развития китайского и европейского музыкального театра. Освещается процесс становления жанра от древних времен до XIX века-времени проникновения европейской оперы в Китай. Охарактеризованы стилевые особенности актерской игры, вокала, сценорафии китайской национальной музыкальной драмы, её множественные, сформированные столетиями жанровые разновидности.

Ключевые слова: Китай, традиционная музыкальная драма, опера, традиционный и европейский вокал, художественные символы, сценические амплуа.

Музыкальный театр Китая имеет многовековую историю и богатейшие художественные традиции. Несмотря на знакомство с европейской оперой уже с XVIII века, осознанно не вступал с ней в художественный контакт на протяжении двух столетий.

Причина подобной изоляционной позиции заключалась в коренных стилевых различиях китайского и европейского музыкального театра. Высший вид китайского традиционного театра — пекинская музыкальная драма. Сложившийся к середине XVIII века, он был построен на принципах соотношения актерской игры, декоративного оформления, музыки вокальной и инструментальной, танца, приемов боевых искусств, цирковых элементов, драматического действия. Пекинская опера суммировала в себе театральные традиции разных провинций Китая и сохранила символику масок, костюма, грима, декораций.

В конце XVIII века в Китае существовало множество местных видов музыкально театрализованных представлений, получивших названия по преобладавшим чертам музыкальной стилистики — гаоцян, наньси, цзацзюй, циньцян, ханьцзюй и других. Наиболее изысканным считался куньцзюй — прародитель пекинской оперы, отличавшийся высокими требованиями к литературному и певческому искусству. Вместе с тем основой будущей пекинской оперы стал и жанр «хуабу», что в переводе означает «популярный», исполнявшийся анхойскими труппами, и пользовавшийся благодаря простым, легко

воспринимаемым мелодиям широкой популярностью [4].

Действие в китайской опере не ограничено ни во времени, ни в пространстве. В передаче содержания широко используется условность, активно применяется символика. Если какие-либо повседневные реалии не могут быть представлены на сцене прямо, они воспроизводятся символически. Так, специальными движениями изображается вход или выход из дома, подъем или спуск по лестнице, переправа через реку и т.п. Круги по сцене с пlectrum в руке означают скачку верхом; езда в экипаже представляется статистами, которые держат по обе стороны от актера флажки с изображениями колес; хождение по кругу символизирует долгое путешествие; если на сцене, лишенной декораций, актер держит весло или лопатку и приседает, имитируя большое напряжение, это означает, что он плывет в лодке. Обстановка, в которой проходит действие спектакля, изображается исключительно движениями актера. Причем эффект достигается даже более сильный, чем при наличии декораций и реквизита [1, с. 12–13].

Для китайского театра музыкальной драмы (Пекинской оперы) характерно существование фиксированных типов сценических персонажей. В отличие от свойственного европейскому театру деления актерских амплуа на лирические, драматические и характерные, в Пекинской опере персонажи различаются по возрасту, полу, общественному положению, профессии и характеру. Так,

мужчина называется «шэн», пожилой мужчина — «лаошэн», юноша — «сяошэн», персонаж, выполняющий в ходе спектакля фехтовально-акробатические приемы — это либо воин, либо человек, обладающий физической силой и ловкостью — «ушэн» Женщина-героиня называется «дань», женщина в скромных синих одеждах — «цинъи», девушка в пестром наряде — «хуадань», пожилая женщина — «лаодань», военная героиня — женщины-фехтовальщицы и наездницы — «даомадань», комические старухи — «чадань», комическая второстепенная роль — «чоу», раскрашенное лицо (персонаж с определенным темпераментом) — «цзин».

Каждый тип актера имеет свой костюм, который не меняется и не зависит ни от сценического времени года, ни от сценария, ни от места действия Костюм является атрибутом определенной «маски», который если и варьируется, то только в небольших деталях.

У каждой «маски» есть свой набор мимики, жестов (чему специально учатся начинающие актеры), и свой грим, несущий определенную символику. Существуют специальные «чертежи» персонажей, которые отображают свойства и характер роли в особенностях грима лба, бровей, крыльев носа губ. Наиболее традиционными для грима, который может быть очень сложным по орнаменту, являются формулы «бабочка», «летучая мышь», «ласточкино гнездо». Линии чертежа и цвет краски, как правило, непосредственно указывают на возраст и характер героя. Так, например, у человека в горестном состоянии непременно должны быть кривые брови Черный цвет характеризует волю, мудрость, справедливость, фиолетовый — воинственность, желтый — вспыльчивость, синий — коварство, зеленый — тупость, склонность к опрометчивым поступкам. Если человек пьяница, то у него на лбу имеется специальная метка, если на лбу написано «тигр» — это является знаком храбрости.

В отличие от европейского театра, спектакли Пекинской оперы отличаются минимальным декоративным оформлением, зачастую декораций нет вообще, а в качестве реквизита, независимо от того, происходит действие во дворце или в пустыне, используются стол и два стула. При этом все предметы реквизита обладают символическим значением — стол или стул могут превращаться для зрителя в гору или неприступную крепость, плетень символизирует наличие лошади, деревянная рука с кистью становится атрибутом ученого.

Символика выразительных пластических движений актера Пекинской оперы может обозначать и движение времени, и место действия, и его перемену. На их основе, скажем, представление о высокой горе, на которую поднимается героиня, может трансформироваться в бы-

струю реку, которую она переплывает на лодке, скачку на лошадях или кровопролитное сражение в долине. Артист может взять в руки хлыст и пробежать круг-другой по сцене, что будет выражать бег коня рысью, скачку на сто или тысячу километров и т.д. [6].

Другой способ изображения места действия — флаги с определенной символикой, которые поднимают сами актеры. Если на флаге изображена вода и развивающийся флаг, то в воображаемом пространстве это вздымающиеся и опускающиеся волны, и сражение происходит уже не на суше, а на море. Если на флаге изображено колесо, то подразумевается, что персонаж едет в экипаже, и т.д.

Свою специфику имеет и музыкальное сопровождение спектаклей, такие как особое звучание национальных инструментов, национальная манера пения, тип мелодекламации [3, с. 362].

Оркестр Пекинской оперы, состоящий исключительно из национальных инструментов, располагается на сцене с левой стороны. В нем нет дирижера в европейском понимании этого слова, его роль выполняет барабанщик, который задает темп, динамику, характер звучания. Поэтому инструмент называют «Гулао» или «Гуши» (дословно — «Староста-барабан» или «Учитель-барабан»).

Состав оркестра, как правило, не превышает десяти человек, причем каждый музыкант должен владеть, по крайней мере, двумя инструментами.

Музыкальный материал певцов и оркестра не фиксирован записью, а традиционно передается из поколения в поколение непосредственно, как в устном народном творчестве.

Вокальная техника актеров Пекинской оперы также отличается от академической манеры европейских певцов, поскольку является одним из вариантов национального пения [5]. Особенности ее передаются от педагога учащимся чисто эмпирическим путем, преимущественно посредством подражания.

Воспитанное на протяжении веков знание театральной символики, развитая способность оценивать мастерство владения ее языком позволяло слушателям-зрителям Пекинской оперы воспринимать спектакль с неослабевающим интересом, как бы на одном дыхании. Вместе с тем именно содержательно-стилевое своеобразие делало недоступной для её восприятия западную оперу с ее далекими от китайской символики актерскими принципами, меняющимися декорациями, мощью и широтой звучания оркестра и совсем иным вокалом.

Самые ранние исторические сведения о проникновении европейской оперы в Китай относятся ко времени правления императора Цянь Луна (1736–1795 г). Императорскому дому впервые было представлено искусство итальянской оперной труппы. Исторически это происходило приблизительно в то же время, когда итальянская опера стала известна и в России (первая итальянская труппа была выписана в Россию в 1735 году). Однако результаты этого знакомства оказались для обеих стран диаметрально противоположными. Если в России опера уже в XVIII веке стала одной из составляющих культурной жизни страны, то в Китае она не вызвала интереса и итальянская труппа была выслана из страны.

Характерно, что, хотя западная опера была известна дипломатам Цинского императорского двора, служивших в разных странах Европы, вопрос о перенесении ее на китайскую почву в последующие два века так и не возник. Вследствие этого европейская музыка и европейское оперное искусство вплоть до XX века оставались для китайской публики непонятыми и чужеродными.

В известной степени это объяснялось и тем, что в Китае профессия актера традиционно относилась к числу самых низких и презираемых. Руководствуясь высокомерно-презрительным отношением к актерской деятельности, чиновники, направляемые Цинским правительством в Европу и Америку, даже в те времена, когда опера уже осознавалась там феноменом мировой культуры, редко по собственной инициативе ходили на оперные спектакли. Они делали это, как правило,

лишь по приглашению, дабы не нарушать общепринятые дипломатические правила.

Длительное неприятие китайцами достоинств западной оперы, как следствие отсутствие потребности в ее ассимиляции, стали причиной многовековой изоляции путей развития китайского и европейского музыкально-театров, несовместимости художественных установок Востока и Запада и предельной закрытости культуры Китая от внешнего мира [1, с. 21,67].

И только в начале XX века, когда в общественной, социальной, культурной жизни Китая происходят серьезные изменения, наметилась тенденция к созданию новых, отличных от традиционной пекинской оперы, направлений музыкального театра. В 1905 году Лян Ци-чао написал шестиактную «общедоступную» пьесу «Бань Чао отправляется усмирять западные племена», а также (вместе с китайскими преподавателями и студентами) пьесу «Проводы Цзын Цинна на реке Ишуй» Произведения эти можно считать самыми ранними попытками создания китайскими авторами оперы на основе народных песен, близких по жанру к частушкам [2, с. 101].

Это событие стало знаком начала нового периода в истории музыкального театра Китая, отмеченного освоением опыта европейской музыкальной культуры. Процесс же интенсивного освоения европейского оперного искусства и рождения китайской оперы протекает уже в условиях нового Китая после образования в 1949 году Китайской Народной Республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Юйхэ. История современной китайской музыки. — Пекин: Народная музыка, 1994. — 378 с.
2. Мань Циньин. Зарождение оперы в Китае в эпоху династии Цин. — Шанхай: Научный вестник Шанхайского театрального института, 2005. — С. 98–136
3. Чжан Личжэнь. «Седая девушка» — первая китайская национальная опера. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 80. — С. 361–365.
4. Китайский театр Бородычева Е. С. [Электронный ресурс]. URL: https://vuzlit.ru/476417/kitayskiy_teatr_borodychova. Дата обращения: 10.03.2018.
5. Маски пекинской оперы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wday.ru/stil-zhizny/vibor-redakcii/id-611/3/>. Дата обращения: 11.03.2018.
6. Пекинская опера [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.ts.cn/RUSSIAN/channel15/91/137/200306/26/349.html> Дата обращения: 11.03.2018

© Чжао Мэн (zhaomeng0819@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

THE PROBLEM OF PRESERVATION OF NATIONAL CULTURE IN MODERN CHINA

Shang Bofei

Summary. The purpose of the article is to study the specifics of the problem of preserving the national culture in modern China after the beginning of the policy of reform and openness. The author analyzes the cultural differences between urban and rural areas in China, resulting from ongoing reforms. Another aspect of the problem is the impact of cultural globalization on Chinese national culture. The author comes to the conclusion that the solution of cultural problems has become an integral part of the actions of the Chinese government at the present stage.

Keywords: China, national culture, policy of reform and opening up, cultural globalization, urban culture, rural culture.

Шан Бофэй

*Аспирант, Дальневосточный федеральный
университет (Владивосток)
Shangbofei@mail.ru*

Аннотация. Цель статьи — изучение специфики проблемы сохранения национальной культуры в современном Китае после начала политики реформ и открытости. Автор анализирует культурные различия между городскими и сельскими районами в Китае, возникшие в результате проводимых реформ. Другой аспект проблемы — влияние культурной глобализации на китайскую национальную культуру. Автор приходит к выводу, что решение культурных проблем стало неотъемлемой составляющей действий китайского правительства на современном этапе.

Ключевые слова: Китай, национальная культура, политика реформ и открытости, культурная глобализация, городская культура, сельская культура.

В настоящее время любая страна не может отрицать важную роль культуры в общественном развитии. В Китае придают большое значение важности культуры в развитии китайского государства. Национальное процветание, социальный прогресс и развитие бизнеса — все это связано с культурой. Китайский ученый Кан Чаогуан утверждает, что культура — это кровь и душа нации, культура является духовным домом людей и является важной поддержкой развития страны [1]. Российские авторы также отмечают важность культуры, которую придают ей китайцы. Например, Н. П. Рябченко подчеркивает, что «КПК ведет Китай по пути строительства социализма с китайской спецификой. Основное противоречие, которое предстоит разрешить, — между постоянно растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством» [2, с. 4].

Прежде, чем переходить к дальнейшему анализу, необходимо дать определение понятию «национальная культура». В Китае считают, что национальная культура является общей культурой всех китайских наций, а не культурой какой-то определенной этнической группы (в Китае всего 56 наций). Заметим, что слово «нация» переводится на китайский язык двумя способами: «民族», звучит «Минь Цзу» — «нация» и «国家», звучит «Го Цзя» — «страна» [3, с. 517]. Цзя Хуэйминь в своей диссертации отметила, что в Китае «Минь Цзу (нация) — это общность людей, сформировавшаяся исторически и об-

ладающая общностью языка, территории, экономики и общественного сознания, а также общей культурой» [4, с. 12]. Это объясняет, почему в китайском языке понятие национальной культуры совпадает с государственной культурой и китайской культурой. И именно так китайское правительство и китайские ученые часто используют понятие «китайская культура».

Национальная культура в разные исторические периоды истории Китая имеет разную судьбу. Так, во время китайской культурной революции (1966–1977) китайская национальная культура была подвергнута разрушению, но испытала процесс восстановления после основания Нового Китая (1949) и после начала политики реформ и открытости (1978).

Китайская культурная революция не только помешала в определенной степени развитию экономики и промышленности, но также нанесла существенный ущерб образованию, науке и культуре Китая. Завершил культурную революцию в Китае Третий пленум ЦК КПК 11-го созыва, который проходил в декабре 1978 г. На этом пленуме была сформулирована политика реформ и открытости. Хотя в начальный период политики реформ и открытости экономическое строительство было самой важной задачей, но Дэн Сяопин оценил также важность сохранения китайской культуры. Во вступительной речи Дэн Сяопина на XII съезде КПК говорилось о том, что 1980-е гг. стали важным периодом в развитии Коммуни-

стической партии Китая и всей страны. Главной задачей этого периода стало экономическое развитие, которое лежало в основе решения международных и внутренних проблем. Однако в дальнейшем китайцы должны также активизировать строительство социалистической духовной цивилизации [5].

Политика реформ и открытости помогла Китаю восстановить промышленное производство и экономику после культурной революции и обеспечить быстрый промышленный и экономический рост. Как известно, сегодня Китай занимает второе место в рейтинге мирового ВВП. Китайские ученые Чэн Чэнпин и Цю Итин утверждают, что с 1978 по 2016 гг. среднегодовые темпы роста ВВП Китая достигли 9,64%. Именно в ходе реализации политики реформ и открытости стало возможным добиться такого огромного экономического успеха [6]. В настоящее время китайских ученых интересуют не только быстрый рост экономики Китая, но и проблемы национальной культуры, возникшие в результате политики реформ и открытости, «разделившей» Китай на город и деревню, обеспечившей быстрый рост культуры городов, их интеграцию в мировую культуру, и «законсервировавшей» культурный рост деревни.

С началом политики среднесрочных реформ и открытости (с 1990 г. до настоящего времени) стало ясно, что проблема сохранения китайской национальной культуры имеет два аспекта: а) существует большой разрыв между культурой города и культурой села; б) возникла проблема активного заимствования и внедрения западной культуры в китайскую национальную культуру.

Ван Сяодун и Суо Чжилин выделили следующие основные аспекты культурного разрыва между городскими и сельскими районами Китая: 1) инвестиции правительства в культурные мероприятия не сбалансированы. В 2004 г. китайское правительство инвестировало 11,363 млрд. юаней в развитие национальных культурных мероприятий, на которые приходится лишь 0,4% национальных бюджетных расходов (3,20676 трлн. юаней), из которых только 3,011 млрд. юаней было направлено на сельские культурные мероприятия, что составило только 26,5% национальных культурных расходов. 2) Формы и содержание культурной жизни в городских и сельских районах сильно различаются. Люди в городах часто ходят в кино, чтобы посмотреть фильмы, или имеют возможность выбрать другие способы отдыха, но в сельской местности могут только дома смотреть телевизор. Жители городов не только имеют больше возможности для культурного выбора, но и лучшее качество культурной жизни, чем жители сельской местности. В 1995 г. 80,7 из каждых 100 семей в сельских районах имели монохромные телевизоры, а 89,8 из каждых 100 семей в городе имели цветные телевизоры [7].

Высокий уровень развития китайской экономики позволил значительно повысить уровень жизни многих китайцев. Кроме того, открытый характер экономики Китая привел к тому, что горожане вплотную встретились с западной культурой: стали употреблять западную пищу, отмечать западные праздники, слушать западную музыку, смотреть западные фильмы, носить западную фирменную одежду и т.д. Все это стало модным образом жизни для городских жителей, особенно молодежи. И хотя жизнь сельских жителей после начала политики реформ и открытости тоже улучшилась, однако по сравнению с жителями города общий уровень культурной жизни сельских жителей по-прежнему остается низким.

Традиционная культура всегда была одним из важнейших полезных компонент в развитии Китая, поэтому сохранение традиционной культуры в Китае в разный период его исторического развития имеет важное значение. Например, в период антияпонской войны (1931–1945) традиционная культура стала тем «цементом», который соединил народные массы и помог Китаю выстоять. В период основания Нового Китая (КНР, 1949) традиционная культура стала тем «раствором» в структуре национальной культуры, который обеспечил «цементирование» китайской нации и помог Китаю остаться единой страной. В период политики реформ и открытости традиционная культура способствовала преодолению центробежных сил в развитии китайской экономики.

Мы можем утверждать, что после начала политики реформ и открытости китайское правительство всегда придавало большое значение сохранению национальной культуры. Особенно заметно это стало в течение последних 10 лет. Российская исследовательница А.Л. Верченко подчеркивает, что «В начале XXI века китайские традиционные праздники по-прежнему присутствуют в жизни китайского общества» [8]. Кан Чаогуан утверждает, что, начиная с XVII съезда КПК (2007 г.), Китай добился огромных успехов в своем культурном развитии и сохранении национальной культуры [1].

В 2007 г. на XVII съезде КПК председатель КНР Ху Цзиньтао отметил, что в нынешнюю эпоху культура все больше становится важным источником национальной сплоченности и все более важным фактором всесторонней национальной конкурентной борьбы. Она все больше становится выразителем стремления китайского народа к культурной жизни. Китайский народ должен продолжать строительство своей культуры, для чего необходимо стимулировать культурное творчество и улучшать действие культурной мягкой силы страны [9]. Одним из элементов мягкой силы Китая стала система государственных праздников. Первоначально список всех государственных праздников был объявлен в Китае 23-го декабря 1949 г., что было тесно связано с по-

литикой. После этого список китайских государственных праздников менялся несколько раз. В 1967 г., во времена культурной революции, важный китайский праздник Чуньцзе — Новый год по Лунному календарю — был отменен. В 1979 г. вновь были восстановлены уже известные государственные праздники: Юань дань (Новый год по григорианскому календарю), Чуньцзе, День труда, День образования КНР. А 14-го декабря 2007 г. традиционные китайские праздники Цинмин, Дуанью и Чжунцю стали государственными праздниками.

Луань Ин утверждает, что китайская культура относится к категории традиционной культуры [10]. Традиционная культура носит ценностную ориентацию нации, влияет на стиль жизни нации и обеспечивает сплоченность нации. Традиционная культура объединяет идеологические концепции, способы мышления, ценности, моральные чувства, образ жизни, систему этикета, обычаи, праздники, религиозные убеждения, литературу, искусство, образование, науку, технику, а также имеет и другое богатое содержание.

В современном Китае китайские традиционные идеи стали для современных китайцев основной концепцией в конфликтах с природой, с людьми, с обществом, с родителями и т.д. Например, китайский традиционный мыслитель Моцзы учит, как относиться к людям. Он предложил моральный принцип «Цзянь Сян Ай (兼相爱)», который защищает людей и означает, что необходимо любить всех людей одинаково, независимо от их родственников или знакомых, богатых или бедных, высокого статуса или низкого статуса. Кроме этих принципов, есть еще очень известная древняя китайская поговорка: «Бай Шань Сяо Вэй Сянь (百善孝为先)», которая гласит: «почитание родителей — это первая добродетель». Эта поговорка принадлежит к традиционной китайской культуре, выражает нравственный дух нации, и остается популярной в Китае с древних времен до настоящего времени. Эти примеры говорят о том, что в настоящее время традиционная китайская культура является важной частью китайской национальной культуры и влияет на мышление современных китайцев, их жизнь и политику китайского правительства.

В современную эпоху все элементы, ритуалы, привычки и т.д. традиционной китайской культуры могут стать современной национальной культурой. Их выбор и сохранение должны соответствовать принципам, сформулированным Мао Цзэдуном, который полагал, что китайцы должны отбросить свои феодальные привычки и должны стать уверенными в собственной национальной культуре [11, с. 707]. Китайский политический деятель Ху Цзиньтао в докладе на XVIII съезде КПК (2012 г.), сказал, что Китай должен унаследовать, защищать и продвигать хорошую традиционную культуру

[12]. В докладе можно ясно увидеть, что такое «хорошая традиционная культура».

Китайские авторы Ли Дэшун и Сан Вэйпин попытались прокомментировать последнее утверждение. Они полагают, что все «разумные», «правильные», «прогрессивные» и «согласующиеся с социальным развитием» традиционные культуры являются отличными / хорошими культурами. В Китае, это, например, Пекинская опера, традиционный праздник, конфуцианство и т.д. Им противоположны такие китайские обычаи, как традиция бинтовать ноги у женщин, евнухи, суеверные обычаи и т.д. [13].

Председатель Си Цзиньпин тоже подтвердил позитивную роль китайской традиционной культуры. В своем выступлении на первом заседании XII Всекитайского собрания народных представителей в 2013 г. он упомянул, что у истории китайского народа и китайской цивилизации более чем 5000 лет. Эта цивилизация создала прекрасную китайскую традиционную культуру и внесла выдающийся вклад в прогресс человеческой цивилизации [14]. Си Цзиньпин подчеркнул, что долгая история китайской традиционной культуры есть огромное духовное богатство китайского народа.

В марте 2018 г. Си Цзиньпин в своем выступлении на первом заседании XIII Всекитайского собрания народных представителей акцентировал внимание на том, что необходимо ускорить строительство сильной культурной страны. Для этого необходимо внедрять новшества и развивать лучшие черты традиционной культуры. Это может сделать Китай более влиятельным и сплоченным [15].

Как видим, китайское правительство придает большое значение статусу китайской культуры в развитии страны. В то же время правительство придает самое большое значение сохранению и развитию китайской традиционной культуры, так как китайская традиционная культура действительно является важной частью китайской национальной культуры.

После начала политики реформ и открытости Китай стал быстро интегрироваться во внешний мир. В условиях глобализации возникла проблема, когда необходимо не только защищать китайскую национальную культуру, но и правильно относиться к иностранной культуре, к таким ее проявлениям, как популярность западных праздников в Китае и, конечно же, возникла потребность в модернизации китайской культуры. Быстрая модернизация китайской национальной культуры началась с ростом активности взаимодействия китайской и западной культур, результатом чего стало появление новых способов празднования. Например, российские авторы А. В. Халимова и Н. А. Абрамова утверждают, что

«говоря о праздничной культуре Китая и ее связи с модернизационными процессами, нельзя не упомянуть недавно принятый в КНР официальный праздник «День Холостяка», отмечаемый 11 ноября» [16, с. 146].

«День Холостяка» — это новый праздник, появившийся в Китае в последние годы. Он отвечает характеристикам модернизации культуры. Этот праздник широко полюбила китайская молодежь. Есть много способов отпраздновать такой праздник: холостяцкая вечеринка, пирушка, пение и другие развлечения. С культурной точки зрения, «День Холостяка» — это выражение индивидуальности современных молодых людей. Тема праздника понятна, как понятна и концепция праздника. Он выражает сильное желание одиноких молодых людей «избавиться от одиночества».

В данном контексте мы должны заметить, что китайцев привлекает не сам западный праздник, его происхождение, обычаи или ритуалы, а его символический образ, который позволяет расслабиться, но расслабиться по-китайски, на основе китайских обычаев. Западные праздники в Китае изменились, эти праздники отличаются от своих прообразов в западных странах. Западные праздники, трансформируясь, вошли в ткань современной китайской культуры, стали формой спокойного отдыха со своими друзьями, коллегами, со своей девушкой, парнем и, самое важное, они уже были восприняты китайцами именно такими.

Мы можем утверждать, что в сочетании с политической ориентацией китайского правительства на развитие китайской культуры существуют три важных принципа для сохранений китайской национальной культуры. Во-первых, сохранение и развитие лучших качеств китайской традиционной культуры, что является политикой китайского руководства. Во-вторых, следует не полностью отвергать западную культуру, а учиться лучшим качествам западной культуры. В-третьих, необходимо сформировать новую национальную культуру, которая соответствует государственным условиям Китая, соответствует требованию развития Китая, потребностям народа, требованиям науки и соответствует нынешней эпохе.

Хотя китайское правительство сыграло огромную положительную роль в сохранении и развитии китайской национальной культуры, однако в современном Китае сама проблема сохранения национальной культуры все еще существуют. Проблема, как она есть сейчас, складывается из двух частей. С одной стороны, нужно действительно сохранить национальную культуру, потому что она не только отражает интересы нации, но и позволяет внедрить определенную идеологию в народные массы. С другой стороны, в китайской традиционной культуре есть какие-то вещи, которые «тянут» культуру назад.

Индустриализация и экономический рост Китая, порожденные политикой реформ и открытости и связанные с культурной модернизацией городов, существенно опередили развитие культуры сельских районов. Тогда действительно нужно проводить модернизацию культуры, которая неизбежно связана с ее трансформацией. При этом трансформация современной китайской культуры охватывает два направления — это сохранение и модернизация китайской национальной культуры. На наш взгляд, есть два блока причин для существования этих проблем: внешние и внутренние.

Первый блок — это внешние причины. Китайский ученый Линь Хуэй утверждает, что сегодня самые серьезные последствия глобализации для культуры заключаются в том, что разнообразие культур постепенно ослабевает, культура разных регионов постепенно гомогенизируется, а традиционная культура в некоторых регионах постепенно маргинализируется [17]. Мы согласны с мнением Линь Хуэй в том, что глобализация оказала влияние на китайскую культуру. В настоящее время много элементов западной культуры вошли в ткань китайской культуры, влияя тем самым на китайскую культуру. Об этом красноречиво написали российские авторы О. А. Борисенко, Е. В. Соболева и Фен Лили: «В современном мире весь мир увлечен китайской едой, а китайцев привлекают чипсы, гамбургеры и кока-кола. Молодого человека в Китае можно вряд ли как-то отличить от западного — те же вытянутые джинсы, не заправленная футболка, цветные волосы, да и слушает он ту же музыку» [18].

Второй блок — внутренние причины, которые в основном проявляются в следующих аспектах: 1. Китайцы не придают большого значения традиционной культуре, особенно молодежь. 2. Отсутствие в программах обучения детей сведений о традиционной культуре. 3. Наличие культурных проблем в сельской местности и проблемы сельской детской культуры. 4. Несовершенство законов в сфере культуры. 5. Некоторые китайцы обладают низким моральным уровнем. 6. Местные органы власти обращают внимание только на экономическое развитие и забывают о развитии культуры.

Таким образом, можно констатировать следующее.

Проблема сохранения национальной культуры в современном Китае прошла в своем развитии три стадии (три этапа).

Первый этап — 1980-е гг., период после завершения культурной революции. Эта период восстановления китайской национальной культуры после культурной революции.

Второй этап — 1990-е гг. и до начала 2010-х гг. Политика реформ и открытости действительно является великой, она помогла Китаю восстановить промышленное производство и экономику и обеспечить быстрый промышленный и экономический рост. Но одновременно «разделила» Китай на город и деревню, особенно в области культуры. Активизация политического и экономического взаимодействия Китая и Запада привела к тому, что западная культура стала активно проникать в ткань китайской культуры.

Третий этап — с начала 2010-х гг. по настоящее время. Культура стала неотъемлемой составляющей действий китайского правительства (особенно это заметно в последнее десятилетие). Лучшие образцы традиционной культуры Китая являются важной частью китайской

национальной культуры. Эти лучшие образцы традиционной культуры были признаны китайским правительством и унаследованы китайским народом. В духовной сфере это, например, культура почитания (уважения) родителей и т.д.

Китайская национальная и / или традиционная культура должна выстоять в борьбе с вызовами глобализации. Однако при этом необходима модернизация китайской национальной культуры, чтобы освободиться от феодальных пережитков, которые еще сохранились у многих китайцев. И хотя китайское правительство, китайские ученые и китайский народ сохраняют и развивают национальную культуру, но все еще остаются проблемы в ее сохранении и развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. 康超光. 重视文化建设中的文化问题 // 中共成都市委党校学报. — 2011. № 6. 第 5–8 页. (Кан Чаогуан. Актуальность культурных проблем в культурном строительстве // Вестник городского комитета КПК города Чэнду. 2011. № 6. С. 5–8.)
2. Рябченко Н. П. XVIII съезд КПК о курсе дальнейшего развития Китая // Китай в процессе модернизации государства и общества (к итогам XVIII съезда КПК) (по материалам круглого стола) / Отдел изучения международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН. 2013. С. 3–7. (У карты Тихого океана: информационно-аналитический бюллетень; № 28 (226).)
3. 俄汉大辞典. 主编刘泽荣. 约 105000 词. 北京: 商务印书馆. 1997 年. 第 517 页. (Большой русско-китайский словарь. Редактор Лю Цзэжун. Около 105000 слов. Пекин: Коммерческое изд-во. 1997. 1384 с.)
4. Цзя Хуэйминь. Традиционная китайская культура в период реформ и открытости: 1980–2010 гг.: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Владивосток, 2017. 303 с.
5. 邓小平. 在中国共产党第十二次全国代表大会上的开幕词 [Электронный ресурс] // 人民网NEWS. — URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64565/65448/4429495.html> (дата обращения 01.05.2018). (Дэн Сяопин. Вступительное слово на XII съезде КПК. 02.09.1982 // Информационное агентство Жэнь Минь NEWS.)
6. 程承坪, 邱依婷. 改革开放以来中国经济持续高增长的理论与实践 // 中国软科学. 2018. № 2. 第 160–176 页. (Чэн Чэнпин, Цю Итин. Теория и практика устойчивого роста в экономике Китая после начала политики реформ и открытости // Наука китайской мягкой силы. 2018. № 2. С. 160–176.)
7. 王晓冬, 索志林. 城乡文化强弱差距与新农村建设 // 东北农业大学学报. 2007 年. 第 5 卷. 第 5 期. 第 23–26 页. (Ван Сяодун, Суо Чжилин. Разрыв между городской и сельской культурой и новым сельским национальным строительством // Вестник Северо-Восточного сельскохозяйственного университета. 2007. Вып. 5. № 5. С. 23–26.)
8. Верченко А. Л. О сохранении традиционных праздников в Китае в начале XXI века // Общество и государство в Китае. 2016. № 20–1. С. 484–492.
9. 胡锦涛. 在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告 [Электронный ресурс] // 人民网NEWS. — URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64093/67507/6429849.html> (дата обращения 30.04.2018). (Ху Цзиньтао. Доклад на XVII съезде КПК. 25.10.2007 // Информационное агентство Жэнь Минь NEWS.)
10. 栾英. 对十七大报告中关于弘扬中华文化问题的探析 // 科教文汇. 2008. № 18. 第 160–203 页. (Луань Ин. Анализ развития китайской культуры, сделанном в докладе на XVII съезде КПК // Наука, образование и культура. 2008. № 18. С. 160–203.)
11. «毛泽东选集» 第 2 卷. 北京: 人民出版社, 1991 年. 786 页. (Мао Цзэдун. Избранные труды. Т. 2. Пекин: Народное издательство, 1991. 786 с.)
12. 胡锦涛. 在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Электронный ресурс] // 新华网NEWS. — URL: http://www.xinhuanet.com/18cpcnc/2012-11/17/c_113711665_7.htm (дата обращения 30.03.2018). (Ху Цзиньтао. Доклад на XVIII съезде КПК. 17.11.2012 // Информационное агентство Синь Хуа NEWS.)
13. 李德顺, 孙伟平. 精华与糟粕: 传统不是 «烂苹果» — 浅议对待文化传统的态度 // 湖南科技大学学报. 2004 年. 第 7 卷. № 4. 第 57–60 页. (Ли Дэшун, Сан Вэйпин. Сущность и отбор: традиция — не «гнилое яблоко»: об отношении к культурным традициям // Вестник Хунаньского научно-технического университета. 2004. Вып. 7. № 4. С. 57–60.)
14. 习近平. 在第十二届全国人民代表大会第一次会议上的讲话 [Электронный ресурс] // 新华网NEWS. — URL: http://www.xinhuanet.com/2013lh/2013-03/17/c_115055434.htm (дата обращения 01.04.2018). (Си Цзиньпин. Выступление на первом заседании XII Всекитайского собрания народных представителей. 17.03.2013 // Информационное агентство Синь Хуа NEWS.)

15. 习近平. 在第十三届全国人民代表大会第一次会议上的讲话 [Электронный ресурс] // 人民 网NEWS.— URL: <http://jhsjk.people.cn/article/29879544> (дата обращения 01.04.2018). (Си Цзиньпин. Выступление на первом заседании XIII Всекитайского собрания народных представителей. 21.03.2018 // Информационное агентство Жэнь Минь NEWS.)
16. Халимова А. В., Абрамова Н. А. Современная китайская культура под влиянием модернизации // Россия и Китай. 2016. № 18. С. 143–148.
17. 林慧. 文化记忆的追寻与重建 — 中国传统节日保护对策研究 / 林慧. 北京: 中国人民大学出版社. 2017年. 176页.(Линь Хуэй. О необходимости восстановления культурной памяти — исследования политики сохранения традиционных китайских праздников. Пекин: Изд-во Китайского народного университета. 2017. 176 с.)
18. Борисенко О. А., Соболева Е. В., Фен Лили Влияние глобализационных процессов на современную культуру Китая [Электронный ресурс] // Научный электронный архив. — URL: <http://econf.rae.ru/article/6653> (дата обращения: 03.04.2018).

© Шан Бофэй (Shangbofei@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗАВИСИМЫХ РОДСТВЕННИКОВ НАРКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CODEPENDENT RELATIVES OF NARCOLOGICAL PATIENTS

T. Adamova

Summary. The article analyzes the specificity of the definition of «co-dependence» of relatives of narcological patients. An important place is given to clarify the features of the manifestation of the analyzed form of dependence, the causes and mechanisms of its formation. The stages of manifestation of co-dependence are studied.

Keywords: co-dependence, medicine, psychology, sociology, narcological patients.

Адамова Татьяна Васильевна,

Н.с., Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского; Национальный научный центр наркологии atv_56@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована специфика определения «созависимость» родственников наркологических больных. Важное место отводится выяснению особенностей проявления анализируемой формы зависимости, причинам и механизмам ее формирования. Изучены стадии проявления созависимости.

Ключевые слова: созависимость, медицина, психология, социология, наркологические больные.

Введение

Созависимость при наркомании — главная ловушка, которая подстерегает близких больного и лишает их воли к нормальному существованию. Отследить эту проблему самостоятельно трудно, поэтому лучше знать о ней заранее.

Созависимому нужно понять аксиому: наркомания полностью трансформирует личность, и ожидать от своего ребенка или супруга прежнего поведения не стоит — он становится блестящим манипулятором, и только. Доверие к наркоману губительно для всей семьи — рано или поздно зависимый начинает использовать всех, кому он дорог. Сам зависимый существует до тех пор, пока есть близкие, финансирующие его болезнь в прямом и переносном смысле [3,4].

Ниже приведен список наиболее распространенных признаков созависимости. Однако, каждая ситуация всегда уникальна и важно отметить, что такое поведение вовсе необязательно означает, что вы находитесь в созависимых отношениях. В процессе консультации можно легко отличить одно от другого.

1) Стремится брать на себя чужие проблемы.

Созависимый чувствует себя ответственным за поведение близкого человека, покрывая пьянство мужа перед начальством и объясняя очередной прогул плохим самочувствием или оформляя на себя кредит, чтобы погасить долги проигравшего сына, понимая, что в противном случае он эти деньги попросту украдет [14].

2) Переживает, что другой человек уйдет.

Созависимые постоянно испытывают сильный внутренний страх, что его бросят. Сказывается негативный детский опыт. Ради того, чтобы избежать этого, они готовы пойти на все, что, по их мнению, поможет сохранить отношения, даже если эти действия будут иметь обратный эффект.

3) Концентрирует своё внимание на чувствах близкого.

Отличительной чертой созависимости является алекситимия — это трудность в распознавании и выражении собственных эмоций и неумение отделять их от эмоций другого человека. Таким образом, эмоционально сливаясь с другим человеком, созависимый оказывается на своеобразных «американских горках», погружаясь в его жизнь и пытаясь эту жизнь контролировать.

4) Потребности другого ставит выше собственных.

Иногда, ставить на первое место другого человека — это просто означает проявление любви. Но в созависимых отношениях, человек будет придавать гораздо более важное значение благополучию другого, нежели своему собственному. Самооценка созависимого человека определяется его способностью обеспечивать благополучие другим. Если это не получается, то созависимый может впасть в настоящую и тяжёлую депрессию [13,18].

5) Пренебрегает личными принципами в интересах другого человека.

Созависимый человек будет оставаться очень преданным, даже если другой человек не заслуживает этого. В начале, они могут выдвигать довольно жёсткие требования, но в конечном итоге, всё равно пойдут на попятную, соглашаясь делать что угодно, лишь бы избежать гнева и отторжения другого человека. Например, они могут желать любви, заботы и внимания со стороны своего партнёра, но в итоге соглашаться просто на секс. В ущерб своим интересам, они будут делать то, что от них потребует партнёр [10, 14, 15].

б) Контролирует другого человека во всём.

Нет ничего предосудительного в желании убедиться, что с вашим близким всё хорошо. Однако при созависимости стремление контролировать становится гипертрофированным, превращаясь в навязчивое желание отслеживать малейшее перемещение партнёра, любое изменение ситуации, в которой он находится, превращаясь буквально в слежку и тотальный контроль, с требованием ежеминутного отчёта о происходящем. Созависимый человек может тратить буквально всё своё свободное время на выяснение того, где в данный момент находится их любимый человек, чем он занимается, какие у него дальнейшие планы на ближайшие пол часа [9].

7) Стремится постоянно руководить и советовать.

Созависимые стремятся сохранять у себя в доме и в семье максимальную стабильность во всём и любыми способами. С этой целью, они постоянно руководят своими близкими, вмешиваются в их дела, советуют им как нужно поступить в той или иной ситуации, и их совершенно не смущает тот факт, что никто не интересовался их мнением. Они думают, что они могут «перевоспитать и научить делать правильно», помочь другому человеку стать лучше.

8) Уклоняется от конфликтов.

Созависимый человек может действовать очень пассивно и всячески избегать открытого проявления чувств и эмоций со своей стороны, которые могли бы вызвать неудовольствие близкого человека. Они боятся спровоцировать раздражение другого человека, грубые слова, или открытую агрессию в свой адрес [9].

9) Причиняет себе ущерб.

Когда не возможно контролировать внешние события, созависимый человек переносит этот контроль вовнутрь, на самого себя. Например, исследования показывают корреляцию между созависимыми отношениями и возникновением расстройств пищевого поведения. Попытки контролировать своё тело могут принимать самую жёсткую форму [17].

Личностные особенности созависимых людей.

Для того, чтобы понять, есть ли у человека предрасположенность к развитию созависимости, можно взглянуть на приведённый ниже список характерных симптомов. Нам всем, в той или иной степени они присущи, и являются вариантом нормы, ведь мы все воспитывались приблизительно по одной педагогической схеме. Сложности начинаются только в том случае, когда несколько из них начинают доминировать в структуре личности [14].

Низкая самооценка, что выражается как неприятие себя, убеждённость в собственной ущербности и неполноценности, отсутствие самодостаточности, обеспокоенность чужим мнением и зависимость от него, когда самооценка человека и его психологическое состояние зависит от того, что о нём говорят посторонние люди [5].

Перфекционизм

Стремление угождать всем, быть для всех хорошим, даже в ущерб себе.

Слабые личные границы: отсутствие дистанции, обособленности с другими людьми, неумение сохранять личное пространство и нежелание признавать право на личную жизнь за партнёром, неспособность сказать «нет» или остановить чужое агрессивное поведение.

Реактивность

Дисфункциональность межличностных коммуникаций: существенные трудности в адекватном и понятном выражении собственных мыслей и чувств, использование в речи большого количества нецензурных выражений, непонимание собственных желаний и потребностей и как следствие неспособность их внятно сформулировать.

Эмоциональная и психологическая зависимость от людей: боязнь одиночества, страх остаться без отношений. Чувствуя себя в ловушке токсичных отношений, тем не менее, желание их сохранить любой ценой, даже в ущерб себе и собственным интересам, не смотря на проявление в свой адрес полного пренебрежения или открытой агрессии, только бы не оказаться в одиночестве. Склонность во всём полагаться на чужое мнение, неспособность принимать самостоятельные решения и делегирование этого права подчас совершенно посторонним людям, лишь бы избежать ответственности [3,4].

Проблемы с интимностью. Избегание психологической близости, потеря себя, стремление контролировать или манипулировать другими людьми в собственных интересах. Постоянное ощущение токсичности существующих отношений, их обременительность.

Неприятие действительности. Отрицание наличия созависимости, при чём, чаще всего попросту в силу неосознания её наличия, когда человек испытывает сильное психологическое напряжение и эмоциональный дискомфорт, но не знает, что нужно сделать, чтобы изменить ситуацию. Отрицание мучительной реальности в отношениях, не смотря на её полную очевидность. Отрицание собственных чувств, отказ от личных потребностей.

Ревность: всегда, ко всем и по любому поводу.

Контроль. Желание «следить за собой», контролировать свои собственные чувства, а также контролировать всех близких и не очень людей, пытаться управлять ими, говорить, что им следует делать, а что не следует.

Навязчивость.

Аддикция: часто наличие химической либо поведенческой зависимости.

Постоянное переживание неприятных и болезненных эмоций: стыд, тревога, страх, чувство вины, ощущение безнадежности, отчаяние, депрессия. При чём, это общий и стабильно-негативный эмоциональный фон. Эти чувства всё время преследуют и морально угнетают человека. Иногда даже бывает очень сложно идентифицировать конкретный источник их возникновения (но он обязательно есть), и человеку кажется, будто в его жизни существует только чёрная полоса, которая никак не закончится.

Причины возникновения зависимостей

Зачастую авторы выделяют три группы причин возникновения аддиктивного поведения [6]:

Социальные причины формирования зависимостей

Эта теория имеет в своей основе утверждение, что аддикции формируются из-за негармоничных отношений в социуме.

Психологические причины формирования зависимостей

Сторонники этой гипотезы делают акцент на своеобразных (характерологических) особенностях личности как причине возникновения аддиктивного поведения [2,4].

Единственное не вызывающее сомнения утверждение состоит в том, что всякое, имеющее признаки аддикции поведение имеет внутреннее происхождение, а не внешнее. Человек становится зависимым не из-за давления или принуждения, а в силу готовности подчиняться, чтобы им руководили и вели по жизни. Естественно, что внешние факторы имеют немаловажное значение при возникно-

вании аддиктивного поведения, но они скорее выступают «почвой», а не «зёрнами» для возникновения зависимости.

Признаки созависимости родственников наркомана

Если наркоман зависит от наркотиков, то его близкие зависят от больного. Созависимость с наркоманом может принимать различные формы:

- ◆ уверенность в том, что родной человек может исправиться, нужно только немного терпения;
- ◆ жалость к наркоману, которая выражается в избегании болезненной темы, сокрытии ее от окружающих;
- ◆ позиция «пусть лучше употребляет дома, чем непонятно где»;
- ◆ неспособность выдержать абстинентный синдром наркозависимого, или сопротивляться игре на чувствах — и, как следствие, выдача денег на новую дозу;
- ◆ желание контролировать происходящее, сохранять видимость полноценной семьи;
- ◆ попытка понять больного, обвинение себя за просчеты в воспитании, бесконечное чувство стыда и безысходности.

Физически болезнь выражается в частых головных болях, депрессии, отсутствии аппетита, проблемах с сердцем и других последствиях постоянного стресса.

Ум больного быстро изощряется — вся его изобретательность устремляется к единственной цели, получению эйфории. Поэтому нужно помнить: если наркоман просит денег, он просит их на покупку психоактивных веществ. Он может убеждать близких в том, что этот раз точно последний — и ярчайшим признаком отклонения у близких становится желание поверить в правдивость его заверений, самообман и вера в то, что больной способен отвечать за свои слова [4].

Этапы развития созависимости при наркомании

Этап № 1 — роль спасителя. Первые симптомы созависимости — попытка не просто помочь наркоману, но и войти в его положение. Меняется отношение к происходящему: появляется отрицание проблемы, созависимый родственник верит, что близкий человек делает все для того, чтобы самостоятельно справиться с пагубной привычкой. Мать или жена отдают последние деньги, уверяя себя в том, что это происходит в последний раз. Они ощущают повышенную ответственность за проблемы в семье, проявляют чрезмерную терпимость к неподобающему поведению наркозависимого родственника [6,7,8].

Этап № 2 — роль преследователя. Осознав, что все попытки спасти близкого человека не привели к успеху, что

проблема с каждым днем только усугубляется, созависимый переходит к решительным мерам. Признак перехода в эту фазу — желание контролировать каждый шаг наркомана: чтение переписки в телефоне и интернете, попытки изолировать его от пагубной среды, скандалы с друзьями. Предпринимаются попытки отправить больного в наркологическую клинику на кодирование или детоксикацию. При этом наркозависимый продолжает манипулировать родными людьми, и со временем проблема перетекает в третью, заключительную стадию.

Этап № 3 — роль жертвы. Переход в эту фазу означает, что родственники проиграли борьбу, и наркоман это осознает. Он начинает давить на совесть близких людей, умело возвращает в них глубокое чувство вины. Постепенно созависимый начинает и сам верить в то, что именно он является источником проблемы — недодал любви, обделил вниманием, не заметил вовремя беды. В результате стремительно падает самооценка, любые здравые аргументы игнорируются, характерно подавленное настроение. Человек превращается в жертву, чем на полную катушку пользуется наркоман: давит на жалость к себе, демонстрирует угрозы покончить с жизнью [9].

В результате страдают все — и сам созависимый, и люди, которые вынуждены находиться рядом. Выход один — осознать, что подобное состояние является патологическим, и обратиться за помощью к специалистам.

Цель исследования

Изучить особенности межличностных взаимоотношений в семьях, где имелся один член семьи с наркотической зависимостью.

Материал и методы исследования

Исследование проводилось на базе наркологической клиники. Выборку исследования составили две группы испытуемых:

- ◆ основная группа — 36 семей, в которых один из членов семьи имел наркологическую зависимость. Средний возраст 40 ± 3 года;
- ◆ группа сравнения — 36 семей, не имеющих родственников с наркотической зависимостью. Средний возраст 41 ± 3 года.

Для диагностики использовались следующие группы психологических методов:

1. Шкала созависимости Дж. Фишера (J. Fischer) — адаптация В.Д. Москаленко.
2. Опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI)

3. Торонтская алекситимическая шкала (TAS-26) (G.J. Taylor) — адаптирована в институте им. В.М. Бехтерева.

4. Методика диагностики межличностных отношений (Т. Лири) — для определения профиля типа межличностных отношений по 4 основным шкалам:

- ◆ агрессивность,
- ◆ подчинение,
- ◆ доминирование,
- ◆ дружелюбие
- ◆ и 4 дополнительным шкалам:
- ◆ эгоистичность,
- ◆ подозрительность,
- ◆ альтруистичность,
- ◆ зависимость.

5. Методика СОС — Семейно-обусловленное состояние (Э.Г. Эйдемиллер, М.В. Юстицкис) — для выявления психотравмирующих состояний лиц, проживающих в одной семье и выяснения трех состояний:

- ◆ общей семейной неудовлетворенности,
- ◆ нервно-психического напряжения,
- ◆ семейной тревожности.

6. Проективная методика масок — для выявления особенностей ролевого поведения и жизненной позиции в межличностных взаимоотношениях в семьях.

Для обработки результатов использован статистический пакет SPSS11.5 для Windows (компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках).

Результаты и обсуждение

Средний возраст анкетируемых, имеющих «выраженную созависимость» 45,8 лет; средний возраст имеющих «опасную созависимость» — 48,1 лет.

В результате анкетирования установлено: у 20 чел (55,6%) — диагностирована выраженная созависимость (средние значения составили — 49,9 баллов); у 16 чел. (44,4%) — очень высокая степень созависимости (опасная созависимость, средние значения при анкетировании составили — 71,7 баллов).

Алекситимия созависимых выявлена у 13 чел. (36,1%); отсутствие алекситимии («неалекситимический» тип личности) у 7 чел. (19,4%); и высокая вероятность развития алекситимии (принадлежность к группе риска) — 16 чел. (44,5%).

Для сравнения: в контрольной группе (13 чел., средний возраст — 47,3 лет), в нуклеарных семьях, в которых нет

зависимых, по результатам анкетирования созависимость не выявлена, средние значения составили 32 балла, что является нормой.

«Неалекситимический» тип личности в контрольной группе у 12 чел; и высокая вероятность развития алекситимии (принадлежность к группе риска) — у 1 чел.

Показатели по методу Т. Лири демонстрируют значимое различие (с учетом t-критерия Стьюдента) между типами доминирующих межличностных взаимоотношений в семьях основной группы по шкалам доминирования, эгоизма, дружелюбия, альтруизма: $t = -1,3; -2,3; -1,4; -2,5$ соответственно ($p < 0,05$). Корреляционный анализ выявил достоверную взаимосвязь ($p < 0,05$) показателей эгоистичного и альтруистичного типов. У мужчин преобладает доминирующий тип (17 б.), характеризующийся доминантностью желаний, неспособностью принимать советы, требованием уважения к себе и эгоистичная (19 б.) ориентация на себя, нарциссизм. Умеренно выражены агрессивность (12 б.), характеризующаяся требовательностью, раздражительностью, склонностью во всем обвинять окружающих, зависимость (13 б.) — конформность, беспомощность, дружелюбие (15 б.) — ориентация на референтный социум. У женщин преобладают дружелюбие (22 б.) — ориентированность на принятие социального одобрения, желание «быть хорошей», склонность к сотрудничеству, альтруистичность (24 б.) — гиперответственность, принесение в жертву своих интересов, навязчивость в своей помощи, принятие ответственности за других, сострадание, отзывчивость, забота. Умеренно выражена агрессивность (11 б.), (чаще аутоагрессия). В группе сравнения статистический анализ не выявил достоверных различий между показателями типов межличностных взаимоотношений в семьях в подгруппах обоих супругов.

В группе сравнения не отмечалось поляризации доминирующих типов отношения к окружающим при сравнении таковых у мужчин и женщин ($p > 0,05$). Большинство и тех и других демонстрируют дружелюбное отношение, уверены в себе и энергичны. В группе сравнения больше мужчин с повышенной ответственностью. Поскольку основным отличительным критерием зависимого поведения является наличие в семье наркозависимого, то выявленные различия в межличностных взаимоотношениях в семьях основной группы и группы сравнения обусловлены именно этим фактором, т.е. имеется достоверная взаимосвязь ($p < 0,05$) зависимого поведения и формирования созависимых отношений в семье.

По опроснику СОС у 73,3% женщин констатируются:

- ◆ общая семейная неудовлетворенность,
- ◆ нервно-психическое напряжение,
- ◆ семейная тревожность.

У лиц с наркотической зависимостью показатели не достигают необходимой величины для констатации этих состояний. Корреляционный анализ показал умеренную взаимосвязь следующих показателей:

- ◆ общая семейная неудовлетворенность/семейная тревожность — $r = 0,68, p < 0,05$;
- ◆ семейная тревожность/нервно-психическое напряжение — $r = 0,67, p < 0,05$;
- ◆ общая семейная неудовлетворенность/нервно-психическое напряжение — $r = 0,064, p < 0,05$.

Это свидетельствует об изменениях эмоциональной сферы у женщин наркозависимых. В группе сравнения у женщин и мужчин показатели в пределах нормальных величин.

По проективной методике масок ролевое поведение и ролевой статус в семьях основной группы выявлено «подчинение» у 70% женщин и 23,4% мужчин, а «доминирование» — у 76,6% мужчин и у 30% женщин. Различия между преобладанием доминантного ролевого статуса мужа и подчиняемого жены достоверны ($t = -2,3; p < 0,05$). В группе сравнения примерно равное число респондентов с доминированием (36,7% женщин и 43,7% мужчин) и подчинением (63,3% женщин и 67,3% мужчин), ролевой статус без достоверных различий. Полученные данные указывают на то, что 70% женщин аддиктов занимают подчиненную, зависимую позицию. Аддикты доминируют в 77% случаев. Их интересы становятся приоритетными, а они сами становятся генераторами эмоций.

Выводы

Таким образом, в результате исследования выявлены признаки подчиняемого ролевого статуса у женщин наркозависимых, у мужчин преобладание эгоистичного и доминирующего типа отношения к окружающим и доминирующего ролевого статуса. Это указывает на наличие в семье созависимого поведения, создающего почву для формирования и прогрессирования зависимого поведения, а также предрасположенность к аддиктивному поведению. Созависимое и аддиктивное поведение являются симптомами дисфункции семьи и межличностных взаимоотношений в семьях, следовательно, при выборе лечебных мероприятий необходимо уделять внимание не только аддиктам, но также их супругам, поведение которых может приводить к рецидивам.

Побег из ловушки зависимости возможен только при условии осознанного выбора больного. Когда вместо него начинает думать или решать проблемы созависимый, то он делает этим самым медвежью услугу, способствуя окончательной потере зависимым человеком собственной воли.

Если больной всё же «созревает» лечиться, то в этом процессе он как личность претерпевает некоторые изменения, возвращаясь домой после курса терапии несколько иным человеком. Созависимый, как правило, не перестраивается, считая себя нормальным и здоровым; он ведёт себя так, как и до лечения. Конфликтность, категоричность и отрицательный эмоциональный фон тут же вызывают у больного ощущение, будто ничего не изменилось. Наступает срыв, причём очень часто «в пику» созависимому человеку.

При лечении зависимости конкретного человека всегда надо анализировать поведение его близких родственников на предмет созависимости. В случае если подобный факт есть — надо принимать меры по коррекции данного болезненного состояния.

Созависимому не нужно стыдиться или пребывать в плену заблуждений о собственной «нормальности». Он нуждается в лечении и реабилитации наравне с зависимым, так как им обоим надо выйти из порочного круга патологических отношений, выстраивая взамен спокойные и нормальные. Так готовится атмосфера для успешного начала новой жизни в семье после лечения зависимости.

Объём лечения созависимого диктуется уровнем существующих проблем. Чаще всего достаточно психотерапии, однако порой необходимо медикаментозное лечение в виде седативных средств или антидепрессантов. Объём необходимой помощи определяет врач.

Сложно даже допустить дикую мысль, что к близкому человеку придется относиться с недоверием, ни в чем не уступать ему и намеренно вводить в кризисные ситуации. Но именно с этого начинается борьба с созависимостью и наркоманией.

Необходимо усвоить, что наркомания и созависимость — ведут к социальной деградации. Люди отказывают себе в жизненных удовольствиях, испытывают чувство вины, сужают круг общения, чтобы скрыть горе и позор. А вот сам больной теряет всякую возможность выжить без эмоционального и финансового спонсирования. Поэтому лишить его «кормежки» — естественный долг ближайшего окружения.

Помимо сознательного отказа от вытеснения проблемы, стоит воспользоваться психокоррекционными программами по преодолению созависимости [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамова Т.В. и др. Созависимость и мотивация на ее коррекцию у родственников наркологических больных [Электронный ресурс]// Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы», 23–26 сентября 2015 года, г. Казань / тезисы / под общей редакцией Н.Г. Незнанова. — СПб.: Альфа Астра, 2015, с. 268
2. Артемцева Н. Г. Феномен созависимости: психологический аспект. — М.: РИО МГУДТ, 2012. — 222 с.
3. Зайцев С. Н. Созависимость — умение любить: Пособие для родных и близких наркомана, алкоголика. — Н. Новгород, 2004. — 90 с.
4. Морозов В.Н., Хадарцев А. А. К современной трактовке механизмов стресса // Вестник новых медицинских технологий. — 2010. — № 1. С. 15–17.
5. Мосеевская А. Созависимость. Любовь со знаком «минус». URL: <http://ank-ugra.ru/consultations/recommendations/1724>
6. Москаленко В. «Созависимость: характеристики и практика преодоления». URL: <http://aacaravan.narod.ru/sozavim.html#18>
7. Москаленко В. Д. Семейная болезнь — созависимость. URL: <http://adic.org.ua/>
8. Проценко Е. Н. Созависимость как психологическая категория. URL: <http://liferoute.ru/main/15sozavisimost-kak-psixologicheskaya-kategoriya.html>
9. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости / Перевод с английского А. Г. Чеславской. — М.: Класс, 2002. — 224 с.
10. Хадарцев А.А., Морозов В. Н., Карасева Ю. В., Хадарцева К. А., Фудин Н. А. Патопсихология стресса, как баланс стрессогенных и антистрессовых механизмов // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. 2012. № 7. С. 16–21.
11. Хадарцев А.А., Морозов В. Н., Хрупачев А. Г., Карасева Ю. В., Морозова В. И. Депрессия антистрессовых механизмов как основа развития патологического процесса // Фундаментальные исследования. — 2012. — № 4 (часть 2). С. 371–375.
12. Чернобровкина Т. В. Созависимость — реактивное состояние или заболевание? Краткий анализ современных воззрений на феномен созависимости URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/827>
13. Шорохова О. А. Жизненные ловушки зависимости и созависимости. — СПб.: Речь, 2012. — С. 6–16.
13. Hughes-Hammer C; Martsof DS; Zeller RA. Depression and codependency in women. Archives of Psychiatric Nursing 12(6): 326–334, 1998
14. Johnson, R. Skip (13 July 2014). «Codependency and Codependent Relationships». BPDFamily.com URL: <https://bpdfamily.com/content/codependency-codependent-relationships>
15. Lancer, Darlene Conquering Shame and Codependency: 8 Steps to Freeing the True You. Minnesota: Hazelden. pp. 63–65, 2014
16. Lancer, Darlene Codependency for Dummies (1st ed.). New Jersey: John Wiley & Sons, Inc. p. 30, 2012
17. Meyer DF. Codependency as a mediator between stressful events and eating disorders. Journal of Clinical Psychology 53(2): 1107–1116, 1997
18. Stanley S. Co-dependency: Personality correlates in spouses of alcoholics. Indian Journal of Social Work 65(2): 213–226, 2004

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ВЫБОРА СТРАТЕГИИ ЖИЗНИ

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF INVESTIGATION OF PERSONAL DETERMINANTS OF SELECTION OF LIFE STRATEGY

A. Nikitina

Summary. The article presents an analysis of the personal determinants of the life strategy. The urgency of research of life strategies of its types is substantiated on the basis of personal characteristics of a person. Personality characteristics that underlie the typology of life strategies in domestic and foreign studies are analyzed. A number of methodological problems associated with researching life strategies as a whole are singled out: defining the structure and structural components of the life strategy, identifying the types of life strategies, the features of the age dynamics of life strategies, and determining life strategies. The article substantiates the methodological difficulties of researching personal determinants of life strategies. The methodical apparatus used in various modern studies of the life strategy is analyzed. Presented his view on the personal determinants of life strategy and research methodology.

Keywords: personal determinants, life strategy, methodical apparatus, methods and tools for studying life strategies.

Никитина Альбина Николаевна,

Аспирант, Новосибирский государственный
технический университет
albina_nikitina_637@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ личностных детерминант жизненной стратегии. Обосновывается актуальность исследования стратегий жизни ее типов на основе личностных характеристик человека. Проанализированы личностные характеристики, которые лежат в основе выделения типологии жизненных стратегий в отечественных и зарубежных исследованиях. Выделены ряд методологических проблем, связанных с исследованиями стратеги жизни в целом: определение структуры и структурных компонентов жизненной стратегии, выделение видов жизненных стратегий, особенности возрастной динамики жизненных стратегий, детерминация жизненной стратегии. В статье обосновывается методические трудности исследования личностных детерминант жизненных стратегий. Анализируется методический аппарат, используемый в различных современных исследованиях жизненной стратеги. Представлен свой взгляд на личностные детерминанты жизненной стратегии и методики исследования.

Ключевые слова: личностные детерминанты, жизненная стратегия, методический аппарат, методики и инструментарий исследования жизненных стратегий.

Исследование феномена «стратегия жизни» становится наиболее актуальной в эпоху глобальных перемен: когда меняется взгляд на цели и жизненные задачи человека, происходит переосмысление ценностных ориентаций предыдущих поколений, выработка смысловой основы жизни. В настоящее время, как ни в какое другое, человек задается вопросами личных целей, их соотношения с требованиями общества. Эпоха социальных перемен сопровождается увеличением вариативности понимания отдельным человеком требований общества, то, насколько они подходят для конкретной личности. Все это порождает актуальность проблемы поиска собственной жизненной стратегии, поскольку она непосредственно связана с понятием жизненного пути личности. Жизненный путь человека, с одной стороны, характеризуется типичностью: все люди проходят определенные этапы собственной жизни, встречаясь с типичными проблемами и жизненными задачами. А другой стороны, жизненный путь человека характеризуется индивидуализированностью, которая проявляется в способах решения типичных жизненных задач и в этом случае, можно говорить о жизненной стратегии человека. Как человек будет решать вопросы,

связанные с самореализацией, саморазвитием, поиском личного смысла жизни определяется жизненной стратегией. Важным свойством личности является её способность быть субъектом собственного жизненного пути. Высшим же уровнем и оптимальным качеством субъекта жизни является способность личности регулировать, организовывать свой жизненный путь как целое, подчиненное её целям, ценностям. Все люди отличаются друг от друга по степени развитости у каждого из них свойства субъекта жизнедеятельности. Поэтому в реальности они различаются между собой степенью влияния на ход собственной жизни, овладения многочисленными жизненными ситуациями, зависимостью от внешних обстоятельств, жизненной удовлетворенностью. Изучение различного характера способности к организации жизни людей позволит выделить определенные типы людей с точки зрения способа построения жизненной стратегии.

Анализ отечественных и зарубежных исследований феномена стратегии жизни показывает, что, с одной стороны существуют многочисленные работы по данной тематике. С другой стороны, можно говорить

Таблица 1. Типология стратегий жизни и личностные качества, необходимые для осуществления определенной жизненной стратегии

№ п /п	Автор	Виды жизненных стратегий	Личностные качества
1.	К. А. Абульханова-Славская	- опережающая стратегия; стратегия запаздывания. активная жизненная стратегия; пассивная жизненная стратегия.	отношение к временной перспективе; 2.особенности ценностных ориентаций; 3.уровень творческой активности; 4.уровень самоактуализации (самореализации); 5. направленность личности; 6.ответственность;
2.	В.И. Ковалев	1) стихийно-обыденный тип; 2) функционально-действенный тип; 3) созерцательный тип; 4) созидательно-преобразующий тип;	1.активность (творческая активность); ответственность
3.	Е.П.Варламов, С.Ю. Степанов	1) пассивная типичность; 2) активная типичность; 3) пассивная индивидуальность.	1.творческая активность; 2.креативность, оригинальность решения жизненных задач; 3.ценностные ориентации.
4.	А. Е. Созонтов; О. С. Васильева, Е. А. Демченко	1) тип «иметь»; 2) тип «не иметь и не быть». 3) тип «быть». 4) тип «иметь, чтобы быть».	1.наличие бытийных ценностей и потребностей; 2.уровень ответственности, 4.степень осмысленности жизни
5.	T. Kasseri R. M. Ryan	1) внутренние стремления, основанные на ценностях личностного роста, здоровья, любви, привязанности, служения обществу; 2) внешние стремления, основанные на материальных ценностях, ценностях социального признания, физической привлекательности, их оценка зависит от других людей.	1.смысложизненные ориентации, направленные на личностный рост, здоровье, любовь, привязанность, 2. служение обществу
6.	E.L. Deci	1) автономная ориентация; 2) подконтрольная ориентация; 3) безличная ориентация.	Смысложизненные ориентации на автономность

о ряде проблем, связанных с исследованием данного психологического феномена. Среди наиболее важных вопросов изучения стратегии жизни, требующих разрешения, можно выделить следующие: а) проблема структуры стратегии жизни, выделения ее компонентов- основных и второстепенных, б) выделение типологии жизненных стратегий, которая имела бы универсальный характер, в) возрастная динамика жизненных стратегий и особенности ее развития на каждом этапе онтогенеза, г) обусловленность формирования стратегий жизни устойчивыми личностными характеристиками. При этом, следует отметить, что вопросы типологии жизненных стратегий и ее детерминированность индивидуально-личностными характеристиками связаны между собой, поскольку имеющиеся исследования выделяют типы жизненных стратегий в зависимости от выраженности определенных личностных характеристик.

Важность индивидуально- личностных характеристик в формировании стратегий жизни подчеркивается

рядом исследователей: Л.С. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев [8]. По их мнению, взаимосвязь между жизненными стратегиями является взаимообусловленной, поскольку человек в ходе прохождения своего жизненного пути осуществляет выборы, которые в результате способствуют формированию высших личностных новообразований, при этом выборы обуславливаются личностными особенностями человека. Все внешние факторы, оказывают влияние на жизнь человека только опосредованно, преломляясь через его индивидуально-личностные особенности [8]. Именно данный постулат является центральным для исследования мотивационных и личностных предпосылок выбора стратегий жизни, поскольку находясь в социальной среде, человек испытывает влияние множества средовых факторов, но, несмотря на это, реальный выбор будет осуществляться исходя из личностной направленности, способностей, индивидуально-типологических особенностей и т.д. В ходе своего развития в процессе прохождения и построения своего жизненного пути человек обретает сознание, активность, зрелость личности, которые являясь высшими

личностными образованиями, формируемыми человеком на протяжении своего жизненного пути, одновременно организуют, регулируют и обеспечивают целостность жизненного пути человека как субъекта деятельности.

Схожие взгляды можно выделить в исследованиях К. А. Альбухановой-Славской, которая считала, что стратегии жизни непосредственно связаны с ценностями и индивидуальными особенностями человека, так как именно они влияют на способность организовывать жизненные условия [1].

Современные исследования типологии жизненных стратегий акцентируют внимание на особенностях ценностной сферы и ведущих ценностях человека (А. Е. Созонтов [9], О. С. Васильев, Е. А. Демченко [5]), на особенностях мотивационной сферы, где важным является преобладание потребности в самоактуализации, познавательный интерес (А. Е. Созонтов [9], О. С. Васильева, Е. А. Демченко [5], Т. Kasser, R. M. Ryan, E. L. Deci [10, 11, 12]); восприятию временной перспективы (А. М. Белугина [30]), на таких личностных особенностях как ответственность (О. С. Васильев, Е. А. Демченко [5], В. И. Ковалев [7]), творческая активность (Е. П. Варламов, С. Ю. Степанов [4], В. И. Ковалев [7]), способность личности контролировать свою жизнь и наличие собственного смысла жизни (С. Мадди, К. А. Абульханова-Славская [1], О. С. Васильева, Е. А. Демченко [5]) и т.д.

Таким образом, можно говорить, что взаимосвязь между личностными особенностями и стратегией жизни подчеркивается во многих исследованиях. В таблице 1 приведены типологии стратегий жизни, построенные на основе личностных качеств характеристик различных авторов.

Именно подход к исследованию типологии жизненных стратегий в их взаимосвязи с личностными особенностями особенно остро ставит вопрос о методах ее исследования, поскольку, во-первых, исследования типов жизненной стратегии проводится опосредованно- через уровень выраженности и сочетание определенных личностных характеристик. Во-вторых, индивидуально-личностные характеристики, которые определяются как значимые в контексте жизненных стратегий, выделяются авторами теоретически в зависимости от выбранной им концепции личности, что и определяет большое количество типологий жизненных стратегий, их разрозненность. Кроме того, проблема методологии исследования стратегии жизни актуализируется в связи с отсутствием единого подхода к типологии жизненной стратегии и как следствие- отсутствие единой валидной и надежной методики исследования типов и видов жизненной стратегии.

Таким образом, важной задачей, стоящей перед исследователем, является выбор конкретных методик для анализа типологии жизненных стратегий и их обоснование.

Для начала проанализируем методический инструментарий, используемый в современных работах отечественных исследователей. Так в работе А. А. Белецкой (2012) [2] были использованы следующие методики: общие жизненные цели, личная ответственность в выборе и принятии решений изучался при помощи теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, система ценностей как ориентир жизнедеятельности исследовалась при помощи методик изучения ценностных ориентаций Д. А. Леонтьева; для анализа особенностей направленности человека использовался семантический дифференциал «Образ жизни» (Серкин В. П.), исследование когнитивного реагирования в ситуациях успеха или неуспеха проводилось при помощи методики изучения стиля объяснения успехов и неудач для подростков (Стоун-П) (Гордеева Т. О., Осин Е. Н., Шевяхова В. Ю.; личностные особенности изучались при помощи методики ИТО (Собчик Л. Н).

В исследованиях Варламова Е. П., Степанова С. Ю. использовалась методика «Жизненный путь», которая обрабатывалась по следующим критериям: 1) неповторимость событий жизни, 2) экстраординарность жизненных событий, 3) уровень творческой активности, т.е. преобразующая инициатива, реализуемая человеком в этих событиях. Все критерии оценивались самими испытуемыми при помощи самооценочных шкал на основе шкалы Дембо-Рубинштейна [4].

В качестве методического инструментария в исследовании О. С. Васильевой и Е. А. Демченко (2002) использовались такие методики, как тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, тест «Уровень субъективного контроля» (УСК), методика исследования ценностных ориентаций Рокича (ЦО), авторская анкета о представлениях жизненных стратегий. Обоснование для выбора именно этих методик является их валидность, надежность, научная обоснованность, а так же позволяют исследовать цели, ценности и смысл жизни человека, что является основной стратегии жизни, по мнению исследователей [5].

В работе О. А. Ворониной (2008) ядром жизненных стратегий являются ценностные ориентации, соответственно, для изучения особенностей жизненных стратегий студентов автором были использованы следующие методики: методика диагностики индивидуальных ценностей Ш. Шварца в адаптации О. А. Тихомандрицкой, Е. М. Дубовской; методика исследования жизненных стратегий личности М. О. Мдивани, П. Б. Кодесс; «СЖО»

Рис. 1

(Д. А. Леонтьев); рисуночная методика И. Л. Соломина «Жизненный путь»; опросник УСК (уровень субъективного контроля) Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда [6].

В исследовании А. Е. Созонтова (2003), при выделении типов жизненных стратегий использовались методика ценностей Ш. Шварца и модифицированная методика «Жизненные ситуации» (Т. В. Корнилова) [9].

Таким образом, анализируя исследования личностных детерминант жизненной стратегии, можно говорить о том, что жизненная стратегия представляет собой сплав социальных запросов и индивидуального своеобразия личности.

Выборы жизненной стратегии будут детерминированы личностными особенностями человека. Основываясь на анализе понятия «жизненной стратегии» как интегрального целостного динамического образования личности, затрагивающего мотивационно-потребностную, ценностно-смысловую, деятельностно-волевую и когнитивную сферу человека, можно выделить предполагаемые личностные детерминанты стратегии жизни (рис 1).

Составляющие мотивационной сферы определяют направленность в выборе стратегии жизни, система ценностных ориентаций задает цель выбора, для осуществления выбора требуется волевой самоконтроль и само-

детерминации в виде свободы выбора, рефлексия локус контроля как мыслительные способности позволяют контролировать выборы, корректировать, соотносить полученные результаты с планируемыми

Анализ используемых в различных исследованиях методического инструментария позволил выделить следующие необходимые для организации исследования методики:

- ◆ методика диагностики уровня субъективного контроля (Дж. Роттера) (диагностика показателей когнитивной сферы);

- методика «СМОАЛ» (А. В. Лазкин) (диагностика показателей мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сферы);

- ◆ тест «Мотивация к успеху и избегание неудач» (МУН), (А. А. Реан) (исследование показателей мотивационно-потребностной сферы);
- ◆ методика «Цель- средство- результат» (А. А. Карманов) (показатели деятельностно-волевой и когнитивной сферы);
- ◆ тест жизнестойкости (С. Мадди) (показатели деятельностно-волевой сферы);
- ◆ методика «Жизненный путь» (позволяет диагностировать показатели всех сфер, является интегральным инструментом позволяющим выделить особенности временной перспективы, отношения к ней).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. Белецкая А. А. Жизненная стратегия личности как регулятор поведения человека в социальной среде // Вестник КПКУ. — 2010. — Том 10. — № 11. — С. 5–9.
3. Белугина М. А. Жизненные стратегии у современных студентов: опыт психологического исследования // Психология в вузе. — 2008. — № 6. — С. 93–103.
4. Варламова Е. П., Степанов С. Ю. Психология творческой уникальности человека: Рефлексивно-гуманистический подход. — М.: Институт психологии РАН, 1998. — 203 с.
5. Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. — 2002. — № 4. — С. 74–82.
6. Воронина О. А. Жизненные стратеги как фактор отношения студентов к учебной деятельности: автореф. дис.канд. психол. наук. — Курск. 2008. — 22 с.
7. Ковалев, В. И. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. — М.: Наука, 1995. — С. 179–184.
8. Рубинштейн Л. С. Бытие и сознание. — М.: Академия наук, 1957. — 328 с.
9. Созонтов А. Е. Основные жизненные стратегии российских студентов // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. — 2003. — № 3. — С. 15–23.
10. Royce J., Powell A. Theory of Personality and Individual Differences: Factors, Systems and Process. — NJ: Prentice Hall, 1983. — 237 p.
11. Ryan R. M., Deci E. L. On assimilating identities to the self: A self-determination theory perspective on internalization and integrity within cultures // M.R. Leary & J.P. Tangney (Eds.) Handbook of self and identity. — New York: Guilford Press, 2003. Режим доступа: URL: http://www.psych.rochester.edu/SDT/publications_search.php?action=domain_search&did=1. (дата обращения 12.09.2017).
12. Ryan R. M., Sheldon K. M., Kasser T., Deci E. L. All goals are not created equal: An organismic perspective on the nature of goals and their regulation // P.M. Gollwitzer & J.A. Bargh (Eds.), The psychology of action: Linking cognition and motivation to behavior. — New York: Guilford Press, 1996. — P. 7–26.

© Никитина Альбина Николаевна (albina_nikitina_637@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский государственный технический университет

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ГИГИЕНИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ НАСЕЛЕНИЯ

THE PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF DEMAND OF ADDITIONAL ACTIONS FOR HYGIENIC EDUCATION OF A POPULATION

**N. Razhina
V. Storozhenko
V. Turmij**

Development of the preventive direction becomes again relevant after the undertaken reforms in health care and is legislatively enshrined in the development strategy for 2018–2020.

Purpose: to investigate demand of additional actions for hygienic education at the population has been defined for search of qualitative and at the same time economic preventive actions.

Tasks: to study opinions of doctors and patients about efficiency of the realized hygienic education, to define the main sources of preventive information and also to establish the reasons of demand of additional actions in this direction at the population.

Materials and methods: 537 respondents are more senior than 20 years which don't have medical education, and 134 practicing doctors of different specialties BUZOO of Omsk participated in oral and written poll.

Conclusions: 1) doctors (55%) and patients (35%) consider a realized hygienic education ineffective, and find need of new approaches for this direction; 2) the main sources of preventive information for respondents are: 20–60 years — the Internet (32%), doctors (30%); 61 and more years — doctors (47%); 3) the demand of additional preventive information at respondents is caused by lack of a possibility of holding a full-fledged preventive conversation on outpatient appointment and insufficient efficiency of medical examination.

Keywords: prevention, hygienic education, sanitary and preventive education, knowledge, efficiency.

Ражина Наталья Юрьевна,

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет» Минздрава России
n.yu.ra@mail.ru,*

Стороженко Виктор Юрьевич,

*Клинический ординатор, ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет» Минздрава России
crazuz@mail.ru*

Турмий Валерия Александровна,

*ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет» Минздрава России
miss.robinson@mail.ru*

После проведенных реформ в здравоохранении, вновь актуальным становится развитие профилактического направления, что законодательно закреплено в стратегии развития на 2018–2020 года. Для поиска качественных и одновременно экономически выгодных профилактических мероприятий нами была определена цель: исследовать востребованность дополнительных мероприятий по гигиеническому воспитанию у населения.

Задачи: изучить мнения врачей и пациентов относительно эффективности реализуемого гигиенического воспитания, определить основные источники профилактической информации, а также выявить причины востребованности дополнительных мероприятий в этом направлении у населения.

Материалы и методы: в устном и письменном опросе участвовали 537 респондентов старше 20 лет, не имеющих медицинского образования, и 134 практикующих врача разных специальностей БУЗОО г. Омска.

Выводы: 1) врачи (55%) и пациенты (35%), считают реализуемое гигиеническое воспитание малоэффективным, и обнаруживают необходимость новых подходов в этом направлении; 2) основными источниками профилактической информации для респондентов являются: 20–60 лет — интернет (32%), врачи (30%); 61 и более лет — врачи (47%); 3) востребованность дополнительной профилактической информации у респондентов обусловлена отсутствием возможности проведения полноценной профилактической беседы на амбулаторном приеме и недостаточной эффективностью диспансеризации.

Ключевые слова: профилактика, гигиеническое воспитание, санитарно-профилактическое просвещение, информированность, эффективность.

Состояние здоровья общества — это обобщенная характеристика уровня и качества жизни населения. Именно поэтому, сохранение и укрепление здоровья становится одной из стратегически важных задач развития любого государства [1,2,3].

В нашей стране реализуемая реформа здравоохранения на государственном уровне направлена на осуществление более высокотехнологичных диагностических и лечебных мероприятий для населения. Заключается она в оптимизации лечебных учреждений, а именно: за-

Таблица 1. Характеристика исследуемой выборки

Группа респондентов	Пациенты (возраст)			Врачи (стаж работы/г.)		
	20–39	40–60	>60	<10	10–30	>30
Количество	212	200	125	32	52	50
Всего:	537			134		

крытие и объединение поликлиник и больниц, сокращение рабочих мест, что невольно привело к увеличению нагрузки на врачей и, как следствие, к снижению качества и своевременности оказываемой медицинской помощи [4]. Согласно опросам, 45% пациентов считают, что при необходимости не получают качественной медицинской помощи [5]. Анализируя возникшую ситуацию, мы приходим к выводу о том, что сейчас, как никогда, приоритетной становится именно профилактика заболеваний, а не лечение.

В современном обществе цели здравоохранения, отражают приоритет профилактического направления, что утверждено законодательством во многих странах, в том числе и в России.

И в то же время, здоровье нации в нашей стране ухудшается из года в год [2,4], что значительно затрудняет проведение экономических и социальных реформ [6].

Социально значимые заболевания наносят колоссальный ущерб для общества, связанный с потерей временной и устойчивой трудоспособности граждан [1]. Более того, развитие профилактического направления имеет экономически обусловленную эффективность, заключающуюся в снижении расходов государства на высокотехнологичное лечение и диагностику опасных заболеваний [7], и в уменьшении сроков нетрудоспособности населения.

В целом, на здоровье человека оказывает влияние ряд факторов риска, однако существенный и, зависящий, в большей степени от самого пациента — это его образ жизни (доля влияния 50–55%) [1]. Именно на данный фактор риска направлена профилактическая работа лечебных учреждений. Однако некоторые активно применяемые формы информирования населения являются неэффективными и не соответствуют современным запросам пациентов [8].

С 2013 г. в рамках обязательного медицинского страхования действует диспансеризация взрослого населения, которая признана эффективным методом раннего выявления заболеваний. И в то же время, опубликованные в 2017 г. результаты исследования, в котором приняло участие 22924 человека, выяви-

ли недостаточное количество пациентов прошедших диспансеризацию на терапевтических участках (21%), и лишь треть из них были удовлетворены этой процедурой (31,5%) [9]. Также было обозначено отсутствие группового профилактического консультирования пациентов, имеющих для этого абсолютные показания [9]. Данные этого исследования обнаруживают наличие определенных проблем в проведении профилактической работы, и в то же время нельзя игнорировать эффективность диспансеризации для диагностики заболеваний на ранней стадии.

Одной из приоритетных форм профилактической работы является организация «школ здоровья» для различных патологий и разных возрастных категорий. Несмотря на их доказанную эффективность [10,11], имеется ряд экономических, педагогических и организационных проблем [12], ограничивающих их деятельность.

В настоящее время, на смену печатным профилактическим пособиям (санбюллетени, плакаты) приходят информационные технологии и интернет, которые, к сожалению, перенасыщены недостоверной и рекламной информацией, что может ввести в заблуждение любого пользователя [13]. Вместе с тем, данный информационный ресурс имеет огромный потенциал для формирования у широких масс населения активной сознательной позиции относительно здорового образа жизни.

В стратегии развития государства на 2018–2025 гг., предложенной министерством здравоохранения РФ, на первом этапе ее реализации (2018–2020 гг.) одним из приоритетных направлений является развитие профилактических программ, а так же принятие необходимых решений в области укрепления общественного здоровья [МЗ РФ].

Вышеперечисленные доводы обозначили, с одной стороны, необходимость качественных и одновременно экономически выгодных профилактических мероприятий для населения, с другой — целесообразность определения востребованности этих мероприятий у населения.

Цель нашей работы заключалась в исследовании востребованности дополнительных мероприятий по гигие-

Таблица 2

Вы обращаетесь к врачу общей практики (терапевт, стоматолог) для профилактики заболеваний (осмотр, консультация)?	Возраст					Всего чел /%
	20–39 чел	40–60 чел	% 20–60	>60 чел	% >60	
Да, каждый год / раз в 2 года	63	115	43	94	75	272 /51
Да, 1 раз в 3 года (в период диспансеризации)	20	13	8	7	6	40 /7
Да, но реже	72	47	29	19	15	138 /26
Нет	57	25	20	5	4	87 /16
Всего	212	200	100	125	100	537 /100

Таблица 3

Как Вы поступите при появлении симптомов болезни (боль, жжение, температура, отек и др.)?	Возраст		Всего чел /%
	20–60 чел /%	20–60 чел /%	
Обращусь к врачу	242 /59	62 /50	304 /57
Ничего не предприму, буду ждать улучшения, либо ухудшения	56 /13	4 /3	60 /11
Начну самостоятельно принимать лекарства (самолечение), так как:			
трудно попасть к врачу	60 /14	49 /39	108 /20
врачи необоснованно назначают дорогие лекарства	19 /5	9 /7	28 /5
не вижу необходимости обращаться к врачу, когда есть интернет	32 /8	0 /0	32 /6
боюсь обращаться к врачам / не доверяю врачам	4 /1	1 /1	4 /1
Всего	412 /100	125 /100	537 /100

Таблица 4

Вы спрашиваете у врача о способах профилактики заболеваний?	Возраст			Всего чел /%
	20–39 чел /%	40–60 чел /%	>60 чел /%	
Да, и получаю развернутый ответ	85 /40	94 /47	63 /50	242 /45
Да, но ответа не получаю	43 /20	20 /10	16 /13	79 /15
Нет, я уверен в своих знаниях	39 /18	14 /7	3 /2	56 /10
Нет, врач итак рассказывает об этом	45 /22	72 /36	43 /34	160 /30
Всего	212 /100	200 /100	125 /100	537 /100

Таблица 5

Что Вам препятствует заниматься профилактикой заболеваний на амбулаторном приеме?	Стаж работы (кол-во лет)			Всего чел /%
	<10 чел /%	10–30 чел /%	>30 чел /%	
Ничего не препятствует	8 /25	4 /8	7 /14	19 /14
Большое количество пациентов	12 /38	21 /40	17 /34	50 /37
Ограниченное время приема пациента	11 /34	25 /48	25 /50	61 /46
Низкая оплата труда, затраченного на профилактическую беседу	1 /3	2 /4	1 /2	4 /3
Всего	32 /100	52 /100	50 /100	134 /100

Таблица 6

Укажите источник информации, к которому чаще обращаетесь для профилактики болезней:	Возраст		Всего выборов /%
	20–60 выборов /%	>60 выборов /%	
Лекции/ семинары	24 /4	16 /7	40 /5
Медицинские телепередачи	49 /8	31 /13	80 /10
Медицинские газеты/ журналы/ книги	53 /9	12 /5	65 /8
Интернет/ мобильные приложения	186 /32	32 /13	218 /26
Врачи в поликлинике	149 /26	119 /49	268 /33
Друзья/ родственники	103 /18	13 /5	116 /14
Санбюллетени	16 /3	20 /8	36 /4
Всего	580 /100	187 /100	823 /100

Таблица 7

Укажите источник информации, к которому интересней и удобней обращаться для профилактики болезней:	Возраст (лет)		Всего кол-во выборов /%
	20–60 кол-во выборов /%	>60 кол-во выборов /%	
Лекции/ семинары	47 /8	4 /2	51 /6
Медицинские телепередачи	102 /16	41 /22	143 /18
Медицинские газеты/ журналы/ книги	61 /10	9 /5	70 /9
Интернет/ мобильные приложения	200 /32	38 /20	238 /29
Врачи в поликлинике	189 /30	87 /47	276 /34
Санбюллетени	28 /4	8 /4	36 /4
Всего	627 /100	187 /100	814 /100

ническому воспитанию у населения. В этой связи, были изучены мнения врачей и пациентов относительно эффективности реализуемого гигиенического воспитания, определены основные источники профилактической информации, а также выявлены причины востребованности дополнительных мероприятий в этом направлении у населения.

Материалы и методы

В устном и письменном опросе участвовали 537 респондентов старше 20 лет, не имеющих медицинского образования, и 134 практикующих врача разных специальностей БУЗОО г. Омска.

Результаты и обсуждения

В результате исследования выявлено, что частота обращения к врачу с профилактической целью, соответствует разработанным нормативам Минздрава лишь у 43% пациентов трудоспособного возраста (**приказ № 14–1/10/2–568 от 01.02.2013**) [см. табл. 2].

Большее половины пациентов 20–60 лет в силу рационального отношения к своему здоровью при появлении первых симптомов сразу обратятся к врачу (59%). Остальные, прибегнут к самолечению, в основном из-за трудностей, связанных с обращением к врачу, таких как: большие очереди в поликлиниках, занятость на работе (см. табл. 3). В силу этого, по мнению врачей, 63% пациентов приходят уже на поздней стадии болезни (37% на ранней стадии), что противоречит ответам пациентов. Выявленный факт может быть обусловлен особенностью выборки (исследовались врачи разных специальностей: с первичными симптомами обращаются, преимущественно, к терапевту).

Следует отметить, что 75% испытуемых остаются удовлетворены профилактической беседой на приеме у врача (см. табл. 4). Однако, лишь 14% докторов, отмечают, что на амбулаторном приеме можно провести профилактическую беседу в полной мере, остальные 86% врачей считают это невозможным, в связи с большим количеством пациентов (37%) и ограничением времени приема больного (46%) (см. табл. 5). В этой связи,

Таблица 8

Вы принимаете участие в диспансеризации населения?	Возраст				
	Трудоспособные			Пожилые	
	20–39 чел	40–60 чел	Общий%	>60 чел	%
Да	77	104	44	105	84
Нет	105	83	46	16	13
Ничего об этом не знаю	30	13	10	4	3
Всего	212	200	100	125	100

Таблица 9

Почему Вы интересуетесь профилактикой заболеваний?	Возраст			Всего кол-во выборов /%
	20–39 кол-во выборов /%	40–60 кол-во выборов /%	>60 кол-во выборов /%	
Не интересуюсь, я считаю себя здоровым	35 /12	8 /3	17 /10	60 /8
Хочу и в позднем возрасте жить без физических ограничений	83 /30	95 /36	43 /25	221 /31
Хочу вырастить здоровых детей и быть для них примером	94 /34	43 /16	9 /5	146 /20
Лечение болезней требует больших финансовых вложений, чем их профилактика	47 /17	65 /24	21 /12	133 /19
У меня уже есть болезнь, и я хочу предупредить ее дальнейшее развитие	19 /7	56 /21	83 /48	158 /22
Всего	278 /100	267 /100	173 /100	718 /100

проявляется нецелесообразность проводимых реформ в системе здравоохранения и обнаруживается необходимость обращения пациентов к иным источникам информации.

Что, собственно, пациенты и делают, как подтверждают указанные источники профилактической информации, к которым респонденты чаще обращаются: врачи (33%), интернет (26%) (см. табл. 6). Эти же источники информации были признаны опрошенными наиболее интересными и удобными: врачи (34%), интернет (29%) и телепередачи (18%) (см. табл. 7). Приоритет врачей в этом случае можно объяснить тем, что только доктор может реализовать индивидуальный подход к пациенту в процессе профилактической беседы. И в то же время, интернет и телепередачи содержат большой объем информации по конкретной нозологии. Именно интернет-источники пользуются большей популярностью у трудоспособного населения.

В свою очередь, активно прилагаемые усилия со стороны государства, в виде всеобщей диспансеризации,

игнорируются 46% респондентами, что обнаруживает наличие проблем в данном направлении, и подтверждает недостаточную целесообразность затрачиваемых средств на это мероприятие (см. табл. 8), так как большинство из тех, кто не проходит диспансеризацию, составляют респонденты 20–39 лет (56%), которые находятся в сензитивном возрасте для ранней диагностики приобретенных заболеваний.

Несмотря на доступность профилактической информации, а также активное участие врачей в государственных программах, направленных на улучшение гигиенического воспитания, лишь 22% респондентов не нуждаются в дополнительных знаниях о профилактике болезней, однако 78% пациентов обозначили потребность в этом. Что обусловлено желанием опрошенных в позднем возрасте жить без физических ограничений (31%), а также предотвратить развитие имеющейся болезни (22%) (см. табл. 9). Важно отметить, большинство респондентов при чтении медицинской литературы обращают внимание на авторитетность источника информации (32%) и компетентность автора (28%), но, тем

Таблица 10

Как Вы оцениваете эффективность гигиенического воспитания в городе?	Ответы пациентов	Пациенты%	Ответы врачей	Врачи %
эффективно	109	21	7	6
малоэффективно, требуются новые подходы	189	35	75	56
неэффективно, проводится лишь формально (для отчётности)	157	29	50	37
не проводится	82	15	2	1
Всего	536	100	134	100

Таблица 11

Вы беседуете с каждым пациентом о профилактике заболеваний?	Стаж работы (кол-во лет)			Всего чел /%
	<10 чел /%	10–30 чел /%	>30 чел /%	
Да	21 /66	39 /75	36 /72	96 /72
Да, но только если спросят	2 /6	11 /21	9 /18	22 /16
Нет, слишком много пациентов и нет времени беседовать	9 /28	2 /4	5 /10	16 /12
Нет, этим должны заниматься другие специалисты	0 /0	0 /0	0 /0	0 /0
Всего	32 /100	52 /100	50 /100	134 /100

Таблица 12

Как Вы считаете, кто должен заниматься информированием о профилактике заболеваний?	Стаж работы (кол-во лет)			Всего чел /%
	<10 чел /%	10–30 чел /%	>30 чел /%	
Врач общей практики	3 /9	0 /0	0 /0	3 /2
Врач любой специальности	6 /19	21 /40	30 /60	57 /43
Весь медицинский персонал	4 /13	15 /29	9 /18	28 /21
Специалисты центра профилактики	17 /53	16 /31	11 /22	44 /33
Пациенты самостоятельно	2 /6	0 /0	0 /0	2 /1
Всего	32 /100	52 /100	50 /100	134 /100

не менее, 40% опрошенных не обращают внимания на вышеперечисленное, возможно из-за отсутствия критичности восприятия информации, что увеличивает вероятность получения недостоверных данных, особенно в сети Интернет.

Несмотря на, обозначенную докторами (56%) и пациентами (35%) низкую эффективность проводимых профилактических мероприятий (см. табл. 10), 72% врачей осознают важность профилактических бесед с каждым пациентом и проводят их насколько позволяют им условия в современной системе здравоохранения (см. табл. 11).

Также доктора со стажем более 30-ти лет, считают, что осуществлять профилактику заболеваний должен каждый врач (60%) в силу компетенции, наличия практического опыта, и знаний патогенеза различных заболеваний; в свою очередь 53% медработников, начавших свою трудовую деятельность в условиях современного здравоохранения, осознают трудности в проведении профилактики и рекомендуют делегировать эту обязанность специалистам из центра профилактики (см. табл. 12). Следует отметить, что неэффективность проводимого гигиенического воспитания респонденты (29% пациентов и 37% врачей), прежде всего, связывают с формальностью его проведения (см. табл. 10), что подтвержда-

ются другими исследованиями (31,5% респондентов отмечают формальность проведения диспансеризации [Логунов]) и это является значительным препятствием на пути сохранения и укрепления здоровья нации.

Мы допускаем, что используемый в нашей работе метод опроса, имеющий некоторые ограничения, в определенной степени снижает достоверность полученных данных, и в тоже время, репрезентативность исследуемой выборки позволяет обнаружить представленную нами тенденцию относительно востребованности дополнительных мероприятий по гигиеническому воспитанию. На основании результатов исследования представляется возможным сделать следующие **выводы**:

1) врачи (55%) и пациенты (35%), считают реализуемое гигиеническое воспитание малоэффективным, и обнаруживают необходимость новых подходов в этом направлении;

2) основными источниками профилактической информации для респондентов являются: 20–60 лет — интернет (32%), врачи (30%); 61 и более лет — врачи (47%);

3) востребованность дополнительной профилактической информации у респондентов обусловлена отсутствием возможности проведения полноценной профилактической беседы на амбулаторном приеме и недостаточной эффективностью диспансеризации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пузин С. Н., Шургая М. А., Богова О. Т., Потапов В. Н., Чандирли С. А., Балека Л. Ю., Беличенко В. В., Огай Д. С. Медико-социальные аспекты здоровья населения. Современные подходы к профилактике социально значимых заболеваний. Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2013;3:3–10.
2. Юзькова Е. М. Динамика заболеваемости населения российских регионов как показатель качества жизни населения. Вектор экономики. 2017;12(18):78.
3. Танжарык А. К., Мысаев А. О., Жанатбекова А. К., Абдыгалиева К. М., Амангельды Н., Алдынгуров Д. К. Приверженность здоровому образу жизни учащихся средних школ и колледжей. Наука и здравоохранение. 2016;2:139–149.
4. Шеина Е. А. Основные направления развития здравоохранения в России. Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. 2017;19(12):218–227.
5. Арбитайло И. Я. Медицинская услуга в зеркале общественного мнения: проблема качества. Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015;1(3):73–82
6. Мишон Е. В., Иванова И. Г., Общественное здоровье населения как стратегический ресурс развития региона. ФЭС: Финансы. Экономика. 2010;11:28–31.
7. Руснак А. В., Ремизов С. С. Медико-социальное значение вакцинопрофилактики гриппа и ОРВИ. Международный студенческий научный вестник. 2017;4–3:282–284.
8. Юдин С. А. К вопросу об эффективности проводимой санитарно-просветительной работы в противотуберкулезных учреждениях на современном этапе. Вестник уральской медицинской академической науки. 2014;1(47):13–15.
9. Логунов Д. Л., Панов В. П., Лучкевич В. С., Авдеева М. В., Филатов В. Н., Гончар Н. Т. Оценка здоровья городских жителей по итогам диспансеризации и анализ её эффективности. Профилактическая и клиническая медицина. 2017;1(62):29–35.
10. Устинова Г. Н. Практика реализации модели «школа здоровья». Педагогическое образование и наука. 2012;10:28–32.
11. Беляева Н. А., Комисаренко Л. А. Оценка уровня знаний матерей в вопросах грудного вскармливания до и после занятий в школе материнства. Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014;4(4):332.
12. Заворотный О. О., Алексеенкова Е. Н., Ахметгареева А. Р. Школа здоровья как реальная возможность укрепления здоровья населения и профилактики хронических заболеваний. Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2015;10(1):288–292.
13. Костригин А. А., Хусяинов Т. М., Чупров Л. Ф. Актуальные вопросы распространения специальных знаний из области педагогики, психологии, медицины и социологии среди населения: новые вызовы. Наука. Мысль. 2015;5:17–24.

© Ражина Наталья Юрьевна (n.yu.ra@mail.ru),

Стороженко Виктор Юрьевич (crazuz@mail.ru), Турмий Валерия Александровна (miss.robinson@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЯ КАК УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ В ШКОЛЕ 21 ВЕКА¹

PSYCHOLOGY AS A SCHOOL SUBJECT IN THE SCHOOL OF THE 21ST CENTURY

N. Tovuu

Summary. One of the most important areas of psychological work with children in the 21st century, we consider the teaching of psychology in school as a subject of study. As the content of the subject «Psychology» with the estimates of 3–11, as well as the features of the construction of the training course, developed under the editorship of Academician RAO IV. Dubrovin, as well as textbooks with grades 3–6 in the native (Tuva) language of instruction today create unique conditions for schoolchildren in Tuva. Our research in different schools has shown that the use of digital technologies and modern media technologies affects the deep layers of the psyche, changing the formation and functioning of the sphere of predicament and perception processes. In 2018, 3000 copies of translated textbooks on psychology were published for classes 3–4.5.6 and school libraries were provided to them.

Keywords: psychology, Tuva, value orientations, experiment.

Товуу Наталия Оюновна

*Д.псх.н., ФГБУН Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук (ТувИКОПР СО РАН)
tikopr@mail.ru*

Аннотация. Одним из актуальнейших направлений психологической работы с детьми в 21 веке, мы считаем, преподавание психологии в школе как учебного предмета. Как содержание предмета «Психология» с 3–11 классы, так и особенности построения учебного курса, разработанного под редакцией академика РАО И. В. Дубровиной, а также и переводные учебники с 3 по 6 классы на родном (тувинском) языке обучения сегодня создают уникальные условия для школьников Тувы. Исследования наши в разных школах выявили, что использование цифровой техники и современных медиа-технологий затрагивает глубинные пласты психики, изменяя формирование и функционирование речемыслительной сферы и процессов восприятия. В 2018 году издали в количестве 3000 экземпляров переводные учебники по психологии для 3–4,5,6 классов и обеспечили бесплатно ими сельские школьные библиотеки.

Ключевые слова: психология, Тыва, ценностные ориентации, эксперимент.

Введение

Психология сегодня в России находится среди «перспективных» дисциплин двадцать первого века. В настоящий период в стране, в частности, в Республике Тыва, почти все общеобразовательные школы и другие учреждения имеют в штате психологов, создаются психологические Центры и службы. Все большее количество руководителей начинают осознавать и признавать необходимость и важность вопросов обеспечения социальной практики психологическим инструментарием. Но в важных по своей значимости социальных практиках, таких как выработка программ государственного развития или принятие новых законов в регионе, психологи пока что мало участвуют. А область социальных практик, таких как психологическая, педагогическая, юридическая, терапевтическая и т.д. без психологии уже не обходится [5]. Повышение общей культуры, психологическое просвещение населения и психопрофилактическая работа со школьниками является в данный период базовым по своей значимости [11]. Считаем, что современное образование в России сегодня значительно отстает от темпов изменения жизни в обществе и мире, недостаточно нацелена на формирование

у человека психологической готовности для достижения поставленной цели. К ресурсам внутренним мы относим: ценности, психологические особенности, знания, умения, и навыки личности, а к внешним — информационные, человеческие, материальные и т.п. ресурсы. В быстро меняющихся условиях жизни этнопсихологическое своеобразие народа является относительно устойчивой системой и с изменением основополагающих детерминант происходит незаметное изменение своеобразия этноса. А этническое (национальное) сознание представляет собой отражение народом своего прошлого и настоящего бытия в духовной и материальной культуре в обыденном сознании (это традиции, обычаи, привычки и пр.). Как показал наш эксперимент, одним из актуальнейших направлений психологической работы с детьми в данный период времени мы считаем преподавание психологии в школе как учебного предмета общего образования. Как содержание предмета, так и особенности построения курса с 3 по 6 классы на родном (тувинском) языке обучения и, в связи с этим, разнообразие методов обучения, создают уникальные условия для учащихся общеобразовательных школ в сельских местностях Тувы (тувиноязычных). [8; 9; 10].

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16–16–01100а «Закономерности формирования и передачи перцептивного образа в процессе общения: кросс-культурный аспект»

Эксперимент

Институт развития национальной школы Министерства образования и науки Республики Тыва в 2006–2010 гг. проводил региональный эксперимент по преподаванию психологии на родном (тувинском) языке обучения на базе сельской общеобразовательной школы Овурского кожууна республики. Педагогический коллектив школы в лице директора Монгуш Г.С., зам. директора по методической работе Донгак З.Б., воспитательной работе Монгуш А.О., педагог-психолог Кускел-оол Д.М., классные руководители и педагоги школы, взвесив свои возможности, включилась в экспериментальную деятельность лаборатории Психологического института Российской Академии Образования (ПИ РАО). До этого времени в ПИ РАО были созданы и апробированы учебные пособия и методические рекомендации по учебному курсу психология с 3 по 11 классы под руководством академика РАО И.В. Дубровиной [2; 3]. Коллектив авторов в 2006 году были удостоены премии Президента и Правительства России. Педагоги сельской школы поставили перед собой задачу по психологическому обеспечению школьного образовательного процесса. Научным руководителем эксперимента являлась зав. каф. психологии ТувГУ, д.психол.н. Н.О. Товуу, переводчик издания — зав. музеем литературоведения ТувГУ, ст. преп. каф. тувинского языка и литературы М.А. Кужугет.

Изданные в эти годы учебные пособия для 3–4, 5, 6 классов [8; 9; 10] прошли апробацию на родном (тувинском) языке. Повышая свой личностно-профессиональный уровень, изучая спецкурс по этнической психологии, учителя работали творчески. Соблюдая принцип единства обучения и воспитания в данной школе, диагностируя не только участников эксперимента, но и социальное окружение, родителей, учителей и односельчан. Например, этап подготовки и вхождения в эксперимент начинался с научно-практической конференции по этнической психологии, приуроченной к юбилею села «Село моё — судьба моя». Праздник начинался с парада 3-х летних детей села, традиционных национальных игр, обычаев населения и детей. Проходили открытые и творческие уроки, недели психологии, конкурсы поисково-исследовательских проектов, ежегодные школьные конференции, круглые столы по переводу терминов на родной язык местного населения. Обсуждение и издание апробированных учебных пособий, терминов и поурочных планов по психологии с 3–го по 6 классы на родном (тувинском) языке были повседневной заботой школьного эксперимента. Уроки психологии в экспериментальных классах велись за счет школьного компонента. Систематизированные учебные пособия с 3 по 11 классы, которые были созданы в лаборатории Психологического института РАО под руководством академика Дубровиной И.В., были для нас ориентиром при создании переводных

учебников для 3–4, 5, 6 классов. Также изучение опыта, общение и посещение лаборатории Психологического института РАО, экспериментальных школ г. Москвы дали нам интересные мысли и идеи. В приложении к учебному пособию отражен национальный компонент образовательных программ. Каждый урок и каждое внеклассное занятие по психологии строились с учётом единства когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов с использованием теоретической информации психологии. Такой подход формирует положительный эмоциональный фон и позволяет учащимся проявить себя в деятельности. Активные формы работы (элементы психологического тренинга, психотехнические и ролевые игры) способствовали созданию атмосферы доверия. Важно, что все это на доступном родном языке. В соответствии с рекомендациями эксперимента все учителя-предметники организовывали свою работу так, что учащиеся решали задачи и упражнения в малых группах, разыгрывали игровые ситуации. В процессе подготовки проектов, решения практических задач уже в школе они приобретают опыт планирования деятельности, подбора ресурсов, необходимых для решения поставленной задачи, преодоления трудностей, возникающих при её выполнении. В ходе эксперимента выявлено, что на уроках психологии, классных часах удовлетворяются не только образовательные потребности школьников, но и социальные потребности в общении, психологические потребности в уважении к своему достоинству.

Отметим, что данная экспериментальная работа по психологии способствовала повышению уровня профессиональной компетентности педагогов и психологов. Переводная работа по психологии, обогащая и развивая родной (тувинский) язык, привлекла к нашей экспериментальной деятельности и филологов, и переводчиков, и писателей Тувы. Учащиеся экспериментального класса села Солчур после окончания школы поступили и закончили высшие (70%) учебные и средние (28%) заведения России и Тувы. Результаты эксперимента кафедра психологии ТувГУ активно использует в работе при подготовке будущих педагогов-психологов и на курсах повышения квалификации учителей. После завершения эксперимента ежегодное проведение международных и региональных научно-практических конференций, семинаров и Конгрессов по этнической психологии, проводимые Научным центром этнической психологии и социальных практик Республики Тыва, стали традиционными для психологов, учителей школ и ученых.

Сегодня в Туве школы столицы города Кызыла (русско- и тувиноязычные) за счет внеклассных часов и школьного компонента изучают психологию как общеобразовательный предмет. Одним из важных направлений по психологическому обеспечению и просвещению населения, деятельность ежегодных Международных конгрессов

«Степная цивилизация», в летнее время привлекает не только психологов местных школ, но и из других регионов России и стран [1;7]. Темы их разнообразны, например, в 2012 году «Сознание человека: традиционно устойчивые модели жизни этноса и эволюция», «Личностно-профессиональный рост учителя» и т.п. Также ежегодно проводятся научно-полевые экспедиции и исследования в труднодоступных уголках Тувы, с привлечением ученых, учителей и школьников поселений. Например, исследованием 2017 года (грант РФФИ) было выявлено, что использование цифровой техники и современных медиа-технологий затрагивает глубинные пласты психики, изменяя формирование и функционирование речемыслительной сферы и процессов восприятия [1]. Тип цивилизационных процессов в регионе все же остается традиционным и информационные технологии проникают в сельские местности медленно. Поэтому мы в 2018 году издали в количестве 3000 экземпляров переводные учебники по психологии для 3–4,5,6 классов и обеспечили бесплатно ими школьные библиотеки Тувы. Провели весной республиканский круглый стол: «Психология как учебный предмет в школе: опыт и перспективы преподавания в Туве» и рекомендовали для введения предмета в 3, 4,5 классах в школах кожуунов использовать часы НРК, школьного компонента, дополнительного образования по усмотрению администрации школы и родительского комитета. Для этого проводим курсы повышения квалификации для психологов, учителей начальных классов, привлекаем административные ресурсы. Два кожууна Тувы Эрзинский и Тес-Хемский стали инициаторами, проведения расширенного семинара директоров школ, психологов, школьных библиотекарей и представителей администраций сел с рекомендациями по изучению предмета во всех школах, изыскать часы по введению предмета психологии в школах начальной и средней. Как отрегулировать процесс? Все решают на местах, все зависит от каждого из нас, начиная от родителей, учителей, директоров школ. а дети — это наше будущее. Россия, в частности Тува, как национальный регион переживает в эти десятилетия сложный переходный период к рыночным отношениям, а об образованности будущего поколения думать надо нам именно сейчас. Эмпирическим исследованием было нами выявлено, что тувинцы, как этнос, в условиях перехода к рыночным отношениям сохранили свои традиционные этнические ценности: забота о детях и семейно-родственных связях, гостеприимность, уважение к старшим, терпимость и вежливость. В ценностных

ориентациях — получение образования, особенно у женской части населения, оценивается достаточно высоко. Национальные чувства характеризуются высокими оценками проявления любви к родной природе и национальной культуре, Родине и своему народу. Властные отношения (отношения руководства и подчинения) среди народа Тыва — это проявление уважения, покорности и терпимости к должности руководителя, особенно выражено у мужского населения. Семейные отношения характеризуются уважительными и заботливыми отношениями между членами семьи: мужем и женой, детьми, близкими родственниками. Вместе с тем, забота о собственном здоровье, профессионализм в делах (продуктивность в работе), внутренняя гармония, умение прогнозировать свои собственные поступки, риск и склонность к реорганизации, а также использование передового зарубежного опыта менее значимы для большей части населения [6].

Выводы

Разнообразие природно-географических зон Тувы, труднодоступность, социально-экономические условия диктуют свои правила и отражаются на жизнедеятельности коренных жителей Тувы. Оленеводы: тувинцы-тоджинцы, которые включены в реестр коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, степные жители — животноводы, горные сарлыкководы (яководы) и другие родо-племенные группы тувинцев, как и другие этносы, развивающейся России, по сей день сохраняют свой традиционный быт, трудовой опыт и душевное состояние. В экономической, политической, трудовой и бытовой сферах жизнедеятельности у большей части населения региона доминируют настроения неудовлетворенности и нестабильности. По итогам работы и результатам эксперимента, мы считаем, что для молодого поколения Тувы, в частности школьников, психология в школе как учебный предмет общего образования актуальна для сохранения родо-племенных связей и формирования у ребенка целостного мировоззрения, раздвигает границы познаваемого им мира, раскрывает содержание внутренней жизни и свой творческий потенциал, позволяет лучше понимать себя и других, учит его позитивному взаимодействию с окружающей действительностью, с самим собой и с другими людьми. Необходимость психологического образования со школьных лет вытекает непосредственно из потребностей общественной жизни, отвечает интересам современной России и каждого из ее граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьева К.И., Басюл И. А., Харитонов А. Н., Товуу Н. О. Аппаратно-программный комплекс для парных экспериментов в полевых условиях/ Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. Отв. ред. В. А. Барабанщиков. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 632–639.
2. Дубровина И. В. Учебный курс Психология для 3–11 классов. М. Учебное пособие для начальной школы III–IV классы, 5–11 классов / под ред. Дубровиной И. В. — 2-е изд., стер. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. — 224 с., 240с, 208с ...

3. Дубровина И. В. Психологическое благополучие школьников. М. Высшая школа, 2007
4. Кошенова М. И. Информационная культура как новая матрица онтогенетического развития // Психологическое здоровье как условие самореализации личности: материалы научно-практической конференции, 28–29 ноября 2007 г. / под ред. М. И. Кошеновой, В. М. Физикова; отв. за вып. Я. В. Клинг. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С.143–152.
5. Макропсихология современного российского общества/ Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. — 352с. (Психология социальных явлений)
6. Резников Е. Н., Товуу Н. О. Психологические характеристики народа тыва: теория и практика. — М.: ПЕРСЭ, 2002. — 223с.
7. «Степная цивилизация-2012»: Сознание человека: традиционно устойчивые модели жизни этноса и эволюция. Материалы Конгресса по этнической психологии: 3–7 июля 2012 г./ Под. ред. Н. О. Товуу, К. А. Сат. — Кызыл.; Изд-во ТувГУ.2012, — 207с.
8. Психология: эге школанын III–IV класс ооредилге ному / редакторлаан Товуу Н. О. — 2-ги ундурулге. — Кызыл: Изд-во «Юрта мира», 2018. — 224 а. // переводное с «Психология: Учебное пособие для начальной школы III–IV классы / под ред. Дубровиной И. В. — 2-е изд., стер. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. — 224 с.
9. Психология: эге школанын V класс ооредилге ному / редакторлаан Товуу Н. О. — Кызыл: Изд-во «Юрта мира», 2018. — 224 а. // переводное с «Психология: Учебное пособие для начальной школы V классы / под ред. Дубровиной И. В. — 2-е изд., стер. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. — 240с
10. Психология: эге школанын VI класс ооредилге ному / редакторлаан Товуу Н. О. — 2-ги ундурулге. — Кызыл: Изд-во «Юрта мира», 2018. — 176 а. // переводное с «Психология: Учебное пособие для начальной школы III–IV классы / под ред. Дубровиной И. В. — 2-е изд., стер. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. — 208с.
11. Чупров Л. Ф. Психологическое просвещение в системе психопрофилактической работы практического психолога: Основы теории и методика [Электронный ресурс] // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine [сайт]. 2013. № 1.sr; 75 с. URL: rem.esrae.ru/1–7 (дата обращения: 06.02.2018).

© Товуу Наталия Оюновна (tikopr@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРУД КАК ПРОВОЦИРУЮЩИЙ ФАКТОР В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ

Филиппова Ольга Владимировна

К.ю.н., ФГАОУ ВО «Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина»
ovz24@ya.ru;

LABOUR AS A TRIGGERING FACTOR IN PEDAGOGICAL CONFLICTS

O. Philippova

Summary. The task of the present article is to show the meaning of labour at school and preschool institutions. Interrelation of labour education in the collective and in the family. The particular focus is placed on insufficiency of legislative regulation of issues of students' engagement in socially useful work and self-care. Proposals are made on improvement of legislation in effect in the sphere of studying children's labour. Labour is considered as a triggering factor, due to different understanding of its meaning for upbringing of Russian Federation young citizens. After analysis, the author offers the ways for pedagogical conflicts' regulation appearing at school institutions.

Keywords: Pedagogical conflict, notion of labour in school child's upbringing, socially useful work, self-care, labour education in the family, pedagogical and psychological measures on pedagogical conflicts' regulation.

Аннотация. В статье ставится задача показать значение труда в школьных и дошкольных учреждениях. Взаимосвязь трудового воспитания в коллективе и в семье. Акцентируется внимание на недостаточность законодательного регулирования вопросов привлечения учащихся к общественно полезному труду и к труду по самообслуживанию. Выносятся предложения по усовершенствованию действующего законодательства в сфере труда учащихся детей. Труд рассматривается как провоцирующий фактор, в результате различного понимания его значения в воспитании подрастающих граждан РФ. В результате анализа автором предлагаются способы регулирования возникающих педагогических конфликтов в школьных учреждениях.

Ключевые слова: педагогический конфликт, понятие труда в воспитании школьников, общественно полезный труд, труд по самообслуживанию, трудовое воспитание в семье, педагогические и психологические меры по регулированию педагогических конфликтов.

Интерес к противоречиям в процессе воспитания детей, отклоняющемуся поведению в дошкольном возрасте начал формироваться в отечественной педагогике в 20–30-е годы. Он нашел проявление в исследованиях Л.С. Выготского, А.С. Залужного и др. В педагогических трудах того времени рассматривались общие вопросы трудного детства без акцентирования внимания на проблеме конфликта.

В 1964 г. появляется статья Б.Т. Лихачева «О конфликте в детском коллективе», где автор анализирует причины конфликтов среди детей и позиции педагога по отношению к ним. В журнале «Воспитание школьников» в этот период обсуждались причины конфликтов в школьных коллективах [1, с. 45].

Конфликты изучаются не только в рамках общей теории конфликтов, но и с учетом особенностей сферы их протекания. Так, сферой протекания педагогических конфликтов является образовательная среда.

Образовательная среда — это самостоятельная область для изучения, исследований и экспериментов. Особенности изучения в этой сфере связаны прежде всего с ее участниками: учителями, учащимися, родителями и администрацией.

Педагогический конфликт как феномен образовательно-воспитательного пространства — распространенное и активно исследуемое в различных отраслях современного гуманитарного знания явление. Результаты психолого-педагогических исследований констатируют неизбежность возникновения напряженности и конфликтности в образовательных учреждениях различного уровня. Во многом это детерминировано базовыми процессами развития личности, закономерностями ее взросления, которое априори конфликтно.

Педагогический конфликт, — по словам С.В. Баныкиной, — можно рассматривать как возникающую в результате профессионального и межличностного взаимодействия участников учебно-воспитательного процесса форму проявления обострившихся субъектно-субъектных противоречий, вызывающих чаще всего у них отрицательный эмоциональный фон общения, и предполагающую конструктивный перевод столкновения сторон конфликта в заинтересованное устранение его причин. Таким образом, определяется сфера протекания педагогического конфликта (учебно-воспитательный процесс), активность участников (взаимодействие, в основе которого лежат субъект-субъектные противоречия), эмоциональный фон (отрицательные эмоции) [5, с. 457].

В зависимости от объектов, вступивших в конфликт, можно выделить четыре главных блока рассмотрения темы: конфликт «учитель-ученик», «учитель-родитель», «учитель-администрация», «учитель-учитель».

Разные социальные статусы сторон. Соответственно, процесс поиска продуктивной формы выхода из конфликта значительно затрудняется. Противоречивый взгляд на ситуацию зачастую препятствует учителю понимание оппонента, в результате чего не удается справиться с эмоциями.

Наличие сторонних наблюдателей так же является провокационным фактором. Школа — это общественное место. Возникшие ситуации всегда становится наглядным примером для учеников. Статус педагога предполагает, что он должен при любых условиях вести воспитательный процесс.

Те правила, которые присутствуют в школьном учреждении, должны использоваться и родителями в домашних условиях. В противном случае несоответствие требований может привести к недопониманию со стороны ребенка того, что от него требуют. Последствия таких разногласий разные: минимальное — ребенок будет постоянно не уверен в том, правильно ли он выполняет задание, максимальное — если в одном месте нужно делать так, а в другом так не нужно и нужно по-другому, то ребенок решит, что взрослые сами не знают, что ожидают от него и придумывают правила самостоятельно. А если такие требования — лишь выдумка, то их можно не выполнять. И как следствие появляется конфликт.

В настоящее время вполне очевидна фундаментальная зависимость перспектив российского общества и государства от тех способностей и качеств личности, которые закладываются в системе образования. Школа — не просто общество в миниатюре, это завтрашнее, будущее общество, но вызревающее уже сегодня. Здесь формируются способности юных граждан к созидательной деятельности, вырабатываются жизненно важные практические навыки, нравственные позиции, правила поведения и другие контуры российской жизни в ближайшем будущем [4].

Формирование конфликтологической компетентности личности является неотъемлемой частью воспитательного процесса и влияет на становление личности в целом.

«Труд» — одно из фундаментальных и многогранных понятий в существовании человека в обществе. Труд, в представлениях К.Д. Ушинского, выступает единственно достойной человека целью жизни и до-

ступным ему счастьем, обязанностью исполнения воли Божьей и служения Отечеству и ближним, средством самообеспечения человека и источником его свободы и независимости, условием душевного спокойствия, духовно-нравственного возвышения и творческого осуществления человека и поэтому должен быть его главным «воспитателем».

Трудом не может считаться активность, несовместимая с человеческим достоинством в связи с безнравственностью ее целей, а также из-за чрезмерного физического и психического напряжения, не оставляющего сил и времени для мыслей и забот идеального духовного порядка.

Основными задачами воспитания в труде и для труда К.Д. Ушинский считал привитие детям уважения и любви к труду вместе с привычкой трудиться. Великий русский педагог считал, что для воспитания уважительного и любовного отношения к труду необходимо вырабатывать у питомцев школы серьезный взгляд на жизнь и на труд как ее основу; уважать детский труд — замечать, ценить и одобрять умственные и физические усилия ребенка [4].

Труд — это:

1. Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей. Разделяют умственный труд и физический труд.
2. Работа, занятие.
3. Усилие, направленное к достижению чего-либо.
4. Результат деятельности, работы, произведение. Труд всей жизни. Научный труд.
5. Привитие умения и навыков в какой-нибудь профессиональной, хозяйственной деятельности как предмет школьного преподавания [10].

Отношение общества к труду различается и зависит от уровня развития конкретной личности. Так, одни видят в нем благородство и воспитательные функции, другие лишь способ заработка, а третьи воспринимают как способ самоутверждения. Но все придерживаются единого мнения в том, что труд необходим.

Большинство российских школ активно привлекают детей к труду в виде дежурства по классу и школе. Существуют различные позиции относительно данного вопроса. Одни считают, что это атавизм советского государства, другие придерживаются мнения о том, что это важный педагогический метод трудового воспитания современного подрастающего поколения. Важным моментом в легитимности привлечения детей к труду является законодательное регулирование. Тем не менее, различное понимание труда и его значения, приводит к конфликтам в школьных учреждениях, участниками

которых становятся педагоги и родители, дети и педагоги, администрация школы и родители.

В период существования СССР школы приветствовали использование детского труда, поскольку он являлся одним из методов патриотического воспитания и являлся естественным элементом воспитания в целом. В современном российском обществе взгляды на детский труд в школе изменились, что нашло свое отражение в законодательстве.

В настоящее время использование детского труда регулируется:

- ◆ Законом «Об образовании»;
- ◆ Постановлением Минтруда России от 07.04.1999 № 7 «Об утверждении Норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную»;
- ◆ Санитарно-эпидемиологические требования к безопасности условий труда работников, не достигших 18-летнего возраста, утвержденные постановлением Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 30 сентября 2009 г. № 58 г.

Так, статья 34 Федерального закона от 29.12.2012 N273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает основные права обучающихся и меры их социальной поддержки и стимулирования. В ч. 4 ст. 34 указано: «Обучающиеся имеют право на посещение по своему выбору мероприятий, которые проводятся в организации, осуществляющей образовательную деятельность, и не предусмотрены учебным планом, в порядке, установленном локальными нормативными актами. Привлечение обучающихся без их согласия и несовершеннолетних обучающихся без согласия их родителей (законных представителей) к труду, не предусмотренному образовательной программой, запрещается» [7].

Таким образом, важнейшим условием привлечение ребенка к труду в школе является наличие добровольного согласия его и его родителей (законных представителей). Данное согласие в настоящее время может быть оформлено и, как правило, оформляется в форме отдельного документа (заявления, соглашения, либо условие об этом должно содержаться в договоре между образовательным учреждением и родителями).

Представляется, что любой труд по самообслуживанию (дежурство по школе, участие в уборке классов, мытье доски, уборка за собой) и общественно-полезный труд, являющийся неотъемлемой частью воспитательной работы (сезонные работы по уборке территории на пришкольном участке и так далее), в соответствии

с данной нормой закона может быть квалифицирован как принудительный. В результате за приобщение детей к труду администрация школы может оказаться ответчиком в суде.

Наличие в законодательстве определения видов трудовой деятельности, которые могут осуществляться обучающимися школьниками в рамках образовательного процесса, должно значительно снизить конфликты в данной сфере. Порядок применения труда в школе должен быть прописан локальными нормативными актами образовательной организации. Так же необходимо признать трудовое воспитание неотъемлемой частью школьного образовательного процесса.

В связи с тем, что в законодательстве отсутствуют четкие разграничения тяжелого для детей труда и элементарного труда по самообслуживанию, в области применения труда учащихся школьников возникают конфликты, которые так же можно отнести к разряду педагогических, поскольку они затрагивают вопрос о методах воспитания.

Таким образом, решение данной проблемы возможно путем внесения изменений в законодательство, а именно в Федеральный закон от 29.12.2012 N273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации». Необходимо закрепить понятия «труд по самообслуживанию» и «общественно-полезный труд», которые являются элементами развития личности в целом и должны прививаться как в семье, так и в учебных заведениях.

Так, ч. 4 ст. 34 Федерального закона от 29.12.2012 N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» представляется возможным изложить следующим образом:

«4. Обучающиеся имеют право на посещение по своему выбору мероприятий, которые проводятся в организации, осуществляющей образовательную деятельность, и не предусмотрены учебным планом, в порядке, установленном локальными нормативными актами. Привлечение обучающихся без их согласия и несовершеннолетних обучающихся без согласия их родителей (законных представителей) к труду, не предусмотренному образовательной программой, запрещается.

За исключением привлечения обучающихся и несовершеннолетних обучающихся к труду по самообслуживанию и хозяйственному общественно-полезному труду».

Согласно Приказу Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России)

от 17 октября 2013 г. N1155 г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования», зарегистрированному в Минюсте РФ 14 ноября 2013 г. (регистрационный N30384), содержание Программы должно обеспечивать социально-коммуникативное развитие. Социально-коммуникативное развитие направлено, в том числе, на формирование позитивных установок к различным видам труда и творчества; формирование основ безопасного поведения в быту, социуме, природе [11]. Относительно школьных учебных заведений нормативно-правовая база ограничена ФЗ «Об образовании» и Уставами школьных учреждений, которые основаны на данном федеральном законе. Данное обстоятельство так же провоцирует конфликтные ситуации между учащимися, родителями и администрациями школ.

Конкретное содержание указанных образовательных областей зависит от возрастных и индивидуальных особенностей детей, определяется целями и задачами Программы и может реализовываться в различных видах деятельности.

Для детей дошкольного возраста (3 года — 8 лет) в Программе прописано самообслуживание и элементарный бытовой труд (в помещении и на улице)[11]. Программа предусматривает целевые ориентиры дошкольного образования и социально-нормативные возрастные характеристики возможных достижений ребенка. В соответствии с целевыми ориентирами на этапе завершения дошкольного образования ребенок должен обладать установкой положительного отношения к миру, к разным видам труда, другим людям и самому себе, обладает чувством собственного достоинства [11].

Таким образом, ориентируясь на формулировки, содержащиеся в ФГОС ДО предполагается возможным выделить и сформулировать следующие виды труда:

- ◆ самообслуживание;
- ◆ хозяйственный труд;
- ◆ труд природный;
- ◆ ручной труд.

Задачи труда по самообслуживанию:

- ◆ учить самостоятельно ухаживать за собой: одеваться, раздеваться по четкому верному алгоритму, правильно складывать вещи, уметь ухаживать за своими вещами, обувью и игрушками;
- ◆ учить самостоятельно выявлять загрязнения и повреждения одежды и грамотно их устранять, а также находить подобное у друга и помогать ему исправлять;
- ◆ учить самостоятельно готовиться к занятиям, приему пищи, прогулке и ко сну.

Задачи по хозяйственному труду:

- ◆ продолжать учить сохранять порядок в помещении, а в случае выявления неполадок совместно с воспитателем устранять их;
- ◆ приучать детей к уличному труду: убирать мусор, очищать дорожки от грязи, снега и песка; учить самостоятельно трудиться в столовой учреждения: готовить и накрывать столы (только те блюда, которые ребенку по силам донести, чаще это тарелки с хлебом и сыром или фрукты), убирать за собой грязную посуду и оставлять после себя чистые столы и помещение;
- ◆ учить самостоятельно готовить рабочее место, наводить порядок и убирать предметы работы после занятий.

Задачи по природному труду:

- ◆ воспитывать уважительное отношение к окружающему миру; учить заботиться о животных, которые имеются в ДОО, а именно: убирать за животными, своевременно чистить клетки и менять воду, следить за наличием пищи у питомцев;
- ◆ воспитывать в детях стремление помогать взрослым в огороде или саду: сажать, поливать, убирать сорняки.

Задачи по ручному труду:

- ◆ учить самостоятельно пользоваться предметами ручного труда на занятиях;
- ◆ учить малышей самостоятельно делать простые аппликации, картины, открытки, сувениры и украшения; формировать у детей желание починить и восстановить игрушки, книги и прочие предметы;
- ◆ учить детей грамотно и экономно расходовать используемый материал.

Вывод, что конфликты пронизывают все наше общество, не нуждается в доказательствах. Не миновала эта участь и социальный институт, каким является школа. Не будет преувеличением сказать, что конфликты разной интенсивности характерны для большинства российских школ. Поскольку педагогическая сфера представляет собой совокупность всех видов целенаправленной социализации личности, а суть ее — деятельность по передаче и освоению социального опыта, то именно здесь необходимы благоприятные социально-психологические условия, обеспечивающие душевный комфорт педагогу, ученику и родителям [6].

Проблема конфликтогенных ситуаций при трудовом воспитании школьников решается только совместными усилиями родителей и педагогов. Для этого необходимо как можно чаще устраивать родительские собрания, где договариваться о правилах, заданиях и методах воспита-

ния детей. Родители, в свою очередь, должны посещать все собрания и принимать в них активное участие.

В рамках действующего законодательства, в условиях отсутствия правовой базы привлечения к труду детей в школьных заведениях, представляется возможным выделить следующие способы разрешения педагогических конфликтов по поводу организации труда школьников и снизить уровень конфликтогенных ситуаций:

- ◆ определить цель труда (если ребенок сам ставит цель — что он хочет сделать, каков должен быть результат, можно уточнить ее либо внести другое предложение);
- ◆ помочь ребенку мотивировать свой труд, обсудить с ним, для чего и для кого нужна данная работа, в чем ее значение;
- ◆ сформировать умение элементарно планировать работу (например, сначала приготовить таз с водой и тряпочку для мытья доски, потом выбрать место для чистых игрушек и т.д.);
- ◆ показать и объяснить, как успешнее выполнить поручение, обязанность;
- ◆ пробудить интерес к предстоящему делу, поддерживать и развивать его в ходе работы;
- ◆ помочь выяснить, что уже сделано и что еще можно сделать, чтобы добиться лучшего результата;
- ◆ проговаривать вместе с ребенком основные «трудовые правила» (работать старательно должен каждый, необходимо помогать старшим, младшим и т.д.);
- ◆ систематический совместный с ребенком контроль над ходом, результатом работы и совместная оценка проделанной работы, уделяя особое внимание проявленному ребенком терпению и самостоятельности;
- ◆ формирование у детей умения и навыков по выполнению требований, проверке результатов труда и оценке вклада каждого в общее дело.

Но, все выше перечисленное допустимо лишь на словесном уровне, без привлечения ребенка к физическим действиям. Эффективность воспитательного процесса лишь на уровне слов без практических действий, конечно, достаточно низкая. Именно поэтому требуется более детальное законодательное регулирование данных понятий. Иначе, уже на уровне школы уже формируется различное отношение к труду детей тех родителей, которые подписывают согласие на привлечение ребенка к элементарному труду и тех, кто выражает отказ.

Проявление и формирование у детей школьного возраста самостоятельного интереса к различного рода труду, понимания его значения в развитии личности в целом, воспитание потребности в труде и приспособ-

ленности к труду — одна из главных задач образовательного учреждения.

В педагогической конфликтологии еще в работах 70-х гг. обращалось внимание на то, что конфликт может играть как позитивную, так и негативную роль в педагогическом процессе. Он рассматривался как ситуация «столкновения и борьбы несовпадающих точек зрения, интересов, установок, которые появляются у детей в процессе их деятельности и общения и которые, с одной стороны, мобилизуют морально-психологический потенциал личности, способствуя развитию самосознания, утверждению положительных сторон и преодолению отрицательных черт личности, а с другой — могут приводить к фрустрации, вызывая ощущение глубокой неудовлетворенности, тяжелые эмоциональные переживания, недовольство собой, окружающими людьми и т.д.» [3, с. 22].

Е.В. Андриенко к конструктивным функциям конфликта относит познавательную, развивающую, инструментальную и перестроенную [2, с. 263]. Л.Д. Наумова включает в этот перечень воспитывающую функцию, подчеркивая, что ее реализация в педагогической деятельности «предполагает наращивание нравственного опыта, образцов продуктивного поведения в конфликте, преодоление появления у старших школьников негативных личностных свойств и качеств и т.д.» [9, с. 181]. Воспитывающая роль конфликта связана с актуализацией «положительного индивидуального опыта и смыслопоисковой деятельности, не сведенной преимущественно к выбору стратегий поведения, а связанной с выработкой новой ценностно-смысловой позиции через включение: в позитивном конфликте — в ситуации нравственного выбора и самостоятельную оценку ответственности за поступки; в деструктивном — в общественно полезные практики для положительной самореализации» [9, с. 181].

Конфликтная ситуация возникает, когда удовлетворение потребностей одного из оппонентов препятствует удовлетворению потребностей другого. Конфликтная педагогическая ситуация представляет собой совокупность объективных и субъективных условий, возникающих в образовательном пространстве и создающих определенное психологическое напряжение, вследствие чего ослабляется рациональный контроль субъектов общения и активизируется их эмоциональное восприятие сложившихся противоречий.

Выбор способа разрешения конфликта зависит от способности учителей как взрослых людей и компетентных профессионалов объективно оценивать ситуацию и стремиться не к эскалации конфликта, а к его разрешению посредством применения адекватных

стратегий. В психолого-педагогической литературе они определены как «соперничество», «уступка», «уход», «компромисс», «сотрудничество».

В результате реализации практического компонента конфликтологической подготовки у будущих учителей должны быть сформированы особые компетенции в области практики разрешения педагогических конфликтов, включающие:

- ◆ сформированность предметных умений в области решения педагогических конфликтов;
- ◆ становление педагогической позиции и базовых основ индивидуально-педагогического стиля поведения в педагогическом конфликте;
- ◆ развитость культуры педагогического мышления, необходимого для разрешения педагогических конфликтов [8].

Таким образом, формирование готовности к продуктивному разрешению конфликтов связано, с одной стороны, со сложной внутренней работой учителя,

с другой — с включением в этот процесс всех участников конфликта, будь то ученики, их родители, коллеги или администрация школы. Управление конфликтом невозможно без взаимодействия со всеми его участниками. Педагогические конфликты, возникающие в образовательной сфере при использовании детского труда, реально существуют в современном образовании, в отличие от советского периода, где труд был важным педагогическим методом воспитания детей. Разрешение данных конфликтов возможно путем их полного устранения за счет законодательного императивного закрепления возможности привлечения учащихся к определенному в законодательстве труду. Так же существуют ряд педагогических и психологических мер по урегулированию подобных конфликтов. Правовая осведомленность, понимание своих прав и готовность к их реализации в рамках учебного процесса, несомненно, поможет преподавателям более продуктивно выполнять свои обязанности по трудовому воспитанию учащихся при законодательной поддержке государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1999. С. 45.
2. Андриенко Е. В. Социальная психология: учеб. пособие / под ред. В. А. Сластинина. 2-е изд., доп. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 263 с.
3. Афонькова В. М. Конфликты в коллективе старшеклассников и пути их преодоления: автореферат дис. канд. пед. н. М., 1975. 22 с.
4. Бороздин Ю. А. Трудовое воспитание в педагогической системе К. Д. Ушинского: Дис. канд. пед. наук. Курск, 2001.
5. Баныкина С. В. Педагогическая конфликтология: состояние, проблемы исследования и перспективы развития // Современная конфликтология в контексте культуры мира / под ред. Е. И. Степанова. М.: УРСС, 2001. 457 с.
6. Воронин Г. Л. Конфликты в школе // Соц. исследования. 1994. № 3.
7. Федеральный закон от 29.12.2012 N273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации».
8. Корнеева Н.Ю., Е. И. Шаталова. Подготовка будущих педагогов к разрешению педагогических конфликтов в образовательной организации. Челябинский государственный педагогический университет. Поволжский педагогический вестник. 2015. № 4(9).
9. Наумова Л. Д. Формирование готовности старших школьников к продуктивному разрешению конфликтов: дис. канд. пед. н. Тюмень, 2010. 181 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.
11. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. N1155 г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования», зарегистрирован в Минюсте РФ 14 ноября 2013 г, регистрационный N30384.

© Филиппова Ольга Владимировна (ovz24@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

А.С. ПОЗОВ О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я» И ЕЕ ИЗМЕНЕНИИ

S.A. POZOV ABOUT THE NATURE OF THE HUMAN «I» AND CHANGE

O. Alexandrova

Summary. The work is devoted to the philosophical and metatheoretic aspects of the problem of human Self and its changes. The change of the human Self is a little-known problem that is directly related to the security of the individual and society. This is indicated by the underlying assumptions of many of the proposed solutions, which do not actually have sufficient justification. These include, in particular, the explicit and implicit identification of Self and personality, and the assertion that most of the human Self belongs to the unconscious. The existing technologies of consciousness manipulation and its changes, to which belongs the well-known method of psychocorrection of I. V. Smirnov, are based on them. But are these assumptions true? A. S. Pozov's research, the analysis of which is devoted to our article, helps to clarify this and other topical issues.

Keywords: human Self, personality, consciousness.

«Своими силами, построенными на расудочной воле, человеку не выбраться из нравственных противоречий, из коих соткана вся его жизнь»

М. В. Лодыженский

А. С. Позов — выдающийся, но малоизвестный большинству аскет и мыслитель 20 века, из обрусевших греков. В своем фундаментальном труде, — «Основы древнецерковной антропологии», он творчески развивает святоотеческие идеи о природе и необходимых условиях совершенствования человека.

Предметом нашей работы является изучение смысла и общая оценка идеи человеческого Я А. С. Позова. На наш взгляд, это будет способствовать анализу интервала научной абстракции (термин М. М. Новоселова) Я и конкретизации философских и общенаучных идей о духовном изменении человека и условиях этого изменения.

В обосновании идеи человеческого Я точкой отсчета для А. С. Позова служат труды св. Отцов [4;5]. Он обращает внимание, что понятия духа, души и тела можно считать прочно установленными в современной философии и психологии, чего нельзя сказать о понятиях личности, индивидуальности и Я.

Александрова Ольга Степановна,
К.ф.н., доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
07_aos@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена философским и метатеоретическим аспектам междисциплинарной проблемы человеческого Я и его изменения. Изменение человеческого Я является малоизученной проблемой, имеющей непосредственное отношение к безопасности личности и общества. На это указывают исходные посылки многих предлагающихся решений, которые фактически не имеют достаточного обоснования. К ним, в частности, относятся явное и неявное отождествление Я и личности, а также утверждение, что большая часть человеческого Я принадлежит области бессознательного. Существующие технологии манипуляции сознанием и его изменения, к которым принадлежит и широко известный метод психокоррекции И. В. Смирнова, опираются именно на них. Однако верны ли эти посылки? Исследование А. С. Позова, анализу которого посвящена наша статья, помогают прояснить этот и другие актуальные вопросы.

Ключевые слова: человеческое Я, личность, сознание.

В общественном мнении и научном сознании Я, личность и индивидуальность, т.н. «семантическая картина мира» (термин Смирнова И. В.) фактически неразличимы. Из исследования А. С. Позова следует, что такой порог различения (З) не позволяет объяснять личностные изменения и ограничения психотерапии¹. Он считает древнецерковную антропологию необходимым основанием различения личности, индивидуальности и Я, определения их сущности и выдвигает свою идею их взаимосвязи.

А. С. Позов раскрывает отношение личности и Я. Я в сравнении с личностью и индивидуальностью понятие более широкое, оно включает в себя обе последние. Возможность существования духа и души человека вне тела является аксиомой его онтологии и исходной установкой исследования А. С. Позова. Дух и душа имеют земное и неземное бытие. Я есть дух и душа в их земном бытии, в физическом теле.

В религиозном созерцании Я и личность сливаются, исчезает дуализм Я и Не-Я, субъекта и объекта. Я — это сложный комплекс из духа, души и тела, комплекс эмпирического бытия, их конкретное единство. Поэтому

¹ Суть проблемы в определении разрешающей способности информационной системы и класса задач, который она позволяет решать. Для гуманитарных исследований этот критерий научной рациональности, как правило, оказывается посторонним, что способствует релятивизму и субъективизму.

личность и индивидуальность так легко смешиваются с Я [4.27].

А.С. Позов приходит к выводу, что Я не ограничивается какой-нибудь одной функцией духа или души. Оно включает в себя все функции тримерии: все наши переживания связаны с представлением нашего Я, связанного с телом. Действует не душа и не отдельные силы души, но Я.

Данное утверждение А.С. Позова очень отличается от принятых в современной науке, когда утверждается, например, что мозг принимает решение, или что сознание делает выбор, или что изменением семантической картины мира можно изменить память; либо что всю информацию контролирует сознание или подсознание. Эти утверждения имеют, однако, существенное значение, поскольку от них, как исходных посылок научного поиска, зависит стратегия научного исследования и выбор метода.

Я может найти путь к другому Я. Эту идею А.С. Позова, на наш взгляд, нельзя понимать упрощенно, вкладывая в нее чисто материалистически-психологический смысл¹. Она, на наш взгляд является продолжением мысли св. Отцов о том, что память о Боге и уважение всякого человека ведут к обретению себе помощи у всякого человека, мысли С.Л. Франка о том, что всеединство царства духов, внутренняя взаимосвязанность человеческих душ создает общность, круговую поруку в их судьбе.

А.С. Позов подчеркивает, что нельзя говорить об эволюции Я, поскольку Я есть явление, а не существо или сущность.

Роль Я видна из следующих его признаков:

- ◆ Я складывается из жизненных факторов, окружающих личность в мире.
- ◆ Я лежит в основе сознания и самосознания, ясность которых зависит от чувств и желаний, в особенности от подсознательных чувств.
- ◆ Во всех переживаниях сохраняется единство самосознания и Я.

В отличие от материалистической трактовки, где сознание рассматривается как функция или атрибут мозга, как высший вид отражения (материи), А.С. Позов исследует сознание как атрибут Я. Он различает высшее Я, связанное с сознанием внутреннего человека и низшее Я, связанное с созна-

¹ Мы согласны с утверждением, что понятия науки совершенны настолько, насколько совершен человек, что научные модели неполны, что невозможно создать теорию всего.

нием внешнего² в его устремленности к низшим целям [5.309].

Содержание сознания влияет на состояние Я: ложное, низшее Я — продукт противоестественного комплекса из ощущений, восприятий, представлений низшей природы человека. Это Я становится идолом и поглощает все силы эмпирического человека. Единство сознания нарушается и при душевных болезнях вследствие крайней степени катастасиса человека, когда в одном индивидууме живут как будто два Я³.

А.С. Позов указывает на отношение Я к памяти. Память⁴ он исследует как функцию души, составляющую существенную основу неизменяемого Я⁵.

Интересно рассуждение А.С. Позова о возможности познания Я. Я не есть определенное представление, но последнее формальное предельное понятие нашего познания. Мы воспринимаем, представляем и мыслим нечто другое, что не есть мы сами, но в каждом чувстве мы чувствуем самих себя. Поэтому в чувстве мы ближе подходим к ядру нашей личности, чем в мыслительном познании.

Самопознание Я недоступно психологическому анализу и неосуществимо в научном эксперименте. Но оно становится доступным в молитве, когда Я созерцает самого себя в «зеркале чистой души» [4.30]. Тогда субъект и объект сливаются в одном образе, а внешний и внутренний человек образуют одно цельное Я. Чем духовно богаче и содержательнее Я, тем в большей степени доступно оно самосозерцанию. Содержание Я может быть различным в зависимости от того, какие части тримерии в нем преобладают.

² Внешнего человека, по А.С. Позову, составляют: тело, телесная чувственность, фантазия, душа, обращенная к телу, дискурсивно-интуитивный ум и дух, обращенный к телу. Внутреннего — душа, обращенная к духу и к Богу (ее созерцательная часть) и дух, обращенный к самому себе и к Богу и к внутреннему Логосу-Христу.

³ В психиатрии, например, подобный эффект известен под названием «феномена альтернирующей личности» или «феномена двойного сознания». См. подробнее: игумен Ефрем (Виноградов-Лакербая). Кто вселился в мальчика? <http://igumen-n.logoslovo.ru/papers.php?page=1&page=5>.

⁴ А.С. Позов различает головную память и память сердца, вмещающую невидимый мир и сверхиндивидуальный опыт человечества, коллективную душу и коллективное сознание в смысле К.Г. Юнга. Поэтому логична конкретизация — деление на память мирскую и Божью. Карта души содержит весь индивидуальный опыт человека, внешний и внутренний, и в этом смысле может соответствовать современному понятию автобиографической памяти. Потеря памяти зависит связана с расстройством сердца.

⁵ Согласно А.С. Позову память есть основная функция души, без которой жизнь невозможна. Всякое состояние живой материи оставляет след, память есть оживание этого следа. Мозг есть субстрат внешней памяти. Субстратом внутренней памяти является сердце. Это память человека-Архетипа. Память сердца составляет основу подсознания человека — источника сознания и интуиции. Существует также мозговое подсознание и мозговая априорная память, оно также является центром микрокосма и Архетипа.

Важна идея Позова о возможности сужения и расширения Я, его выхождения либо не выхождения за пределы мозгового сознания; совпадения или несовпадения с личностью. Совпадение рассматривается как показатель преобладания внутреннего человека.

Если преобладает духовная сторона или внутренний человек, тогда Я почти совпадает с личностью. При преобладании внешнего человека Я суживается, замыкается в самого себя, превращается в психосоматический, душевно-телесный комплекс, который не выходит за пределы физического, мозгового сознания.

В характере этого Я: эгоизм, чувственность, своя воля и рациоциация (*ratio cinatio*, рационализм). Это Я усиливает черты индивидуальности в человеке, переходящие в индивидуализм — абсолютный эгоизм. Исследование А. С. Позова подводит к выводу, что одним из оснований кризиса современного общества и человека является культ индивидуализма.

В отличие от светской этики идеал Я в христианстве — в его духовной свободе. Ап. Павел говорит: «Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6,12). Абстрактная и неуловимая «субстанция» Я воспринимается в религиозно-созерцательном опыте непосредственно внутренним, или духовным, «оком». «Кто сподобился увидеть самого себя, тот выше сподобившегося увидеть ангелов» [7].

Среди рассмотренных нами идей А. С. Позова относительно человеческого Я ключевыми, на наш взгляд, являются следующие:

1. Идея необходимости различения человеческого Я, индивидуальности и личности для понимания причин изменения духовного состояния личности и, в частности, ее явной и неявной деградации.
2. Идея существования объективных духовных закономерностей изменения личности, Я и индивидуальности; идея иерархии их субъективных форм.

А. С. Позов в обосновании этих идей преимущественно использует следующие абстракции: индивидуации, отождествления, постоянства. Эти абстракции способствуют увеличению степени разрешения его теоретической системы и обоснованию онтологической самостоятельности Я и личности в контексте спасения как христианского смысла человеческого бытия. Он также использует системное обоснование, методологическую аргументацию и принцип совместимости, что повышает достоверность выводов.

Значение и перспектива нашего исследования связаны с решением следующих задач: объяснение границ и противоречий научного познания человека, прогно-

зирование последствий искусственного вмешательства в его природу, выявление тенденций в изменении духовного состояния человека и народа.

Психологический подход к памяти исследует ее в отношении к мозгу, деятельности и познанию. Однако он не является достаточным и не отвечает на следующие вечно актуальные вопросы:

1. От чего зависит работа памяти?
2. От чего зависит содержание подсознания и его осознание и изменение?
3. Каковы границы управления подсознанием?
5. Причины ограниченности психозондирования и психокоррекции: границы научной методологии в модификации памяти.
6. Влияние духовного состояния человека на память, сверхсознание и познание.
7. Что является субстратом памяти?
8. Каковы возможные состояния памяти с учетом христианской эсхатологии и догматом о бессмертии души?

Данные вопросы связаны с онтологическим основанием, природой человека, подсознания, человеческого «Я» и предназначением человека. Это та область, в которой философия, наука вообще оказывается необходимо связанной с древнецерковной антропологией, поскольку очевидно также, что она уходит корнями в трансцендентное бытие.

На наш взгляд, многое объясняет идея А. С. Позова о существовании двух типов подсознания: микрокосмического и антропического, включающих в себя коллективное и логоистическое, простого и единичного по своей сущности, связанного с Логосом и Архетипом. В психокоррекции и психоанализе имеет место воздействие на первое со всеми вытекающими последствиями и ограничениями. Логоистическое подсознание остается латентным.

Известно, что методологическое обоснование в науке недостаточно, научные методы не универсальны. Если метод (в т.ч. психозондирование) дает адекватную информацию в решении одного класса задач, это не означает что применительно к другим она будет обладать той же степенью достоверности. Психозондирование и психокоррекция исследуют и воздействуют, прежде всего, на мозг и, видимо, только на антропическое подсознание, разрушая или видоизменяя конкретные энграммы и комплексы. Оно не способно воздействовать на дух как субстрат памяти (идея Св. Луки Войно-Ясенецкого) и, соответственно, изменять структуру тримерии духа души и тела. Духовная несвобода, таким образом, служит основой нового энграммкомплексобразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игумен Ефрем (Виноградов-Лакербая) Как возникают злые чувства? <http://igumen-n.logoslovo.ru/papers.php?paper=6&page=16>. Дата обращения: 15.03. 18.
2. Лодыженский М. В. Свет незримый. Петроград, 1915. — 304 с. — <http://books.e-heritage.ru/book/10072527>. Дата обращения: 15.03. 18.
3. Новоселов М. М. Абстракция в лабиринтах познания. М.: Идея-Пресс, 2005. — 352 с. — ISBN5-7333-0061-2.
4. Позов А.С. (Авраам Позидис). Основы древнецерковной антропологии: В 2 т. — Том 1. — Сын человеческий / Под редакцией С. А. Ершова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 573 с. — ISBN978-5-288-04506-6.
5. Позов А.С. (Авраам Позидис). Основы древнецерковной антропологии: В 2 т. — Том 2. — Сын человеческий / Под редакцией С. А. Ершова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 573 с. — ISBN978-5-288-04508-0.
6. Смирнов И. В. Психологическая антропология. М.: Издательский Дом «Холодильное дело». — 336с. — ISBN5-9900151-1-9.
7. Исаак Сирий, Сл. 41, с. 180.

© Александрова Ольга Степановна (07_aos@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

ПОНЯТИЕ «СПОРТ»: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

THE CONCEPT OF «SPORTS»: SOCIO- PHILOSOPHICAL ASPECT

D. Semenov

Summary. The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the phenomenon of sport. In the opinion of the author, the sport has ceased to be the occupation of professionals for whom engaging in them means achieving a certain result. Today, the sociocultural status of the sport is such that it can not be studied only in the plane of physical culture. The actuality of the socio-philosophical consideration of the phenomenon of sport is determined by the colossal humanistic potential of sport, which has a special significance in the 21st century.

Keywords: sport, physical culture, socio-philosophical analysis, socio-cultural status, humanistic potential.

Семенов Дмитрий Владимирович

*К.ф.н., доцент, Нижегородский государственный
лингвистический университет
ds7771@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому анализу феномена спорта. По мнению автора, спорт перестал быть занятием профессионалов, для которых занятие им означает достижение определенного результата. Сегодня социокультурный статус спорта таков, что он не может изучаться только в плоскости физической культуры. Актуальность социально-философского рассмотрения феномена спорта обусловлена колоссальным гуманистическим потенциалом спорта, имеющим особое значение в XXI веке.

Ключевые слова: спорт, физическая культура, социально-философский анализ, социокультурный статус, гуманистический потенциал.

Необходимость социально-философского осмысления феномена спорта вызвана тем, что последний перестал быть уделом немногих профессионалов, для которых занятия спортом означают выполнение физических упражнений с целью достижения определенного результата. Социокультурный статус спорта сейчас таков, что вопрос не может ограничиваться его рассмотрением только в плоскости физической культуры. Огромный эстетический, идеологический и, прежде всего, мировоззренческий потенциал спорта признается всеми и активно используется в рамках любого культурно-исторического комплекса как значимый элемент формирования базовых структур общественного сознания, норм, ценностей, идеалов, придающих обществу вектор развития.

Актуальность социально-философского рассмотрения феномена спорта обусловлена колоссальным гуманистическим потенциалом спорта, имеющим особое значение в начале XXI века. Реабилитация гуманистического начала в культуре, идея целостного человека, в котором материальное пребывало бы в динамическом единстве и равновесии с духовным, вновь становится насущной потребностью.

Другой важный аргумент в пользу социально-философской рефлексии спорта связан с тем, что в нем заключен своеобразный культурный код той или иной цивилизации в концентрированном виде представляющий ее этос, и та, не всегда явная доминантная установка, которая носит общекультурный характер и стимулирует деятельность индивида во всех ее формах и проявлениях. Не случайно, что философия спорта, как отдельное

направление в развитии этой базовой академической дисциплины, была предопределена своеобразной интеллектуальной революцией в Новом Свете, которую осуществили корифеи американской философии прагматизма, и прежде всего — Джон Дьюи (1859–1952).

Сущность прагматической философии заключается в переориентации социальной практики с абстрактных метафизических схем, пытающихся ухватить и выразить всеобщее в человеке в виде некоей категории на единичное, субъективное и уникальное в нем. Благодаря чему конкретизируется социокультурный статус индивида, его роль и функции в социальной практике. По существу, речь идет о реакции на избыточный онтологизм западной метафизики, подменяющей живую реальность — Понятием; протесте против «диктатуры идей», имеющей на Западе христианскую генеалогию и ведущей к расколу самой человеческой природы с избыточным предпочтением идеального в ней. Прагматизм восстанавливает в правах человека «здесь и теперь», в его конкретике и полноте. Это не могло не стимулировать интерес к социально-значимым формам его телесной активности. Для обнаружения последней спорт более чем инструментален.

Здесь стоит вновь обратиться к идеям философии прагматизма и ее несомненного лидера Д. Дьюи. С его точки зрения основная функция философии в общекультурном контексте заключается в том, чтобы быть источником просвещения, инструментом распространения просветительский методик и технологий, своеобразной школой человеческой мысли. Предлагавшиеся им теоретические новации как бы сверялись с практикой

обучения. Они были заданы тем, что он мыслит философию не как интеллектуальное изыскание на потребу любознательных умов, не как эстетическую игру, а «... как *общую теорию образования*» [1, с. 297], теорию просвещения, инструмент обучения разумности, без чего не может быть осмысленной жизни. Ведь «... жизнь — не просто пассивное существование (если считать, что такое вообще возможно), а деятельность, окружающая среда или обстановка — все то, что поддерживает эту деятельность или препятствует ей» [1, с. 17].

«Философия,— неоднократно подчеркивал он,— имеет двойную задачу: критика существующих целей по отношению к достигнутому уровню науки (при этом она указывает, какие ценности устарели при освоении новых ресурсов, а какие — просто сентиментальные мечты, поскольку отсутствуют средства их реализации) и интерпретация результатов конкретных наук применительно к их будущим общественным устремлениям. Без разработки образовательных эквивалентов предлагаемых стратегий невозможно добиться успеха, поскольку у философской теории нет лампы Аладдина, чтобы вызвать к жизни те ценности, которые она конструирует в мыслях» [1, с. 297–298].

Постановка проблемы спорта в его социально-философском измерении стимулирует поистине необозримые возможности для исследования этой и смежных с ней тем. «Открывается возможность анализа вопроса о возможных и реальных ценностных ориентирах личности, различных социальных групп и общества в целом по отношению к телесному бытию человека, об эволюции этой системы ценностей, о ее характере в рамках современной культуры и в ближайшем будущем. В связи с этим возникает необходимость в анализе различных моделей физической культуры. Каждая такая модель характеризуется тем, какая ценность тела (или наоборот, комплекс этих ценностей), служит ориентиром для социального субъекта (личности, социальной группы, общества в целом), определяет его отношение к телу, его поведение и даже стиль (образ) жизни. Особенно актуальным является вопрос о тех моделях соматической культуры, которые наиболее адекватны реалиям современного общества и новым социально-культурным условиям XXI в.» [2, с. 46].

Возвращаясь к теме целостного человека, столь значимой для развития культуры, стоит отметить, что спорт может выступать в качестве весьма успешного индикатора аутентичности самого человека. Ибо через анализ спортивной активности можно исследовать границы, за пределами которых человек теряет характеристики принадлежности вида *Homo Sapiens*. Являясь своего рода экстремальной активностью человека, спорт как социокультурный феномен позволяет поставить во-

прос о недопустимости воздействия искусственного в биологические характеристики самого человека. Эта проблема здесь решается в плоскости дискуссии вокруг использования допинга в качестве искусственной стимуляции деятельности спортсмена ради достижения неких сверхрезультатов.

Гуманная суть спорта состоит и в том, что он «... способствует активной гражданской позиции, соединяет людей и обеспечивает доступ к техническим сооружениям и общественным службам. Спорт является объединяющей силой, ведущей к солидарности посредством связей и отношений, основанных на ценностях честной игры, взаимного уважения и толерантности» [3, с. 10].

Таким образом, социально-философская постановка проблемы спорта позволяет очертить перспективу его гармоничного развития, которое должно осуществляться таким образом, чтобы сам человек не терял своих исходных морфологических признаков. Одновременно философское истолкование феномена спорта может позволить достичь более адекватного понимания его роли в формировании идеала нового человека — человека XXI века. Каким он должен быть? Каким ценностям он должен быть привержен? Наконец, насколько такой идеал может быть универсальным и иметь общечеловеческое значение? Потребность в последнем тем более актуальна в контексте проблем глобализации и интенсивного взаимодействия различных культур современного взаимозависимого мира.

Появление отдельной гуманитарной дисциплины под названием «философия спорта» связано с достаточно интенсивным интеллектуальным движением, происходившим в Северной Америке на рубеже шестидесяти-семидесяти годов XX века, суть которого в реабилитации человеческого в отношении к метафизическому. Как указывает американский ученый, специалист в области спортивной психологии У. Морган «... решающую роль в академическом дебюте философии спорта сыграли два события. Первым было появление исследований спорта из старой и сложившейся области физического воспитания. Если традиционное физическое воспитание основывалось исключительно на медицинских и педагогических исследованиях физической активности и спорта, то новая, зарождавшаяся область спортивных исследований преследовала более амбициозные интеллектуальные цели, дополняя традиционные медицинские и педагогические исследования философскими, историческими и социологическими. Это оттеснение науки и педагогики как основных направлений работы сделало возможным изучение культурных и исторических контекстов спорта. В этом отношении публикации «Движения и значения» (1968) Элеанор Метени и «Человек, спорт и существование» (1967) Говарда Слэшера

застолбили место философии спорта в этой новой многообещающей области исследований» [4, с. 147].

Гуманизация философского дискурса нашла свое выражение в реабилитации интереса к философскому осмыслению спорта. Одним из знаковых событий здесь стало появление книги Пола Вейса «Спорт: философское исследование» (1969)[5]. Эта книга вызвала широчайший резонанс в философском сообществе и послужила отправной точкой в систематическом изучении этой дисциплины. Апофеозом этого процесса стало создание в 1972 году «Философского общества по изучению спорта» — Международной научной организации, председателем которой и стал Пол Вейс. В 1974 году общество стало выпускать «Журнал по философии спорта», который и по сей день остается важным научным посредником в серьезном философском изучении спорта.

В самом общем виде постановка проблемы этой дисциплины связана, как минимум, с выяснением трех аспектов, характеризующих спорт как социокультурный феномен. Речь идет о необходимости обозначить своеобразную демаркационную линию, которая отличала бы физическую деятельность от собственно спортивной. Иными словами, выяснить каковы основные черты, отличающие спорт от других форм человеческой активности. С этой проблемой связаны и две другие: какие отличия можно провести между спортом и другими явлениями, связанными с человеческой деятельностью, и какие сходства и общие черты можно обнаружить между ними?

Очевидно, что ответ на все эти вопросы, которые и составляют сущность философского дискурса спорта, возможны лишь при наличии четкого определения понятия «спорт». В своем эссе «Генезис спорта как социологическая проблема» (1960) немецкий социолог и историк Н. Элиас (1897–1990) анализирует этимологию понятия «спорт». Автор утверждает, что английское слово «спорт» (sport) — обозначает определенный вид занятий, приносящий удовольствие и предназначенный для развлечения человека. Но «... если говорить о «спорте» в широком смысле, то он включает все состязания и физические упражнения, какие только можно встретить в тех или иных обществах: это же понятие в более узком смысле относится к определенному типу состязательных игр, возникшему в Англии и уже оттуда распространившемуся в другие страны» [6, с. 44].

Спорт — это собирательный термин и в настоящее время включает многие формы человеческой активности. «Спорт — это и мотогонки, и водное поло, и тяжелая атлетика, так же как и игры на спортивной площадке: регби, крокет, хоккей, и спортивные занятия на свежем воздухе: охота, стрельба, рыбная ловля. Если вообще

можно говорить обо всех видах спорта, вместе взятых, то можно было бы сказать, что они в разной степени ассоциируются с такими признаками, как напряжение всего тела, соревновательность, использование ловкости, неопределенность результата и некоторые элементы опасности. Кроме того, большинство видов спорта имеют свои правила, ритуал, систему. Они представляют собой «формы жизни» в миниатюре и требуют отваги, физической силы, скорости, выносливости» [7, с. 45].

Спорт как многогранный социальный феномен является сферой подготовки человека к различным видам деятельности. Спорт способен удовлетворять духовные запросы общества, расширять интернациональные связи и выступать одним из важнейших средств этического и эстетического воспитания. В качестве продукта общественного развития спорт составляет органическую часть культуры общества и в зависимости от конкретных социальных условий приобретает различные черты и формы. Так автор статьи «Форма насилия. Похвальное слово красоте спорта» профессор Стэнфордского университета (США) Х.-У. Гумберт утверждает, что наслаждение, получаемое от спорта — бескорыстно. Другими словами, нет объективных причин (оснований корысти) восхищаться им, созерцание спорта не идет на пользу нашему здоровью или благополучию. «Именно на это указывает Кант, называя эстетическое удовольствие «бескорыстным», и именно это имеют в виду более поздние критики и философы, говоря об «автономности» или «изолированности» Искусства» [8, с. 83].

Под определением «физическая культура» обычно понимают «... регулирующую деятельность человека (ее направленность, способы, результаты), связанную с формированием, развитием и использованием телесно-двигательных способностей человека в соответствии с принятыми в культуре (субкультуре) нормами, ценностями и образцами» [9, с. 294]. Физическая культура «... как понятийно выделенная часть общей культуры общества должна включать в круг своих вопросов значительную часть двигательной активности и связанные с нею идеологические, методологические и технологические представления как средство оздоровление человека и социума (в том числе в физическую культуру в таком случае входит важнейшей составной частью теория и практика физического воспитания)» [10, с. 10]. В качестве таковой физическая культура и входит в общекультурный контекст.

Статус родового в отношении спорта для понятия физическая, соматическая культура определяется, прежде всего, полисемантическим содержанием самого понятия, возможностью разнообразных его интерпретаций. Сюда включается и понимание физической культуры как реальности, охватывающую материальную сферу бытия

человека; определенным образом видоизмененную, в соответствии с потребностями индивида и теми ценностями, которых он придерживается на том или ином этапе социокультурного процесса. Сюда в качестве естественного, неотъемлемого его элемента, субъекта физической культуры входит и сам человек.

Наряду с этим широким определением выделяют как отдельный значимый аспект соматической культуры сугубо аксиологический, связи с более широким истолкованием человека, как субъекта социальных отношений. Например, в части, касающейся оздоровления человека, улучшения условий его жизни. Аксиологический аспект соматической культуры тесно связан с процессом социализации индивида, ибо физическая культура, как и любая другая разновидность последней, предполагает овладение определенными навыками и умениями, что немислимо без процесса обучения, т.е. вовлечения человека в деятельность микро- и макрогрупп. Существуют и более узкие определения соматической культуры. Обычно под ней понимается здесь набор упражнений, воздействующих на телесную, биологическую составляющую человека и имеющую целью модификации последней.

Как видно из этих определений социально-аксиологическое измерение человека оказывается тем смысловым ядром, вокруг которого и формируется комплекс истолкования соматической культуры. В него органично входит осознание человеком своего тела в качестве некой предпосылки, без которой невозможен сам феномен; осмысление места и значения физической культуры в процессе генезиса личности индивида, а также его включенности в более широкий социальный контекст. Чрезвычайно важен здесь аспект совмещения, возможно более гармоничного, телесного, соматического и духовного, составляющих единое целостное человеческой природы. Либо их дифференциация с гипертрофией телесного, что также встречается в тексте некоторых культурных традиций.

По большому счету место физической культуры и спорта как родового и видового в социокультурном процессе как раз и определяется тем, насколько естественны, органичны эти взаимодействия между телесным и духовным в человеческой природе. Мировоззренческое основание физической культуры и спорта вполне отчетливо проявляет себя в различных формах спортивной деятельности. Здесь можно выделить несколько ключевых моделей, имеющих конкретно-историческую природу и всегда привязанных к тому или иному этапу исторического развития человека.

Среди главенствующих, мы выделяем, отмеченную выше установку на максимально гармоничное сочета-

ние телесного и духовного в человеке, исходя из принципа его единства. Эта парадигма характерна для Античности. Самостоятельное значение имеет модель, показывающая своеобразное раздвоение человека, разрыв его природы на внешнюю — телесную и внутреннюю — разумную, духовную с их последующим противопоставлением и очевидным приматом в отношении последней. Результатом чего является интерпретация телесного как неизбежной необходимости, либо средства для реализации определенных задач, которые ставятся разумом и определяются им. Этот принцип позитивного утилитаризма получил свое распространение на рубеже Нового и Новейшего времени в истории Западной цивилизации.

Ему предшествовал принцип аскетизма, свойственный средневековому сознанию, который основан на жестком противопоставлении телесного и духовного в человеке, их непримиримости при абсолютизации разумного и духовного начала. В результате телесное оказывается подвержено уничтожению, пренебрежение к нему становится нормой жизни.

«В Европе Новейшего времени эти представления были соединены с идеей самоуправляемого и ответственного, социально заинтересованного и активного индивида, которые переводит данные идеи и представления в инструментальный план исполнительства, находит для их реализации рациональные, универсальные, чисто технические средства (добавлю, развитие профессионального музыкального исполнительства — процесс, хронологически параллельный и аналогичный по смыслу). Соответственно, они оказались активно включены в широкий культурный проект построения нового общества и нового человека, связанный с интересами и целями новых, не закрепленных в сословной иерархии, динамичных социальных слоев, элитных групп, массовых движений. Спорт как система воплотил в себе идеи и черты укоренившегося его общества» [11, с. 103].

Вопрос, однако, заключается в том, откуда берутся эти идеи, каков их генезис? Мировоззренческие основания физической культуры и спорта признаются и социологией, наиболее активно изучаются последней.

В качестве примера приведем две популярные социологические дефиниции спорта. Первая: «Спорт — это занятие определенным видом спорта (в различных клубах и др.) как ... состязания (профессиональный спорт, спорт высокого мастерства, спорт как профессия); в школе как физическое развитие (физическая культура); различные аспекты, поддерживающие здоровье, такие как рекреация, фитнес, спорт на досуге; спорт в различных специальных институтах, таких как высшая школа,

военный спорт, спорт на производстве; в менее типичных группах лиц: женский спорт, параспорт, спорт людей пожилого возраста; в конфессиональных общинах (церковь и спорт); в движении как аспекте понимания искусства — танец, балет, народные (национальные) танцы, гимнастика и др.» [12, с. 117].

Во втором определении спорта акцент сделан на различных формах активности движения. «Спорт — особая форма активности движения человека. Наличие цели, круг занимающихся спортом людей, время и место свидетельствуют о многомерности спорта, характеризующей общественное значение этого явления. Спорт — выражение культурных достижений людей. Поэтому для него характерно то, что и для других культурных достижений: тенденции идеологизации, профессионализации, дидактичности и др.» [12, с. 118].

Осмыслить философски феномен спорта означает обнаружить его главенствующую Идею. Иными словами, необходимо понять:

- ◆ какие нормы, ценности и идеалы лежат в основании спортивной активности;
- ◆ насколько они соотносятся с господствующим на том или ином этапе социокультурного процесса мировоззренческими установками; —
- ◆ каковы социально значимые функции спорта.

Все это, в конечном итоге, позволяет глубже проникнуть в механизм культурно-исторического развития, вскрыть природу мотивации человеческого поступка в его стремлении к первенству, к совершенству. В спорте, как в феномене культуры, с особой очевидностью обозначено присутствие той мотивации, которая лежит

в самом основании культурно-исторического процесса, запускает его механизм. Речь идет о стремлении индивида к экспансии, максимально широкому освоению реальности, с целью расширения своей свободы с помощью систематического преодоления как внешних, так и внутренних ограничений.

По существу, речь идет о героическом действии, осуществление которого ведет к актуализации творческих возможностей человека и меняет его природу. Экспансия как двигатель социокультурного процесса может иметь экстенсивный характер, не затрагивающий основы природной реальности (Античность); охватывать главным образом природу человека с целью ее преобразования (средневековое христианство); затрагивать онтологические характеристики реальности в целом, ее структуру, как и природу самого человека (идея прогресса в Новое и Новейшее время). Но в каждой из этих моделей есть момент перехода человека из самодовлеющего состояния, выход его в инобытие, изменение качества самого бытия, как условие выживание самого человека. Спорт дает здесь одно из самых наглядных иллюстраций этой установки.

Другая важная характеристика спорта, вскрывающая его сущностные основания, заключается в игровом характере спортивной активности. Что позволяет нам утверждать некую онтологическую связь феномена спорта с игровой культурой в целом. Таким образом, спортивная активность является важнейшим компонентом развития, укорененным в самой природе человека, поэтому прототипы современного спорта мы находим в архаических культурах Европы и Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьюи Д. Демократия и образование / Д. Дьюи. — М., 2000. — 384с.
2. Философия и социология спорта в XXI веке / «Круглый стол» журнала «Теория и практика физической культуры» // Теория и практика физической культуры. 2000. № 6
3. Бокова И. Предисловие Генерального директора ЮНЕСКО И. Боковой / И. Бокова // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения. — М.: ЮНЕСКО: Магистр-Пресс, 2011. — 1000с.
4. Морган У. Философия спорта: Исторический и концептуальный обзор и оценка будущего / У. Морган // Логос. 2006. № 3.
5. Weiss P. Sport: a Philosophic Inquiry / P. Weiss. — Carbondale. 1969. — 274р.
6. Элиас Н. Генезис спорта как социологическая проблема / Н. Элиас // Логос, 2006. № 3.
7. Peter J. Arnold. Aesthetic Aspects of Sport / Arnold. P.J. // International Review of Sport Sociology, 1978, vol.13. № 3.
8. Гумберт Х. У. Форма насилия. Похвальное слово красоте спорта / Х. У. Гумберт // Неприкосновенный запас, 2004. № 3.
9. Физическая культура / Культурология. XX. Энциклопедия. Т. 2. СПб., 1998. — 907с.
10. Коренберг В. Б. О некоторых базовых понятиях в нашей сфере / В. Б. Коренберг // Теория и практика физической культуры, 2008. № 2.
11. Дубин Б. Состязательность и солидарность. Рождение спорта из духа общества / Б. Дубин // Отечественные записки, 2006. № 6.
12. Ласкене С., Чингене В. Возможности анализа спорта как социального феномена / С. Ласкене, В. Чингене // Социологические исследования, 2007. № 11.

© Семенов Дмитрий Владимирович (ds7771@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИМИНАЛЬНОГО И ПСЕВДОЛИМИНАЛЬНОГО В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИИДЕНТИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Фусу Лариса Ивановна

К.м.н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
florayy@mail.ru

PHENOMENOLOGICAL INTERPRETATION OF THE LIMINAL AND PSEUDO-LIMINAL IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE POLYIDENTICAL SPACE OF RUSSIAN SOCIETY

L. Fusu

Summary. The article presents a philosophical analysis of the conceptual field of liminality as a factor in the formation of the identity of subjects (individuals, social groups). The methodological basis was the phenomenological theory. Conceptualization of the liminality in this article is based on the relationship «Me and Other». The «other» appears in various hypostases (Other, Alien). Based on the dominance of this mode, the identity of the subject is formed. Liminality serves as a buffer. The prolonged period of identification leads to the destruction of identity. The author of the article analyzes the theoretical matrix with reference to modern Russian society. Several spaces are analyzed: political, economic, sociocultural, civil, professional and gender. The process of identity formation of subjects in each of these spaces is considered. A conclusion is made about the dominance of pseudoliminal over the liminal. A conclusion is drawn on the prolonged character of the liminal period in different spaces of identity formation of subjects.

Keywords: liminal, pseudoliminal, identity, identification, social space, phenomenology.

Аннотация. В статье представлен философский анализ понятийного поля лиминального как фактора формирования идентичности субъектов (индивидов, социальных групп). Методологической основой выступила феноменологическая теория. Концептуализация лиминального в данной статье происходит на основании отношения «Я-Другой», где «Другой» предстает в различных ипостасях (Другой, Иной, Чужой). На основе доминирования определенного модуса формируется идентичность субъекта. Лиминальное выполняет функцию буфера: затянувшийся период идентификации, его неопределенность приводят к разрушению идентичности. Автор статьи анализирует теоретическую матрицу применительно к современному российскому обществу. Сделаны «срезы» нескольких пространств — политического, экономического, социокультурного, гражданского, профессионального и гендерного. Рассмотрен процесс формирования идентичности субъектов в каждом из пространств. Сделан вывод о доминировании псевдолиминального над лиминальным, а также о пролонгированном характере лиминального периода в различных пространствах формирования идентичности субъектов.

Ключевые слова: лиминальное, псевдолиминальное, идентичность, идентификация, социальное пространство, феноменология.

Феноменологическое осмысление проблемы социального бытия происходит через соотношение концептов «Я» и «Другой» (далее в тексте — без кавычек). Интерпретация *Другого* в различных контекстах позволяет выйти на понимание острых экзистенциальных вопросов. Рост негативных, деструктивных социальных явлений (суицидальность, агрессия, конфликтность, ксенофобия, социальная отчужденность) напрямую обусловлены восприятием *Другого* и апелляцией к опыту формирования идентичности. В своих более ранних работах мы уже обращались к интерпретации лиминального как фактора формирования идентичности [15]. В рамках феноменологии понятийное поле, обозначенное в данной статье, заключено в рамках понятий *идентичность, идентификация, лиминальное, псевдолиминальное*. Обратимся к их концептуализации.

Происходящие в современном социуме процессы множественной идентичности индивида и социальных групп формируют полиидентичное пространство, внутри которого можно выделить различные «срезы» или *поля идентичности*. Не углубляясь в анализ структуры данного пространства, выделим лишь наиболее очевидные из них: экономическое, политическое, социокультурное, гражданское, гендерное, профессиональное. В каждом из них выстраивается иерархия идентичностей, из которых личность и социальная группа имеют теоретическую возможность *выбора*. Выбор обусловлен двумя противоположными тенденциями: стремлением к идентификации и стремлением к разграничению, дистанцированию, сепарации (отделению). Соотношение этих двух тенденций и формирует содержание идентичности. В работе «Психология масс и анализ человеческого Я» Фрейд пишет о том, что в психоанализе

«идентификация считается самым ранним проявлением аффективной связи с другим человеком». Автор подчеркивает, что идентификация — это не просто имитация, а отождествление на почве сходных условий, стремление «быть как», то есть стремление к подобию «и идентификация относится к тому общему, что неизменно остается в бессознательном». В описании тотемического пиршества в работе «Тотем и табу» Фрейд указывает на идентификацию с мертвым отцом, которого невозможно оплакать. Речь идет о сложностях, связанных с потерей объекта, приводящих к идентификации Я с утраченным объектом.

Исследуя регресс от идентификации к выбору объекта, затем ситуацию, в которой идентификация создает общее разделенное чувство Фрейд предлагает три вывода. Первый из них упомянут выше — идентификация указывает на самую раннюю связь с объектом; второй — идентификация в результате регресса может стать заменой аффективной связи с объектом, в таком случае идентификация ведет к желанию сблизиться с объектом, слиться с ним, теряя личные границы; третий — идентификация может вновь появиться когда кто-то обнаруживает, что обладает чертами, схожими с другим человеком. Так обычно подготавливается новая связь. Чрезмерная любовь к матери, как указывает М. Кляйн мешает «поддерживать идентификацию с реальными объектами и приводит к известным тяжелым последствиям (депрессия, мания, паранойя).

Важную роль в идентификациях играют идеалы Я. Как указывает Н. Бужор «Я-идеал» появляется на основе идентификации с героями. Обычно в таких случаях идентифицируются с престижными и необычными качествами. Для Фрейда «Идеал-Я» является инстанцией, появляющейся в результате наложения двух составляющих: идеализации Я и идентификации с родителями и коллективными идеалами. В результате «Идеал-Я» становится образцом, к которому стремится субъект. Однако, как указывает Н. Бужор, идентификация не является лишь пассивным процессом, а создается так же и из сопротивления связи с объектами, из амбивалентности отношений с ними.

В современном обществе идентичность человека множественна.

Каждая из них накладывается на другую и фактически образует многослойную структуру идентичности, где существует определенная иерархичность каждой по отношению к другим. Место в иерархии есть следствие восприятия *Другого* как наиболее значимого или наиболее чуждого для Я.

Аспект формирования идентичности через осмысление проблемы *Другого* впервые становится очевидным

в работах Х. Ортега-и-Гассета, задавшегося вопросом о рефлексии места Я в пространстве социума. Автор обозначает эту точку местом пересечения миров *Других* [10, с. 530]. Открытие *Другого* есть факт признания самого себя, то есть, открытие себя, идентификация. *Другой* может быть обнаружен и воспринят только при условии полной сепарации от него [В. Капсамбелис, 2017]. Об этом мы читаем и у Г. Марселя [8] и Ж.-П. Сартра: «Для постулирования себя в мире Я нуждается в том, чтобы быть познанным Другим» [11, с. 246]. Таким образом, только в процессе идентификации себя с *Другим* человек приобретает всю полноту своего бытия, и данный процесс исключительно диалогичен (М. Бубер): «Человек может обрести цельность не в отношении к своему Я, но в отношении к другому Я» [5, с. 94]. С точки зрения М. Мерло-Понти, именно восприятие и постижение *Другого* дает возможность познать свое *Эго/Я* [9, с. 142]. Рождение и становление психической жизни происходит под взглядом *Другого* — именно это имел в виду Д. Винникотт, описывающий отражающую роль материнского взгляда-зеркала для младенца. Андре Грин прямо написал об этом: «Психизм младенца может родиться только из психизма *Другого*, из психизма матери». Однако путь от идентификации к идентичности долог. Для описания первого объекта, который еще не выделяется как «не-Я», Винникотт использует термин «субъективный объект». Идею субъективного объекта олицетворяет материнская грудь — первый символ матери, которым оперирует человеческое существо на пути своего психо-социального становления, именно от нее прокладывается путь к объективному субъекту — самости, идентичности. В известной книге «Игра и реальность» (1971 г) автор описывает «первичную идентификацию» и указывает на жизненно важный аспект первичного опыта для инициации всех последующих переживаний, связанных с идентичностью. Вслед за стадией «субъективного объекта», по мере эмоционального развития индивида он достигает этапа, когда может быть назван целостным и отдельным от других, это этап, названный Винникоттом стадией «Я существую» (1958 г). Согласно автору, индивидууму следует обрести существование прежде, чем он начнет делания, «Я существую» должно предшествовать «Я делаю», в противном случае делание будет бессмысленным для самого ребенка. Стадия Винникотта «Я существую» тесно связана с концепцией депрессивной позиции М. Кляйн (1934 г). «На этой стадии ребенок может сказать: «Вот Я. Внутри меня — Я, снаружи от меня — не Я»

Если в западноевропейской феноменологической традиции Я доминирует над *Другим*, поскольку постигает себя через *Другого*, то в русской философской мысли мы такого не наблюдаем. Сущностным пониманием здесь выступает идея всеединства, наиболее ярко развитая у В. С. Соловьева. Постигание своего Я в интерпретации

философа происходит только посредством единения с Абсолютом: «*«Этот» может быть «всеми» только вместе с другими...*» [12, с. 154]. Этическая составляющая процесса идентификации через слияние *Я* и *Другого* звучит и у С.Н. Трубецкого: «*Сознание человеческого индивида неизбежно фрагментарно... чтобы подниматься мыслью над обманчивыми переживаниями моей индивидуальной психики, надо вступить в диалог с другими*» [13, с. 149].

В обозначенных контекстах можно увидеть интерпретацию процесса формирования личностной идентичности через *сходство с Другим*. Есть и иной аспект: идентичность через различие. Ж. Деррида фиксирует это как характерную черту современного общества, человека: *differance* [6, с. 196], или постоянный поиск *Другого*. В отрицательной трактовке понятие *Другой* трансформируется в *Чужого*, происходит противопоставление *Я-Другой*, и желаемый эффект здесь — не быть таким, как *он*, то есть, идентичность формируется исходя из понимания чуждости *Другого*. Тогда вместо идентификации происходит то, что психоаналитики называют контр-идентификацией, вместо того, что «быть как Другой» — сознательное, но чаще бессознательное стремление «не быть как Другой». В неприятии Иного, Другого кроются все причины ксенофобии, расовых, половых раздоров и войн. В социальном смысле можно констатировать, что трансляция в сознание образа *Чужого* позволяет дифференцировать социум на лагеря «мы-они», то есть, сформировать социальную (групповую) идентичность на принципе различия.

Иерархизация множества *Других* в сознании *Я* при событийной встрече с ними задает вектор формирования идентичности. Происходит это при наличии внутренних предпосылок или *предубеждений* (модусов). По сути, положительный модус — *Я-Другой* — путь к идентичности; отрицательный модус *Я-Другой* (*Иной, Чужой*) — означает лиминальное, пограничное состояние и не может характеризовать целостность идентичности. Оба этих модуса раскрываются в *со-бытии*. Идентичность, таким образом, есть следствие борьбы между выбором *Других* как эталонов для себя самого. В *со-бытии* с ними человек выбирает свою инаковость, свою ответственность. Об этом находим у Э. Фромма: «*По мере того, как ребёнок обособляется от этого мира, он начинает осознавать своё одиночество, свою отделимость от других*» [14, с. 134].

Все обозначенное дает нам право сформулировать основной тезис: идентификация, выстроенная на принципе *утверждения Другого*, на диалогичности пространства *Я-Другой*, формирует целостность идентичности (индивида, группы). Идентификация, в основе которой лежит процесс отрицания и даже противопоставления

в пространстве *Я-Другой*, контр-идентификации, может формировать лишь лиминальную, фрагментарную идентичность. И здесь логично перейти к характеристике лиминального.

Если понимать лиминальное как некую временную континуальность, то уместна аналогия с «примериванием актерских масок», как об этом сказано у О.С. Аниимова. Исследователь приводит аналогию с подготовкой актеров к исполнению ролей, их закулисной игрой. В этот момент актер «модифицирует» свое бытие по требованию роли, происходит процесс идентификации с персонажем [1, с. 12]. Именно *иллюзорность* этой идентификации актера и придает ей статус фрагментарной, временной, поверхностной. Аналогичный процесс происходит в социуме: ощущение временности своего статуса, его иллюзорности как эффекта лиминального приводит к некоей *искусственности* идентичности субъекта (индивида, группы). В таком случае субъект воспринимает свой статус как требуемый, необходимый для чего-то более совершенного. А.И. Бобков, в этой связи, говорит о свойстве лиминального выводить из состояния приспособления в состояние осмысления [4, с. 75]. То есть, важен сам факт осознания субъектом не *естественности*, но *привнесенности* социальных структур извне. Лиминальное, следовательно, означает осознание *чуждости реальности*, осознание наличия в ней «чужака», что в восприятии *Я-Другой* демонстрирует отрицательный модус со-бытия. По словам А.И. Бобкова, «*лиминальность в первую очередь сосредоточена не на могуществе другого (чужака), а на собственных практиках принятия его даров и непонимании их смысла в момент этого принятия*» [4, с. 76].

Однако если такое состояние затягивается, формируется маргинальность сознания субъективного статуса. И здесь лиминальное выполняет функцию буфера между идентичностью и маргинальностью: затяжной эффект лиминальности неизбежно разрушает структуры идентичности и приводит к маргинальности. Но есть и еще одно понятие в исследуемом нами поле: *псевдолиминальное*. Оно потому и носит статус *псевдо*, что маскирует, укрывает истинность действий, статусов. Псевдолиминальное, выдавая *ложное за истинное*, затягивая, таким образом, переходность статусов, также продуцирует маргинальность и разрушает идентичность. К псевдолиминальным состояниям следует отнести идентификацию с утраченным объектом при меланхолии. Как известно, люди «которых мы подозреваем в патологической предрасположенности», как пишет Фрейд в одной из фундаментальнейших работ «Горе и меланхолия» не способны к полноценному оплакиванию умершего, поэтому вместо работы горя они едва справляются с работой меланхолии, заканчивающейся идентификацией с умершим, тем, что «тень утраченного объекта падает

на Я» деформируя, искажая его, разрушая его прежнюю идентичность. Переход из псевдолиминального состояния в нормальное возможно только через работу горя. А теперь обозначенную методологическую «матрицу» наложим на реалии российского социума.

Совокупность пространств, в которых субъекту приходится искать свою идентичность, обрисовывает и совокупность лиминальных статусов. Рассмотрим некоторые. Каждый из выделенных пространств в рассматриваемом аспекте предполагает краткую характеристику по следующим параметрам: «примеряемые» социальные роли; ритуализация; средства ритуализации.

Политическая идентичность формирует лиминальные статусы субъектов в политическом пространстве. К таким статусам можно отнести, например, регистрацию политической партии, движения; вступление в президентскую должность; предвыборную кампанию. В процессе регистрации политической партии (движения) примеряемые социальные роли (лидер партии, член партии, активист движения) имеют пока еще не закреплённый формально характер, то есть, являются неформальными. Сам процесс регистрации является своего рода ритуалом, проверкой на прочность. При этом отказ в регистрации нарушает социальные ожидания субъектов, формируя маргинальное сознание. Оппозиционность формируемой политической структуры по отношению к власти выступает своего рода критерием непрохождения такой проверки. Лояльность власти и режиму, чаще всего, гарантирует успешность данной процедуры. В таком случае, лиминальное и псевдолиминальное ставятся в прямую зависимость от критерия оппозиционности: чем выше оппозиционность, тем больше эффект псевдолиминального. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении предвыборной кампании. «Игра» в демократию формирует псевдолиминальное состояние субъектов, участвующих в кампании, но также и остальных членов гражданского общества, выступающих в роли избирателей. Происходит примеривание роли избирателей, но сами избиратели при этом осознают, что это — лишь игра.

Экономическое пространство формирует экономическую идентичность субъектов, заставляя признавать себя принадлежащим к определенным группам экономических игроков: производитель-потребитель, продавец-покупатель. Но наиболее интересен здесь аспект принадлежности к определенной экономической группе в системе стратификации. Лиминальность статусов и здесь обладает противоречивостью. Например, статус начинающего предпринимателя предполагает наличие ряда ритуальных действий как своего рода испытаний: формальное оформление бизнеса, выстраивание связей с чиновниками, позиционирование по отношению к кон-

курентам, внедрение определенной кадровой политики в организации, предприятии. Успешное прохождение лиминальной стадии приводит к утверждению субъекта в статусе предпринимателя. При этом он принимает правила игры, предложенные более опытными игроками (конкурентами, чиновниками), то есть, лиминальность его статуса ставится в прямую зависимость от его способности и желания следовать принятым правилам. Но и в этом случае постоянство статуса не гарантировано: «рейдерские» захваты успешных бизнес-компаний как негативная латентная тенденция в российском социуме создает эффект псевдолиминальности статуса предпринимателя. Схожую картину можем наблюдать и по отношению к другим субъектам экономического поля, — например, по отношению к рядовому работнику по найму. Низкие зарплаты и непрерывная инфляция создают впечатление *временности* ситуации, которой сопутствует ожидание *иной* реальности. Сегодня средняя российская семья живет постоянным ожиданием улучшения своего статуса и одновременным осознанием тщетности такого ожидания: типичное лиминальное состояние, переходящее в псевдолиминальное. Социально желаемая роль человека «среднего класса», транслируемая СМИ как идеала общества потребления, сохраняет свою значимость и недостижимость для большинства российских обывателей. Псевдолиминальное маскируется под лиминальное, средством ритуализации при этом выступают СМИ.

Пространство профессиональных полей формирует профессиональную идентичность субъектов. Трансляция в общественное сознание идеи непрерывности профессионального образования создает эффект «незавершенной» профессиональности субъекта. Профессиональная идентичность остается при этом фрагментарной, неосмысленной. Сложности профессионального трудоустройства, устройство не по профессии усиливают этот эффект в социальном масштабе. Приобретение одной профессии, а работа — по другой формируют псевдолиминальное сознание, подсознательное ожидание и постоянный поиск *иного* пути развития. Псевдолиминальность незавершенного статуса транслируется при помощи идеологии непрерывного образования, маскируя маргинализацию профессий, а СМИ усиливают этот эффект, формируя образ «успешного потребителя».

Пространство *гражданственности* позволяет вести речь о формировании идентичности *гражданина*, обладающего совокупностью гражданских прав. Примеряемые роли фокусируются вокруг основной ценности — «гражданские права». Лиминальность статуса обусловлена *возможностью* приобретения этой ценности. Однако сама *данность* ее все более отодвигается. Российский обыватель как субъект пространства гражданственности живет в иллюзии *становления данности*,

пребывая в лиминальном (псевдолиминальном) статусе, от чего сознание его все более фрагментируется по отношению к гражданской идентичности.

Социокультурное пространство в современном российском социуме формируется на пересечении идентичности космополита, патриота и этноцентриста. Космополита — поскольку век глобализации диктует необходимость обращения к ценностям глобализма; патриота — так как усиливаются тенденции *признавать* патриотизм в качестве национальной идеологии; этноцентриста — поскольку регион выступает сегодня главным звеном в развитии хозяйствующих практик. В каждой из плоскостей есть и свой процесс ритуализации. К примеру, в плоскости патриота таким ритуалом выступают множество мероприятий, проводимых на государственном уровне в последние годы. Все это многообразие идентичностей не может не сказываться на осознании лиминального статуса субъектов; но эта лиминальность маскирует псевдолиминальность в процессе неразрешимости идеологических противоречий в современном социокультурном пространстве.

Пространство гендерных ролей предполагает обращенность к трансформации ролей маскулинности и фемининности. Исследователи Н. С. Клименко и А. В. Зберовский дают, на наш взгляд, вполне удачное определение настоящей российской гендерной культуре — «феминизированный патриархат», что означает доминирование маскулинного начала в общественной жизни, а фемининного — в ментальной основе российской культуры [7, с. 49–53]. Подобный «сплав» формиру-

ет размытость идентичности, что проявляется через смешение роли мужчины и женщины в обществе и семье.

Таким образом, формирование идентичности субъектов в современном российском социуме базируется на пересечении спектра идентификационных полей. В каждом из таких полей присутствуют лиминальные статусы. Выбор значимого *Другого* происходит при со-бытийной встрече с ним, но эта встреча может иметь отрицательный модус. Вопрос состоит в том, управляем ли данный процесс извне и насколько он подконтролен самому субъекту? Этим же вопросом задается О. С. Анисимов в серии своих публикаций [1, 2, 3]. В действительности же, формирование образов *Чужого* и *Иного* в ипостаси *врага* способствует социальному разобщению и ломает идентичность субъектов. Псевдолиминальное доминирует над лиминальным, а сам лиминальный статус имеет неопределенно пролонгированный характер, в результате чего идентичность субъектов российского социума разрушается, развиваясь в сторону маргинальности. Формирование политической идентичности обусловлено образом *Чужого* в ипостаси оппозиционера, экономической идентичности — *Иного* в образе инноватора, социокультурной идентичности — *Иного* в образе не-патриота, профессиональной идентичности — *Иного* в образе имеющего непривлекательную и «не доходную» профессию. В то время как оформленная идентичность «повышает субъективный потенциал общества, потенциал его эффективности, совершенствования, перспективности» [1, с. 15–16], идентичность (псевдо-идентичность) субъектов российского социума имеет глубоко лиминальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов О. С. Идентичность как познавательная категория и социообразующий фактор // Мир психологии. 2012. № 1(69). С. 12–18.
2. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. М.: Реал-принт, 2010. Вып. 13–16. 278 с.
3. Анисимов О. С. Славяне в цивилизационной динамике. — М., 2009. 525 с.
4. Бобков А. И. Социальная лиминальность и сконструированная этноархаика: различие смыслов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 74–78. DOI 10.17223/15617793/394/12. — С. 70–78.
5. Бубер М. Проблема человека. М.: ИНИОН, 1992. 146 с.
6. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб.: Алетейя, 1999. 421 с.
7. Клименко Н. С., Зберовский А. В. Гендерная идентичность и национальная идентичность в современной духовной культуре России // Вестник КемГУКИ. 2017. № 39. С. 49–53.
8. Марсель Г. Метафизический дневник. СПб: Наука, 2005. 586 с.
9. Мерло-Понти М. В защиту философии. Пер. с франц. И. С. Вдовиной. М.: Изд-во гуманитарной литературы. 1996. 248 с.
10. Ортега-и-Гассет Х., Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М.: Издательство «Весь Мир» 1997. 704 с.
11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
12. Соловьев В. С. Смысл любви / Избранное. М.: Советская Россия, 1990. 496 с.
13. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории / Трубецкой С. Н. Философско-историческое исследование. М.: АСТ, 2000. 650 с.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 272 с.
15. Фусу Л. И. Переходные состояния личности и общества: пограничность, кризис и его преодоление // Фундаментальные аспекты психического здоровья. 2017. № 2. С. 153–155.
16. Винникотт Д. Игра и реальность // М. Институт Общегуманитарных Исследований. 2002, стр. 145–152

17. Фройд З. Тотем и табу // М. Академический Проект, 2007, стр. 123–128
18. Фройд З. Горе и меланхолия, // Психология бессознательного М. 000 «Фирма СТД», 2006, стр. 187–227
19. Фройд З. Психология масс и анализ человеческого Я. //»Я и Оно«.М., «ФОЛИО», Харьков, 2000, стр. 769–839
20. Капсамбелис В. Психотическое функционирование // Уроки психоанализа на Чистых прудах М., 2016, стр. 103–105
21. Бужор Н. От идентификации к свободе мышления // Уроки психоанализа на Чистых прудах, М., 2016, стр. 14–16
22. Green A. La folie privée. Paris, Callimard, 1990

© Фусу Лариса Ивановна (florayy@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ЗАГАДОЧНАЯ СУДЬБА АРХИВОВ НЬЮТОНА

Шаров Константин Сергеевич

*К.ф.н., старший преподаватель, Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова,
const.sharov@mail.ru*

MYSTERIOUS DESTINY OF NEWTON'S ARCHIVES

K. Sharov

Summary. In the paper, the problem of the current utmost distribution of archives of the great English scientist Isaac Newton, is studied. A direct connection is made between so great dispersedness of Newton's archives and the sale of 1936 at London auction house Southeby's. It is demonstrated that at present there are twelve largest library archives of Newton and much more private collections. A number of Newtonian manuscripts are deemed to be lost forever.

Keywords: Newton, Newtonianism, archive, Portsmouth archive, library, Keynes, Yahuda, Hebraism.

Аннотация. В данной работе изучен вопрос разбросанности архивов английского ученого Исаака Ньютона в современности. Проведена прямая связь столь большой рассеянности его архивов с распродажей 1936 г. на лондонском аукционе Southeby's. Продемонстрировано, что в настоящее время существует 12 наиболее крупных библиотечных архивов Ньютона и гораздо больше частных коллекций. Ряд ньютоновских рукописей считается потерянными безвозвратно.

Ключевые слова: Ньютон, ньютонианство, архив, портсмутский архив, библиотека, Кейнс, Яхуда, гебраистика.

«Захваченный» архив для многих исследователей-публикаторов — почти единственный шанс обрести признание... Подвиг хранителя/исследователя/публикатора архива как раз и заключается в том, что он вводит архив в историю, наделяет автора второй жизнью... Архивист — второе авторское эго.

*Валерий Подорога.
К философии архива.*

Наверное, найдется мало великих умов человечества, если найдутся вовсе, рукописи которых были бы столь разбросаны по свету, как манускрипты Ньютона. В настоящее время нет даже подробного каталога, в чьих руках находятся все рукописи до последней. Известно местоположение основных, наиболее известных его работ, однако чуть ли не каждый год всплывает какая-нибудь новая рукопись в какой-нибудь частной коллекции, о существовании которой все успели забыть или никто это не документировал в свое время [7, с. 217]. Экспертиза показывает, что, несмотря на большое количество подделок со стороны людей, желающих прославиться на имени Ньютона, настоящих находок очень много.

Ниже я перечислю самые известные библиотечные ньютоновские архивы на сегодняшний день, однако нужно помнить, что их коллекциями полное собрание ньютоновских сочинений далеко не исчерпывается.

1. Кембриджский архив, Библиотека Кембриджского университета, Великобритания.
2. Коллекция Яхуды, Национальная Библиотека Иерусалима, Иерусалим, Израиль.
3. Коллекция Джона Мейнарда Кейнса, Библиотека Королевского Колледжа, Кембриджский университет, Великобритания.
4. Коллекция Тринити-Колледжа, Библиотека Тринити-Колледжа, Кембриджский университет, Великобритания.
5. Оксфордская коллекция, Библиотека Нового Колледжа, Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания.
6. Национальные архивы в Кью, Ричмонд, Суррей, Великобритания.
7. Коллекция Библиотеки Джеймса Уайта, Университет Эндрюса, Берркен-Спрингс, Мичиган, США.
8. Бодмеровская коллекция, Библиотека Общества Мартина Бодмера, Колони (под Женевой), Швейцария.
9. Бабсоновская коллекция, Библиотека Хантингтона, Сан-Марино, Калифорния, США.
10. Коллекция Сент-Эндрюс, Библиотека Университета Сент-Эндрюс, Сент-Эндрюс, Великобритания.
11. Массачусетская коллекция, Библиотека Массачусетского Технологического Института, Бостон, Массачусетс, США.
12. Техасская коллекция, Библиотека Университета Техаса, Остин, Техас, США.

Помимо этих больших библиотек, в которых хранится от нескольких десятков до нескольких сотен работ, множество манускриптов Ньютона разбросано по библиотекам, которые насчитывают всего лишь несколько рукописей [1]. К сожалению, много манускриптов осело после лондонской распродажи 1936 г. в частных руках и поэтому они, по сути, закрыты для научного исследования. И, что самое печальное, много работ, похоже потеряно, если не навсегда, то, по крайней мере, на неопределенный срок.

Таков итог печального мероприятия в *Sotheby's*, когда жадность человеческая проэксплуатировала наследие гения. Любопытно, что деньги, полученные семьей Уоллопа, графа Портсмута, давно потрачены, а ущерб архиву Ньютона нанесен колоссальный, последствия которого будут ощущаться еще не одну сотню лет. Причем дополнительную парадоксальность ситуации придает тот факт, что при жизни самого Ньютона семья Уоллопов вообще была с ним не знакома! И эта семья спустя двести лет распродала его интеллектуальную собственность, которая явно должна принадлежать всему миру [7, с. 148].

Сегодня рукописи Ньютона оцениваются крайне высоко. Для того, чтобы оценить уровень, приведу несколько цифр. Оригинал первого издания «Математических начал натуральной философии» сейчас в Великобритании можно купить / продать примерно за полмиллиона фунтов стерлингов. За отдельную законченную рукопись библиотеки могут предложить до 200000 фунтов. Даже за клочок бумаги с черновыми пометками Ньютона, не составляющими отдельной рукописи, можно получить 20–30 тысяч фунтов — парадоксально, но полный архив Ньютона в 1936 г. был распродан за много меньшие деньги!

Очередной Уоллоп, виконт Лимингтон, выставил «Портсмутские документы» (так именовался ньютоновский архив в каталогах аукциона *Sotheby's*) на продажу летом 1936 года [7]. С одной стороны, это событие, конечно, разрушило архив, но, с другой — наконец, раскрыло всю полноту интересов Ньютона, и человечество поняло, что, в сущности, вообще не знало истинного Ньютона в течение более чем 200 лет после его смерти.

Сам аукцион проходил в торговом доме *Sotheby's* 13 и 14 июля 1936 г. Задача организации каталога выставленных на продажу работ в чрезвычайно сжатый период легла на плечи Дж.К. Тейлора, главного каталогиста *Sotheby's* в отделе книг и рукописей. Хотя работа по систематизации проводилась в сверхсжатые сроки, каталог Тейлора во многих отношениях является настоящим достижением, и на протяжении более шести десятилетий эта перепись была самым значительным ресурсом для

ученых, пытающихся отслеживать отдельные рукописи, разошедшиеся по миру при Великой Распродаже. Любопытно, что Тейлор за один месяц сделал объем работ по классификации и переписи работ Ньютона больший, чем открыватель Нептуна Адамс сделал за пятнадцать лет [3, с. 130]!

Сама распродажа была подпорчена конкурирующим лондонским аукционным домом *Christie's*, где в эти же числа на продажу была выставлена коллекция картин импрессионистов Генри Оппенгеймера. Продажа всего архива Ньютона собрала чуть более 9000 £ — существенно меньше, чем 18000 \$, оплаченных неизвестным покупателем за один помятый черновой лист с чернильными кляксами, прилагавшийся к рукописи «Парадоксальные вопросы», на аукционе в 2001 году!

Будучи предупрежденным своим братом о распродаже в самый последний момент (за полтора дня), знаменитый британский экономист Джон Мейнард Кейнс, как он сам потом признавался, не смог осознать ценности ньютоновского архива до тех пор, пока торги не были полностью завершены [7, с. 4].

Поняв это, он немедленно приступил к скупке разлетевшихся во всех направлениях рукописей Ньютона как у отдельных лиц, так и у дилеров, наиболее известными из которых были братья Мэггс в Лондоне. Как указано в примечаниях к отдельным рукописям в каталоге распродажи, на самом аукционе Кейнс после отсеивания мелких покупателей вскоре столкнулся лицом к лицу с еврейским антикваром, ученым и бизнесменом Абрахамом Шаломом Иезекииелем Яхудой (1877–1951), человеком широкого профиля, который особенно интересовался богословским наследием Ньютона. И основной бой за работы Ньютона развернулся как раз между Кейнсом и Яхудой.

Хотя Кейнс также интересовался историко-религиозными и богословскими сочинениями Ньютона, ему пришлось в конечном счете сосредоточиться, в основном, на скупке алхимических бумаг, поскольку он не мог себе позволить купить все просто в силу нехватки средств. По сути, Кейнс к аукциону был явно неподготовлен из-за того, что событие в *Sotheby's* нигде не освещалось, и каталоги были сформированы лишь за какой-то месяц до аукциона. Кейнс впоследствии часто переписывался с Яхудой, и они обменяли ряд рукописей: Кейнс передал Яхуе некоторые теологические сочинения, а Яхуда взамен отдал химические работы. В 1946 году Кейнс завещал свою коллекцию Библиотеке Королевского колледжа Кембриджа, и так широкая научная общественность получила доступ к химическим и социально-научным творениям великого английского ученого, однако за исключением одного «но»: его теологические работы,

ушедшие к Яхуде, оставались закрытыми для исследователей. А если принять во внимание, что этих работ Ньютона в три раза больше, чем всех других вместе взятых, к тому же на ньютоновских теологических воззрениях во многом базируются его взгляды в философии и науке, то очевидно, что это было большим «но».

История архива Яхуды сложнее. До Яхуды доходили слухи о том, что работы Ньютона могут оказаться полезными для дела сионизма. После смерти Яхуды в 1951 г. судьба архива была решена только после ряда судебных тяжб между прямыми наследниками Яхуды, Библиотеками и государством Израиль. В конечном итоге документы были переданы в Еврейскую национальную и университетскую библиотеку (сейчас она называется Национальной Библиотекой Израиля), и именно эти архивы Ваш покорный слуга исследовал на протяжении последних полутора лет.

Хотя в других библиотеках, перечисленных в данной статье чуть выше, есть крайне важные документы, в частности, огромная теологическая рукопись со множеством примечаний и черновиков в Библиотеке Общества Мартина Бодмера под Женевой или уникальная коллекция богословских работ, собранная американкой Грейс К. Бабсон, сейчас хранящаяся в Библиотеке Хантингтона в Сан-Марино, Калифорния, США, ясно, что удивительный и бесценный материал в коллекции Яхуды в Иерусалиме, безусловно, является самым значительным для понимания религиозных воззрений Ньютона [4].

Если с Кейнсом и его интересом к работам Ньютона все достаточно понятно, то возникает вопрос: зачем еврейскому антиквару и бизнесмену теологические работы английского богослова? Конечно, можно было бы предположить, что будучи востоковедом, историком и филологом, Яхуда просто хотел пополнить собствен-

ную коллекцию интересным персонажем европейской науки, который, по слухам, писал что-то о Востоке. Но такая точка зрения будет в корне неверной.

Яхуда был страстным сионистом; он был в числе тех евреев, которые в период между мировыми войнами активно возрождали государство Израиль, курсировав между Британским мандатом Палестиной, британским правительством и банковским домом Ротшильдов, предоставлявшим финансовую поддержку для реставрации Израиля [6]. Яхуда участвовал в торжествах 1948 г., когда Израиль был воссоздан, а некоторые из его родственников были в числе первых израильских депутатов и членов израильского правительства. Явно, что такой человек не мог просто так биться до последнего с Кейнсом на аукционе из-за каких-то непонятных работ, ценности которых он не понимал. Наоборот, есть все основания полагать, что, в отличие от Кейнса, Яхуда как раз отлично осознавал всю ценность теологических сочинений Ньютона — ценность не только для себя, но и для всего еврейского общества [5].

Интерес Яхуды к архиву Ньютона понятен. Еврейский антиквар и бизнесмен планировал извлечь безусловную практическую пользу из сочинений Ньютона для возрождения государства Израиль.

Не будем забывать, что Ньютон крайне точен в своем расчете возвращения еврейской нации на Святую Землю и воссоздания государства Израиль. Его последняя калькуляция дает 1944 год вместо 1948 года в действительности. Если учесть, что Ньютон в своих расчетах исходил из библейских пророчеств и исторических данных и произвел вычисления более чем за 250 лет до возрождения израильской государственности, то его предсказание может быть названо одним из наиболее точных в истории человеческой мысли — его точность составляет 99.7%!

ЛИТЕРАТУРА

1. Andrade E. N. C. Isaac Newton. — New York, 1950. — 458 p.
2. Brewster D. Memoirs of the Life, Writings, and Discoveries of Sir Isaac Newton, in 2 vols. — Edinburgh, 1855.
3. Carter J. Taste and Techniques in Book Collecting: A Study of Recent Developments in Great Britain and the United States. — Cambridge, 1949. — 203 p.
4. Cohen, I. B., Smith G. E. (eds). Newton: Texts, Backgrounds, Commentaries. New York, 1995. — 488 p.
5. Cohen, I. B., Smith G. E. (eds). The Cambridge Companion to Newton. Cambridge, 2016. — 530 p.
6. Cohn-Sherbok D. Dictionary of Jewish Biography. — London, 2005. — 315 p.
7. Dry S. The Newton Papers: The Strange and True Odyssey of Isaac Newton's Manuscripts. — Oxford, 2014. — 238 p.

© Шаров Константин Сергеевич (const.sharov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Adamova T. — Researcher, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology; National Scientific Research Centre on Addictions
atv_56@mail.ru

Alexandrova O. — Candidate of philosophy, associate Professor, Vladimir state University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov
07_aos@mail.ru

Fusu L. — Candidate of medical Sciences, associate professor, Higher School of Economics
florayy@mail.ru

Kalendarishvili Z. — Candidate of Pedagogic Sciences, Saint-Petersburg's University of the Humanities and Social Sciences
zurab.kalendarishvili@yandex.ru

Kamenez A. — RGSU (Moscow)
Kamenez.a@rambler.ru

Krasnova R. — Post-graduate student of Stroganov Moscow State University of Arts and Industry, Moscow, Russia
regi.crasnova@yandex.ru

Lobankova I. — PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Ufa State Petroleum Technological University
izar77@mail.ru

Nikitina A. — Postgraduate student of the Novosibirsk State Technical University
albina_nikitina_637@mail.ru

Orlova N. — RGSU (Moscow)
Nata-Lia-Nata@yandex.ru

Philippova O. — PhD in Law, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin
ovz24@ya.ru

Razhina N. — Omsk State Medical University
n.yu.ra@mail.ru

Semenov D. — PhD in philosophy, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University
ds7771@bk.ru

Shang Bofei — Far Eastern Federal University (FEFU) (Vladivostok)
Shangbofei@mail.ru

Sharov K. — PhD (Philosophy), Senior Lecturer of M. V. Lomonosov Moscow State University
const.sharov@mail.ru

Sidash K. — Graduate student of Saint-Petersburg's University of the Humanities and Social Sciences
2sk_1993@mail.ru/alkhadissaddam@gmail.com

Storozhenko V. — Omsk State Medical University
crazuz@mail.ru

Tovuu N. — Doctor of psychological sciences, Tuva Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
tikopr@mail.ru

Turmij V. — Omsk State Medical University
miss.robinson@mail.ru

Zhao Meng — Post-graduate student, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University; Institute of Music, Theater and Choreography, St. Petersburg, Russia
zhaomeng0819@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).